БЕЛОРУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

МИНСК
МОСКВА
2022

№ 1(6)

Институт истории НАН Беларуси
Институт российской истории РАН
Фонд «Историческая память»
Ассоциация историков Союзного Государства

Редакция:

Д. В. Суржик	главный редактор, кандидат исторических наук, исполнительный секретарь Ассоциации историков Союзного Государства
В. В. Герасимчик	выпускающий редактор, магистр исторических наук

Редакционный совет:

Я. П. Безлепкин	кандидат исторических наук (Президиум Национальной академии наук Беларуси)
А. Ф. Великий	кандидат исторических наук, доцент
В. В. Данилович	кандидат исторических наук, доцент, Академия управления при Президенте Беларуси
А. Р. Дюков	директор Фонда «Историческая память»
Е. В. Кодин	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, руководитель Научно-образовательного центра «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» Смоленского государственного университета
В. В. Кондрашин	доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН
А. П. Косов	кандидат исторических наук, заведующий аспирантурой Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры
О. В. Солопова	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья, заместитель декана — ученый секретарь исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, руководитель лаборатории истории диаспор
В. В. Симиндей	руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память», главный редактор «Журнала российских и восточноевропейских исторических исследований»
Д. В. Фомин-Нилов	кандидат исторических наук, доцент, ректор Государственного академического университета гуманитарных наук
И. Р. Чикалова	доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка; ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси
Э. С. Ярмусик	доктор исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЦЕНЗИИ 5

Герасимчик В.В. Рецензия: [Борисюк Ю.А., Рейзвих А.К. Ромуальд Траугутт — рыцарь земли Полесской. Научный редактор А.Р. Бензерук. — Минск: Энциклопедикс, 2020. — 252 с.] 7

Красильников И.Б. Два пособия по истории войны — выбор за учителем. Рецензия: [Вторая мировая и Великая Отечественная война: к 75-летию Победы. — Москва: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2020. — 106 с.; История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории. Вып. 1. Начало войны. Учебное пособие / Под ред. А.А. Ковалени, Е.И. Пивовара. — Минск: Научный мир, 2020. — 232 с. (Россия и Беларусь: страницы общей истории); История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории. Вып. 2. Оккупация и сопротивление. Учебное пособие / Под ред. А.А. Ковалени, Е.И. Пивовара. — Минск: Научный мир, 2020. — 208 с. (Россия и Беларусь: страницы общей истории); История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории. Вып. 3. Великая Победа. Учебное пособие / Под ред. А.А. Ковалени, Е.И. Пивовара. — Минск: Научный мир, 2020. — 176 с. (Россия и Беларусь: страницы общей истории)] 19

СТАТЬИ 33

Вашкевич А.Ф. Гродненский Старый замок в XIX — начале XX вв. 35

Лисовская Т.В. Изменение конфессиональной структуры общества белорусско-прибалтийского региона в начале XX века 57

Шевченко К.В. «Под небом Полесья»: из истории общественной мысли белорусского Полесья в 1930-е годы 66

Малыхина Л.Ю. Литовско-Белорусская ССР: основные проблемы историографии 87

Лютик Д.В. Бои за Гродно в ходе военной операции РККА в сентябре 1939 года 96

Грибова С.В. Отношение к коллаборационизму в среде белорусских татар во время Великой Отечественной войны 141

Киенко Д.Г. Коменданты партизанских аэродромов в Беларуси, подготовка аэродромов и посадочных площадок, практика их использования 155

Бабук А.В. Владимир Высоцкий и Беларусь: рецепции в родословной, биографии, кинематографическом и поэтическом творчестве 169

Почобут Н.А. Музеефикация памятников археологии в культуре Беларуси XX — начала XXI века 188

Демянюк А.К., Кулинок С.В. «Без пяти мгновений — век…» (К 95-летию Национального архива Республики Беларусь) 198

МНЕНИЕ 215

Шевченко О.К. Искалеченное время в техниках власти национал-радикалов (Историософские размышления о книге: Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. Москва, 2020) 217

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 223

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ 227

РЕЦЕНЗИИ

Герасимчик В.В.

Рецензия: [Борисюк Ю.А., Рейзвих А.К. Ромуальд Траугутт — рыцарь земли Полесской. Научный редактор А.Р. Бензерук. — Минск: Энциклопедикс, 2020. — 252 с.]

В 2021 году исполнилось 195 лет со дня рождения Ромуальда Траугутта (1826–1864), последнего диктатора (руководителя) восстания 1863–1864 годов на территории бывшей Речи Посполитой.

Уроженец д. Шестаково (теперь — Каменецкий район Брестской области) и владелец имения Остров (теперь — д. Островье Малоритского района), Ромуальд Траугутт окончил Свислочскую гимназию, участвовал в составе русской армии в «венгерской кампании» 1848 года, во время Крымской войны — в осаде Силистрии и обороне Севастополя. Находясь на передовой, остался невредим и был высоко отмечен историком Н.В. Бергом. В восстании 1863–1864 годов он возглавил отряд Кобринского уезда, после поражения которого выехал на территорию Царства Польского. Став в октябре 1863 года диктатором восстания, Траугутт тщетно пытался реорганизовать разрозненные отряды в регулярную армию, а также добивался присоединения к борьбе широких крестьянских масс, но сумел лишь на короткое время увеличить приток иностранцев в повстанческие ряды. Был схвачен и повешен 5 августа 1864 года в Варшаве. До сегодняшнего дня место захоронения этого «таинственного диктатора», как его нередко называли современники, остается неизвестным.

Вокруг данной исторической личности сразу же после его смерти сложился культ, получивший широкое распространение

в литературе [*Pytel 1882*]. В мифологизацию образа Ромуальда Траугутта большой вклад внесли участники восстания и позднейшие историки [*Dubiecki 1894*; *Limanowski 1920*]. В межвоенное время Р. Траугутт стал одним из центральных персонажей в выстраиваемой исторической концепции Польши, представ в образе идеального героя, жертвующего собой во имя Отечества. Его сравнивали с Тадеушем Костюшко [*Pesze 1916*, s. 2–3; *Siemiradzki 1900*, s. 28], но в итоге остановились на параллели с Исусом Христом, усматривая в его действиях глубоко религиозный подтекст. Этому во многом посодействовал Мариан Дубецкий, автор наиболее популярной биографии Р. Траугутта, отмечавший его исключительный моральный облик и глубокую набожность [*Dubiecki 1918*]. В 1929 году историк Стефан Помараньский заметил, что, несмотря на обилие публикаций в прессе, выход исторических трудов и мемориализацию памяти о Ромуальде Траугутте, многие страницы его жизни так и остались неизвестными и что «личность диктатора засияла перед глазами народа, как прекрасный метеорит, внезапно, чтобы сразу же исчезнуть вместе с трагической смертью» [*Pomarański 1929*, s. 1].

Траугутт сделался настолько популярным, что в Войске Польском 3-я Померанская пехотная дивизия была названа в его честь. В советское время историки пытались представить Ромуальда Траугутта в соответствии с марксистской концепцией, отмечая сложность данного процесса из-за укоренившегося в польском обществе мифа — «легенды о Траугутте», которая характеризовалась как «реакционно-националистическая». База исторического мифа усматривалась в природе исторических источников, указывалось на необходимость их тщательного пересмотра: «Но сегодня мы видим, что эти источники ненадежны, и особенно остро ощущаем, насколько бедны, недостаточны вообще все источники для биографии Ромуальда Траугутта. Они дают нам возможность восстановить в основном канву его жизни, внешние проявления его деятельности, но

почти не раскрывают ее направляющих внутренних сил [*Миллер 1964*, с. 343].

Сегодня имя Ромуальда Траугутта широко известно в Польше, о чем свидетельствуют названия улиц во многих населенных пунктах. В то же время предпринимаются шаги по переосмыслению личности последнего диктатора восстания 1863–1864 годов, его роли и значения созданного вокруг него культа в польской истории [*Rusin 2002*; *Rusin 2013*].

В Беларуси, на территории которой Р. Траугутт родился и вырос и где располагалось его родовое имение, проживала семья, ему посвящен памятник в Свислочи, находящийся на одной аллее с памятниками Владимиру Ленину и Иосифу Сталину. Рядом расположен памятник еще одному из руководителей восстания 1863–1864 годов — Константину Калиновскому, в отношении которого предпринимались попытки проводить определенные сравнения с Траугуттом [*Slynni polacy Polesia… 2003*]. Но в целом о роли Р. Траугутта в событиях восстания 1863–1864 годов в Беларуси почти неизвестно. О слабом интересе к его личности свидетельствует небогатая историографическая традиция, которая ограничивается несколькими статьями и брошюрами, базирующимися в основном на материале, накопленном в исследованиях польских и советских историков [*Бандарэнка 1998*; *Михаевич 2007*; *Чаропка 2016*].

Изменить данную ситуацию была призвана книга Юрия Борисюка и Андрея Рейзвиха «Ромуальд Траугутт — рыцарь земли Полесской», увидевшая свет в 2020 году в минском издательстве «Энциклопедикс». В качестве научного редактора издания выступил историк Анатолий Бензерук, автор ряда работ по истории Жабинковского района и исследований, посвященных Тадеушу Костюшко. Вступительное слово к книге написал Лев Романович Козлов, кандидат исторических наук, отметивший, что данное научно-популярное издание «является своего рода примером на пути к освещению многообразного исторического процесса» (с. 3), в то время как в ряде работ предшественников

«узконаправленная тенденция отбрасывала многие событийные факты и поведенческую мотивацию ее видных участников. Так сказать, однобокость, отредактированная в угоду конъюнктуры момента. Говоря проще: с водою выплеснули ребенка». (с. 3). Среди достоинств издания Л. Козловым называется «широкая источниковедческая база», а также то, что «критическое переосмысление специальной и популярной литературы дает возможность выявить неточности в генеалогии и повседневной жизни героя» (с. 4).

Обращает на себя внимание список источников, в котором указаны сигнатуры 40 дел из фондов Российского исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), Литовского государственного исторического архива в Вильно (ЛГИА), Национального исторического архива Беларуси в Гродно (НИАБ), Государственного архива Брестской области (ГАБО). Такую базу несколько оттеняют «исследования» (коих указано 43), значительную часть которых составляет простой список гиперссылок в сети интернет. Но даже если не учитывать данный факт, при первом взгляде на книгу Ю. Борисюка и А. Рейзвиха может показаться, что авторы действительно поставили целью, как следует из аннотации, опираясь на документы, рассказать «о жизни и о судьбе Ромуальда Траугутта». Но в действительности данное издание посвящено не столько личности Ромуальда Траугутту, сколько «местам памяти» о нем на белорусском Полесье, к тому же во введении указано, что данная книга «призвана осветить страницы жизни Ромуальда Траугутта, связанные с Брестчиной» (с. 9).

Импульсом к написанию книги, материал для которой собирался с 2013 года, послужило создание этноисторического музея на хуторе Божий Дар, неподалёку от деревни Лесково Кобринского района. Книга состоит из двух частей: основного текста (72 страницы) и приложений в виде копий документов (179 страниц). В конце книги помещено «Генеалогическое

древо Ромуальда Траугутта», составленное А.Р. Бензеруком и Ю.А. Борисюком.

Во введении справедливо отмечается, что уже после смерти Р. Траугутта «начал формироваться его культ» (с. 7). Среди тех, благодаря кому он выстраивался, названы Юльян Лукашевский, Марьян Дубецкий, Элиза Ожешко и лично маршал Польши Юзеф Пилсудский. Согласно авторам, имя Ромуальда Траугутта в «в советское время предано забвению» (с. 8) и в белорусскую историю оно было возвращено благодаря брестским краеведам Антону Цвыду и Владимиру Колеснику в 1980-е годы (с. 8). Но о каком «забвении» в советское время идет речь, если имя Р. Траугутта присутствует во всех основных изданиях и сборниках документов по восстанию 1863–1864 годов. В 1963 году, в связи со 100-летием восстания, произошла переоценка Р. Траугутта, для которой открытым оставался вопрос: «Как далекий от политической деятельности отставной офицер стал руководителем восстания 1863 года, как человек, которого считали своим белые, оказался осуществителем политики красных?» [*Миллер 1964,* с. 343]. Пытаясь более плотно увязать личность Р. Траугутта в отечественный контекст, А. Смирнов увязывал радикализм диктатуры Траугутта с тем, что тот вышел «из среды белорусских повстанцев» [*Смирнов 1963*, с. 117]. Поэтому здесь речь скорее не о «забвении», а о том, что наибольший интерес для белорусских историков среди деятелей восстания 1863–1864 годов представлял Константин Калиновский. Это сказалось на том, что остальные руководители (и речь здесь не только о Р. Траугутте) оказались без должного внимания.

Периодом, когда в Польше возник интерес к местам, связанным с жизнью и деятельностью Траугутта, авторы называют 1933–1934 годы, но еще 5 августа 1916 года в Варшаве на территории цитадели прошло торжественное освящение креста в память об убитых членах Национального правительства времен

восстания 1863–1864 годов, в том числе и его последнего диктатора. К этому же времени относится разработка проекта памятника в Свислочи (сегодня — Гродненская область), о чем свидетельствует открытка времен Первой мировой войны. В 1924 году во Львове появилась таблица в честь Ромуальда Траугутта, а в 1928 году в Свислочи торжественно открыт памятник, восстановленный в 1989 году. Однако в издании правильно замечено, что многие из «мест памяти» Ромуальда Траугутта находятся в бывшем Кобринском уезде: «Это его имение Остров, усадьба Клопоцин, где Траугутт прожил некоторое время со своей второй женой Антониной Косцюшко, и усадьба Божий Дар, где он принимал присягу» (с. 8). В научной литературе до сих пор эти объекты представлены слабо, за исключением работ Анатолия Федорука и Леонида Нестерчука. Интерес представляет замечание Юрия Борисюка и Андрея Рейзвиха по поводу еще одного объекта в Беларуси, который ошибочно ассоциируется с Р. Траугуттом, — это здание современного Суворовского домика в Кобрине (с. 8). Также в книге развенчано предание о дедушке Ромуальда по имени Якуб, который якобы служил у Тадеуша Костюшко. Кроме того, данное издание развенчивает и еще одну легенду: «Большинство исследователей (особенно белорусских) отмечали, что после казни в Варшаве Ромуальда по приказу генерал-губернатора Михаила Муравьева все строения усадьбы были сожжены. Как выше описано, документы свидетельствуют об обратном. Можем предположить, что данные заявления могли пойти от неправильно перевода польских источников, которые сообщали о разграблении усадьбы» (с. 51). Не оставляют без внимания авторы и судьбу семьи Рамуальда Траугутта, внуки которого от дочери Анны — старший Адам погиб в мундире русской армии в Первую мировую, младший Болеслав — в сентябре 1939 г., Ежи — в лагере Освенцим (с. 41).

В данном издании впервые помещены планы имения Остров и описание усадебного дома Ромуальда Траугутта, установлены

точная дата его рождения и семейный герб, переведено на русский язык последнее письмо генерала к своей жене Антонине (с. 9).

В исторической справке о возникновении и развитии усадьбы Остров (с.10) описаны перипетии того, как данное имение унаследовал Ромуальд Траугутт. О происхождении его рода авторы издания делают предположение, что «в Речи Посполитой некий Трауготт появился в первой половине XVIII века вместе с королями Саксонской династии, при которых получил дворянство. Имя прародителя стало родовым и трансформировалось в соответствии с польским произношением в Траугутт» (с. 15–16). Основанием для этого служит дело о дворянском происхождении Траугуттов, которое хранится в Российском государственному историческом архиве в Санкт-Петербурге и страницы которого представлены в книге в виде фотокопий, а также родовой герб Циремберг, который, по всей видимости, «имеет отношение к городу Циренберг» (находится ныне в земле Гессен) (с. 21). В родословной отсутствует упоминание о «деде Ромуальда Якубе Траугутте», который «был пехотным капитаном и во время восстания 1794 года получил личную благодарность от Тадеуша Косцюшко» (с. 21). Но «легенда о Якубе», через которого подчеркивалась связь между Ромуальдом Траугуттом и Тадеушем Костюшко, была весьма популярной и была воспроизведена в исследованиях советских историков [*Миллер 1964*, с. 343]. Интерес представляет и тот факт, что по матери Ромуальд происходил из стародавнего кобринского рода Снежко-Блоцких, а участвовавшая в его воспитании бабушка Юстина Блоцкая принадлежала к княжескому роду Шуйских.

Важным является уточнение о дате рождения Ромуальда: «… мы считаем, что истинная дата рождения Ромуальда Траугутта не 4-е, а 3 января 1826 года по старому стилю» (с. 19). В очерке И. Миллера — ошибочно 16 (28) января, видимо, из-за путаницы в стилях календарей [*Миллер 1964*, с. 344]. При этом нигде

ранее не отмечалось, что при рождении он был записан тремя именами (Тит Ромуальд Людвик) и был крещен священником униатского храма в деревне Церковники (Заречаны) Николаем Паевским: «То есть Тит Ромуальд Людвик Траугутт, который позднее являлся набожным католиком, был крещен в униатской церкви, ибо не было в Церковниках никогда костела, а греко-католическая деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы, построенная в 1793 году прихожанами, только после запрета унии в 1839 году перешла в православное ведомство» (с. 18). Справедливо замечание о том, что «сам факт крещения Ромуальда Траугутта в униатской церкви очень символичен, так как в костелы ходило высшее сословие — магнаты, шляхта, частично мещане, а греко-римские храмы были для низшего сословия — крестьян» (с. 19). В разделе «Страницы биографии» авторы указывают на ряд моментов, на которые польские историки не обращали внимания. Например, что за участие в Венгерской кампании 1849 года Р. Траугутт получил «новую квартиру и денежную премию в размере 245 рублей серебром» (с. 23); во время службы в Харькове он потерял четырех родных людей — дочь, бабушку, жену и сына в течение октября 1859 — мая 1860 года: «Четыре смерти из веселого компанейского мужчины, уважаемого и любимого многими, сделали замкнутого в себе человека» (с. 25). При столь небольшом объеме в данный раздел Ю. Борисюк и А. Рейзвих смогли уместить не только основные вехи жизни Траугутта, но и ряд довольно интересных фактов. Среди них то, что он женился спустя полтора года после смерти первой жены на Антонине Костюшко, родственнице прославленного генерала Тадеуша Костюшко. Свободное время он уделял науке, для чего в одном из помещений дома в Острове устроил физическую лабораторию с четырьмя электрическими машинами новейших образцов, там он пытался получить электричество большого напряжения. Ромуальд Людвикович поддерживал также переписку с известным немецким ученым Вильгельмом Хольцем (с. 28).

Удивление вызывает структура книги, согласно которой вся биография Ромуальда Траугутта занимает лишь 7 страниц, его роли в восстании 1863–1864 годов отведены еще пять, в то время как предсмертное послание жене Антонине и детям все 12 и представлено трижды: по-польски, и, что особо отмечают авторы, впервые в переводе на русский (34–41), а также еще раз отдельно в приложении помещена фотокопия данного письма (237–240). В итоге одному документу посвящено 12 страниц книги, что особенно удивительно на фоне того, что «страницы биографии» занимают всего 7 страниц.

Далее книга посвящена «местам памяти» Ромуальда Траугутта, подробно останавливаясь на судьбе конфискованного имения Остров и формировании его природно-архитектурного ансамбля. На основе выявленного в НИАБ в г. Гродно описания усадебного дома Ю. Борисюком и А. Рейзвихом сделан вывод, что «Островское имение чем-то напоминало известный усадебный дом Ваньковича в Минске» (с. 50). Что касается вопроса о расположении строений имения для его восстановления, то «к сожалению, на сегодняшний день не удалось выполнить привязку зданий, изображенных на картах, так как русло речки Осиповки, к которому можно было привязаться, в XX веке выпрямили» (с. 52). Имение сожгли в годы Великой Отечественной войны, а после освобождения застроили как деревню Островье Малоритского района: «Бывшая усадьба Ромуальда Траугутта сохранилась в прежних границах. Ныне заброшена. Фольварк был окружен большим пейзажным парком, характерным для первой половины XIX века. Сегодня сохранились его остатки площадью до 4 га» (с. 52).

«Один из исторических элементов мемориальной усадьбы» (с. 54) — памятный знак Ромуальду Траугутту, установленный в 1934 году на пожертвования жителей Кобринского повета в память о 70-летии с момента его казни. В мероприятии тогда приняли участие около 4 тысяч человек, в том числе два ветерана — Валентин Мельчарский и Станислав Грабовский. В 2003 году

мемориальный знак был восстановлен в канун международной конференции «Ромуальд Траугутт и Константин Калиновский в 140-ю годовщину Январского восстания» (с. 56).

Еще одно «место памяти» — бывшее имение Митрашевских Божий Дар (сегодня — Буховичский сельсовет Кобринского района), где в конце апреля 1863 года состоялась тайная встреча, во время которой Траугутт принял командование Кобринским отрядом: «Счел необходимым не беречь себя там, где остальные жертвуют всем…» (с. 30). По решению Кобринского райисполкома с помощью местных предпринимателей 21 мая 2003 года был установлен валун с мемориальной доской, повествующей, что именно в Божьем Даре Траугутт принял окончательное решение присоединиться к восстанию.

Основную часть книги составляют приложения документов из различных архивов. Однако резонность их помещения в качестве фотокопий, в ряде случаев весьма сомнительного качества и содержательности, нельзя оставить без внимания. Но очень важно, что на основе помещенных материалов, с учетом уже известных фактов, можно написать не одно научное исследование. Среди архивных документов «дело, касающееся генеалогии рода Траугуттов» (с. 82–129), «дело о запрещении на имение Шпитали помещика К.И. Нарбута задолжавшего Ромуальду Траугутту. 1849 год» (с. 130–139), «инвентарь имения Божий Дар», «дело о конфискации имения Остров» (с. 145–213), «о секвестре имений в Кобринском уезде» (с. 214–225), «дело об имении Остров А.Г. Бенклевского и Р.Л. Траугутта» (с. 227–236). Завершается приложение выдержками из «военно-судного дела, произведенного в полевом военном суде в Варшавской Александровской цитадели учрежденном об отставном подполковнике Ромуальде Траугутте и 22х приданных вместе с ним суду лицах» (с. 214) и «формулярным списком о службе и достоинстве» (с. 243–251). К сожалению, данные материалы не рассчитаны, что не позволяет неподготовленному читателю должным оценить их ценность. В текстовом варианте, за исклю-

чением предсмертного письма, представлены лишь несколько документов, среди которых «О надзоре за семьей Ромуальда Траугутта» (с. 142–144).

В целом, несмотря на указанные замечания по структуре и содержанию, книга Ю. Борисюка и А. Рейзвиха — это существенный шаг на пути к популяризации личности Ромуальда Траугутта и его «мест памяти» в Беларуси. Важно, что авторы аргументированно обосновали несостоятельность ряда связанных с ним «легенд» (о дедушке Якубе и сожжении имения Остров российскими властями). Издание богато иллюстрировано, а помещенные в нем документы могут стать отправной точкой для других научных исследований, что в преддверие 160-летия восстания 1863–1864 годов особенно актуально.

Источники и литература:

1. *Бандарэнка М.* Пра Рамуальда Траўгута // Полымя, 1999. № 8.
2. *Миллер И.С.* Ромуальд Траугут / «За нашу и вашу свободу!» Герои 1863 года. Сборник. М., 1964.
3. *Михаевич И.* Мятежный генерал. Минск, 2007
4. *Смирнов А. Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963.
5. *Чаропка В.* Героі паўстання 1863 года. Мінск, 2016.
6. *Dubiecki M.* Bohaterski naczelnik powstania styczniowego Romuald Traugutt, Warszawa 1918.
7. *Dubiecki M.* Romuald Traugutt i jego dyktatura podczas powstania styczniowego 1863–1864, Lwów 1894.
8. *Limanowski B.* Romuald Traugutt. Warszawa 1920.
9. *Pesze I.* Ostatni naczeknik narodu (jenerał Romuald Traugutt). Warszawa, 1916.
10. *Pomarański S.* Wojskowa służba Traugutta. Warszawa, 1929.
11. *Pytel A.* Romuald Traugut: wspomnienie z powstańczych dziejów. Przemyśl, 1882.

12. *Rusin J.* Człowiek świętego imienia. Legenda Traugutta w piśmiennictwie polskim XIX i XX wieku. Rzeszów, 2002.
13. *Rusin J.* Legenda Traugutta i jubileusze: wybrane przykłady // Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Filologia Polska. Historia i Teoria Literatury 2013.
14. *Siemiradzki T.* Romuald Traugutt. Chikaga, 19--.
15. Slynni polacy Polesia: Romuald Traugutt (1826–1864). Konstanty Kalinowski (1838–1864) : Materialy miedzynar. konf. popul.-nauk. poswieconej slynnym polakom wywodzacym sie z Polesia, 23–25 maja 2003 r., Brzesc / [Red.]: Halina Bursztynska. Cz. 3.

Красильников И.Б.
Два пособия по истории войны — выбор за учителем
Рецензия: [Вторая мировая и Великая Отечественная война: к 75-летию Победы. — Москва: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2020. — 106 с.; История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории. Вып. 1. Начало войны. Учебное пособие / Под ред. А.А. Ковалени, Е.И. Пивовара. — Минск: Научный мир, 2020. — 232 с. (Россия и Беларусь: страницы общей истории); История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории. Вып. 2. Оккупация и сопротивление. Учебное пособие / Под ред. А.А. Ковалени, Е.И. Пивовара. — Минск: Научный мир, 2020. — 208 с. (Россия и Беларусь: страницы общей истории); История Великой Отечественной войны. Очерки совместной истории. Вып. 3. Великая Победа. Учебное пособие / Под ред. А.А. Ковалени, Е.И. Пивовара. — Минск: Научный мир, 2020. — 176 с. (Россия и Беларусь: страницы общей истории)]

К юбилею Великой Победы в России и Беларуси вышли сотни публикаций: монографий, сборников научных статей, научно-популярных изданий и т.д. Причём разные авторы иногда придерживаются полярных взглядов на одни и те же события. Особенно это касается интернет-публикаций. В связи с этим неподготовленный читатель, особенно молодёжь, оказывается

в очень сложном положении — какую точку зрения выбрать. Одним из способов решения указанной проблемы является разъяснение учителя. Однако и учителя часто оказываются в похожей ситуации. Выбранные нами учебные пособия и призваны помочь учителю.

Первое пособие вышло в России, под эгидой общероссийской общественной организации «Ассоциация учителей истории и обществознания». Ответственным редактором пособия и автором введения выступил академик РАН А.О. Чубарьян, что само по себе должно говорить об уровне данного издания. Среди авторов уже известные специалисты Института всеобщей истории Н.С. Лебедева (изучение Нюрнбергского процесса), Д.В. Суржик (изучение коллаборационизма и партизанского движения), а также молодые историки К.И. Софронов (история Веймарской республики и нацистского движения) и М.В. Синицын. Данное пособие состоит из введения и трёх глав, посвящённых соответственно международным отношениям, боевым действиям на фронтах Великой Отечественной войны и Нюрнбергскому трибуналу. Авторы обещают продолжить свою работу и сделать выпуски о взаимоотношении войны и общества и сборник документов. Для удобства мы будем называть данное пособие в дальнейшем российским.

Второе пособие является белорусским изданием совместного проекта историков России и Беларуси по сохранению коллективной исторической памяти о героическом подвиге и решающем вкладе народов СССР в победу над нацизмом. Оно состоит из трёх выпусков. В данном пособии отражается взгляд белорусских историков на историю войны и роль в этом событии белорусов. Руководил работой белорусской стороны по данному пособию А.А. Коваленя — один из крупнейших белорусских исследователей войны. В каждом выпуске по три темы. В первом выпуске это канун Второй мировой войны, ее начало и события в западных регионах СССР (1939–1941), а также начальный период Великой Отечественной войны. Во

втором выпуске освещены оккупационный режим, партизанская и подпольная борьба, коренной перелом и освобождение оккупированных территорий. Темы третьего выпуска: «В тылу ковалась победа», «Победное завершение войны», «Забвению не подлежит. Сохранение памяти о войне». Каждая тема включает в себя тематических очерк, материалы для преподавателя, в том числе список литературы, и учебно-методический комплекс — вопросы с примерными ответами. Несомненным достоинством данного пособия является представленный иллюстративный материал, таблицы и выдержки из документов. Данное пособие мы будем в дальнейшем именовать российско-белорусским.

Таким образом, и Россия и Беларусь в данных пособиях представлены ведущими специалистами, оба издания — это прежде всего учебные пособия, предназначенные для учителей. Тем интереснее будет их сравнивать. Сразу отметим, что авторы пособий преследовали несколько разные цели. Если для российско-белорусского пособия — это формирование основ общего образовательного пространства в рамках СНГ, ЕАЭС и Союзного государства Беларуси и России, то одной из главных целей российского пособия является стремление противостоять попыткам ревизии не только результатов, но и причин войны. Неслучайно здесь упоминается резолюция Европейского парламента, принятая в сентябре 2019 года, авторы которой попытались возложить на СССР вину за начало войны.

Оба пособия уделяют достаточное внимание событиям предвоенных лет. Особенно хочется отметить здесь российское издание. Несмотря на небольшой объём этого пособия, в нём достаточно подробно освещены последствия Версальского мира, возникновение нацистского движения, приход нацистов к власти, подготовка Германии к агрессивной войне. В российско-белорусском пособии эти вопросы тоже присутствуют, хотя и разбросаны. Так, например, о результатах Версальского договора можно узнать из учебно-методического комплекса,

а о влиянии нацисткой партии на германское общество — из материалов для преподавателя.

Оба пособия изучают вопрос о попытках создания системы коллективной безопасности. В российском пособии при упоминании о советско-франко-чехословацком договоре 1935 года констатируется, что договор не был подкреплён военными конвенциями, что оставляло фактически только дипломатический путь решения политических проблем. В российско-белорусском пособии достаточно подробно освещены и вступление СССР в Лигу Наций, и заключение целого ряда договоров о ненападении с соседними государствами. Одной из причин сближения с Францией авторы называют германо-польский пакт о ненападении 1934 года. Освещается попытка создания Восточного пакта и история заключения СССР договоров с Францией и Чехословакией в 1935 году. При этом авторы показывают всю сложность возникших проблем. Так, заключению советско-французского договора предшествовало нарушение Германией условия Версальского договора — создание полнокровного вермахта на основе всеобщей воинской обязанности. А для своего следующего шага (ремилитаризации Рейнской области) Гитлер в качестве предлога использовал ратификацию советско-франко-чехословацкого договора в феврале 1936 года. Также в данном пособии освещены вопросы агрессии Италии против Эфиопии и попытки введения санкций против Италии за эту войну, война в Испании. В российском пособии об этих событиях упоминается вскользь, очевидно в силу небольшого объёма работы. При этом можно констатировать, что пособия очень удачно дополняют друг друга, обращая внимание на разные аспекты одного и того же политического процесса.

Особое внимание оба пособия уделяют событиям 1938–1939 годов, начиная с аншлюса Австрии. В российском пособии очень кратко, всего один абзац, но в то же время достаточно подробно рассказывается история поглощения Австрии Гитлером. В российско-белорусском пособии о данном событии

говорится очень бегло. Вновь можно констатировать, что для лучшего освещения школьникам данного события учителю лучше ознакомиться с обоими пособиями.

Иное дело — рассказ о Мюнхенском соглашении. Оба пособия справедливо уделяют этому событию большое внимание. Это особенно важно, поскольку на Западе сегодня многие хотят забыть об этой странице европейской истории. В российско-белорусском пособии есть специальный параграф «Мюнхенское соглашение», сопровождающийся фотографиями данного события. Достаточно подробно рассказывается о политике Англии и Франции, приведшей к подписанию этого документа. Авторы констатируют, что Мюнхенское соглашение сломало всю прежнюю систему международных отношений в Европе. В российском пособии особое внимание уделяется рассказу о разворачивании Судетского кризиса — Карлсбадская программа, попытка плебисцита на муниципальных выборах, развёртывание немецкой и чехословацкой армий, попытки переговоров.

При этом надо учитывать, что оба пособия упоминают о готовности СССР оказать помощь Чехословакии и о том, что фактически Мюнхенское соглашение показало стремление Запада к политической изоляции СССР, его отстранению от практических шагов по поддержанию коллективной безопасности, что создавало угрозу для СССР оказаться один на один с блоком европейских стран. В росийско-белорусском пособии прямо говорится о расчленении Чехословакии как о приговоре политике попустительства гитлеровской агрессии, приведшей ко Второй мировой войне. Интересной особенностью обоих пособий является рассказ об участии Польши и Венгрии в Судетском кризисе. В российском пособии прямо упоминается польский ультиматум Чехословакии 21 сентября 1938 года с требованием передачи Польше Тешинской области как один из факторов давления на чехов. Тем самым Польша становится одним из агрессоров, участвующих в разделе Чехословакии. Захват же Венгрией Закарпатской Украины просто упоминается.

В российско-белорусском пособии целый параграф рассказывает о Польском измерении международного кризиса. Говорится о польской политике балансирования и о переходе в конце 1930-х годов к политике расширения польской территории. Упоминается о польско-литовском конфликте, о позиции Варшавы в разделе Чехословакии. Авторы констатируют, что такая политика быстро обернулась против самой Польши и привела к нарастанию немецко-польских противоречий. Что касается роли Венгрии, то авторы данного пособия упоминают даже о словацко-венгерской войне в конце марта 1939 года. При этом в обоих пособиях роль Венгрии как одного из активных участников событий несколько сглаживается, в отличие от позиции Польши. Вновь оба пособия удачно дополняют друг друга.

Несколько различно рассказывается и о советско-германском пакте о ненападении 23 августа 1939 года. В российском пособии вспоминают всю историю советско-германских отношений, начиная с Рапальского договора, подчёркивая, что удалось наработать определённый опыт в деле взаимодействия двух стран. Упоминается о торгово-экономических связях между СССР и Германией, успешно развивающихся начиная со второй половины 1938 года. Говоря о переговорах с Англий и Францией весной 1939 года, авторы констатируют нежелание этих стран договариваться, и вновь подчёркивают позицию Польши, отказавшуюся пропустить советские войска через свою территорию в случае войны с агрессором. При характеристике советско-германского договора, подчеркивается его вынужденных характер со стороны СССР. Отмечается, что данный договор сопровождался целым рядом торговых соглашений, в соответствии с которыми СССР должен был поставлять Германии минеральное сырьё, а взамен получил образцы техники и вооружения, что способствовало укреплению обороноспособности СССР.

В российско-белорусском пособии параграф об этих событиях называется «Советско-германский договор и его оценки».

Здесь также упоминается «Антикоминтерновский пакт». Говоря о позиции Англии и Франции, авторы приводят примеры быстро меняющейся ситуации летом 1939 года. Так, констатируется, что еще 22 мая во французском меморандуме говорилось о нецелесообразности пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, а уже 21 августа французы хотели подписать военное соглашение с СССР. Однако вопрос о позиции Англии и Польши оставался нерешенным. Исходя из этого делается вывод, что время для переговоров с Англией и Францией было безвозвратно потеряно. В отличие от будущих союзников по Антигитлеровской коалиции, Германия не только проявляла инициативу, но и оперативно решала спорные вопросы. Также авторы данного пособия, упоминая о советско-японском конфликте на реке Халхин-Гол, показывают, что заключение советско-германского пакта позволило СССР избежать войны на два фронта. Вновь констатируем, что оба пособия очень удачно дополняют друг друга, излагая дополнительные аргументы в пользу советской позиции на переговорах.

Надо отметить, что, давая чёткую оценку советско-германскому договору, авторы обоих пособий подчёркивают, что многие современные попытки обвинения СССР в развязывании Второй мировой войны стали орудием пропаганды, обращённой против современной России как правопреемницы Советского Союза. Трудно не согласиться с мнением авторов российско-белорусского пособия, что политизация подходов к оценке данного договора не должна избавлять историков от стремления всесторонне и объективно оценивать события, связанные с его заключением, ведь «плюсы» и «минусы» от его заключения носят дискуссионный характер. Попытки же дать простые и односложные ответы, как правило, ведут от научного анализа к пропагандистским клише. В целом можно говорить о том, что несмотря на некоторые отличия оба пособия придерживаются схожих исторических подходов и в ряде случаев очень удачно дополняют друг друга.

В первой части нашего исследования мы говорили об освещении в данных пособиях причин и начала Второй мировой войны. Теперь речь пойдёт о том, как оба пособия освещают ход и основные события Великой Отечественной войны. При этом сразу отметим, что поскольку объем российско-белорусского пособия больше, то многие моменты освещены гораздо подробнее, и тем не менее…

Особое внимание оба пособия уделяют причинам неудач советских войск на первом этапе войны. В российском издании к таким причинам относят проблемы, возникшие в последние предвоенные годы в ходе проведения реформ в Красной армии из-за резкого увеличения численности личного состава и изменениями в подготовке командных кадров; разность военно-экономических потенциалов СССР и стран-агрессоров в первый период войны; проблемы с материальным обеспечением (оснащённость новыми танками и средствами радиосвязи); неопределённость высшего военного руководства в вопросе формирования механизированных корпусов; нерешительность высшего руководства страны при приведении войск в состояние боевой готовности; влияние репрессий в Красной армии; стратегическая инициатива, которой владел вермахт.

В российско-белорусском издании выделяют всего четыре таких причины: переоценка политическим руководством СССР значения советско-германского договора о ненападении и надежда на то, что с помощью политических и дипломатических средств можно оттянуть войну; низкий уровень тактической подготовки командного состава Красной армии и отсутствие практического опыта командования и взаимодействия между войсками, а также слабая военно-техническая подготовка личного состава; превосходство Германии в военно-экономическом потенциале; грубые просчёты высшего военно-политического руководства СССР в определении срока вероятного начала войны и стратегического направления главного удара

противника. Как можно заметить, даже в таком узком вопросе авторы пособий практически не совпали. Это вновь позволяет нам утверждать, что пособия очень удачно дополняют друг друга.

Оба пособия придерживаются ставшей классической периодизации деления войны на три этапа: стратегическая оборона, коренной перелом, стратегическое наступление. В российско-белорусском пособии за счёт большего объёма более подробно освещены многие сражения войны. Так, при описании событий 1941 года описываются Приграничное сражение, бои на Ленинградском направлении и на Украине, Московская битва. Приводятся в виде таблиц сведения о численности советских войск в данных операциях и их потерях. Особенно подробно освещены в данном пособии события, связанные с Белоруссией. Есть не только рассказ о Брестской крепости, но и упоминаются наиболее отличившиеся пограничные заставы. Также говорится об обороне Могилёва, наступлении советских механизированных корпусов под Сенно и Лепелем, подвижной обороне под Борисовым и так далее, приводятся факты зверств немецких войск на территории Белоруссии уже в первые недели войны.

В российском пособии события излагаются менее подробно. К особенностям данного пособия также можно отнести то, что некоторые сражения упоминаются дважды — и как события войны, и в связи с их влиянием на международные отношения в эти годы. В российском пособии предпринята попытка дать определения отдельным событиям войны — битвам, сражениям, боям. Приводятся примеры этих событий. Это становится удачным дополнением данного пособия и позволяет на небольшом объёме материала упомянуть почти всё. Для автора данной рецензии очень приятно, что оба пособия вспоминают о Смоленском сражении и его роли в срыве плана «Барбаросса».

Особое внимание при рассказе о событиях 1941 года оба пособия уделяют Битве за Москву. В российском пособии

вспомнили и основные места боёв, особо отметили, что из-за погоды боевые действия разворачивались вдоль дорог. В российско-белорусском пособии вспоминают и о курсантах военных училищ, сыгравших важную роль в обороне Москвы в начале октября 1941 года. Оба пособия показывают роль контрнаступления наших войск под Москвой в окончательном срыве немецкого плана молниеносной войны. В российском пособии здесь отдельно выделяют действия Калининского фронта и образование Ржевского выступа. А в российско-белорусском пособии вспоминают Елецкую операцию и освобождение Калуги. Таким образом, оба пособия вновь удачно дополняют друг друга, уделяя внимание событиям на южном и северном участках Московской битвы.

В российско-белорусском издании много внимания уделено оккупационному режиму и описанию партизанского движения. Это особенно характерно для второго выпуска, где этим вопросам посвящены отдельные темы. Рассматриваются и нацистские планы геноцида, и уничтожение населения и военнопленных. Особое внимание уделено коллаборационизму. При этом подчёркивается, что коллаборационизм был крайне неоднородным. Существовал и бытовой, направленный на добывание средств существования, и военно-политический, представленный добровольным сотрудничеством и участием не только в управлении, но и даже в действиях с оружием в руках. В то же время авторы данного пособия указывают, что партизанское и подпольное движение на оккупированной территории носило беспрецедентно массовый характер не только в отечественной, но и в мировой истории. В пособии выделяют различные этапы организации партизанского движения, освещены возникавшие трудности, показана роль партийных организаций в деле организации партизан и подпольщиков. Например, чтобы активизировать партизанскую борьбу в тех районах, которые оккупанты считали более спокойными, организовывались партизанские

рейды, что позволяло наносить неожиданные удары. В данном пособии особо рассказывается о Белоруссии — партизанской республике.

В российском пособии упоминания о партизанском движении носят эпизодический характер. Так, в частности вспоминают о создании 30 мая 1942 года Центрального штаба партизанского движения, что помогло в переходе от хаотических действий к систематическим. О коллаборационизме упоминается только вскользь. В связи с этим вновь подчеркнём мысль о важности использования обоих пособий.

Характеризуя основные операции советских войск, оба пособия особое внимание уделяют Сталинградской битве и сражению на Курской дуге как событиям, изменившим ход войны. При этом указываются разные подробности этих сражений. Так, в российско-белорусском пособии при описании подготовки Курской битвы вспоминают о блестящей работе советской разведки, которая помогла заранее установить место и время нанесения удара противником. Присутствует упоминание и о том, что решение о переходе к преднамеренной обороне было достаточно рискованным.

В российском пособии особо подчёркивается, что наступление немецких войск под Курском имело «политические» соображения. Разгром крупной советской группировки должен был укрепить пошатнувшийся морально-боевой дух немцев и их союзников. В этом же пособии, говоря о блокаде Ленинграда, авторы упоминают о том, что в настоящее время рядом российских и зарубежных историков поднимается вопрос о признании блокады Ленинграда военным преступлением, сопоставимым с нацистскими концлагерями.

Несколько отличаются и описания влияния поражения немецких войск на советско-германском фронте на действия союзников Германии. Так, в российско-белорусском пособии вспоминают о том, что после поражения под Сталинградом в Токио

окончательно отказались от планов вторжения в СССР, а в Риме и Бухаресте начались лихорадочные поиски путей выхода из войны. В российском пособии упоминают о Венгрии, которая потеряла под Сталинградом более 100 тысяч человек и стала активнее искать контакты с Лондоном. В Италии фашистский режим оказался на грани краха. Под влиянием больших потерь итальянское население разочаровалось и начало массово отходить от фашистской партии. Как мы видим, и в данном случае пособия удачно дополняют друг друга.

По понятным причинам в российско-белорусском пособии освобождению Белоруссии отведено очень большое внимание. Так, в приводимой таблице представлены даты освобождения белорусских городов с 23 сентября 1943 года по 28 июля 1944 года. Подробно рассказывается о подготовке и проведении операции «Багратион», показывается роль белорусских партизан и подпольщиков в освобождении республики и спасении белорусских городов, в частности Минска, от еще больших разрушений. В российском пособии этой операции отводится лишь небольшой абзац. Зато гораздо больше внимания российское пособие уделяет спорным вопросам, связанным с Варшавским восстанием. Кстати, в российско-белорусском пособии о данном восстании просто вспоминают.

В третьей части российско-белорусского пособия освещаются вопросы завершающих операций войны, рассказывается о работе советского тыла и о сохранении памяти о войне. Говоря об освобождении стран Европы, авторы данного пособия достаточно подробно освещают особенности освобождения отдельных стран, приводят все основные операции советских войск и войск союзников 1944–1945 годов в Европе. Показаны безуспешные попытки немцев внести разлад в союзнические отношения. Отдельно отмечается, что эти надежды немцы питали до конца войны, рассчитывая на то, что именно разлад среди союзников поможет Германии перевернуть ход войны. Особое внимание авторы уделяют Ялтинской и Потсдамской

конференциям. Авторы пособия отмечают основные вопросы на Ялтинской конференции: вопрос о Польше, о Германии, Балканский вопрос, о создании ООН, о репарациях с Германии, о разработке Декларации об освобождённой Европе. Очень коротко говорится об обязательстве СССР вступить в войну с Японией и передаче СССР Южного Сахалина и Курильских островов.

Авторы российского пособия, несмотря на его небольшой объем, также рассказывают об освобождении Европы. Они подчёркивают, что именно Советский Союз внес решающий вклад в победу над врагом. Приводятся цифры потерь советских войск при освобождении той или иной европейской страны. Говоря о Ялтинской конференции, авторы не только перечисляют основные вопросы, обсуждаемые на конференции, но и подчёркивают, что Советский Союз брал на себя обязательства через несколько месяцев вступить в войну с милитаристской Японией с целью окончательной победы над странами «оси». При этом союзники соглашались с передачей СССР Курильских островов и Южного Сахалина. Интересно, что ни в одном из пособий не вспоминают о том, что СССР настоял в Ялте на признании независимости Монголии.

Говоря о последствиях войн, авторы российского пособия достаточно подробно рассказывают историю подготовки и проведения процессов против нацистских преступников в разных странах, приводятся цифры по отдельным государствам, а также примеры наказания лидеров коллаборационистов во Франции, Словакии, Норвегии. Одна из интереснейших глав российского пособия — глава о Нюрнбергском процессе, написанная одним из крупнейших специалистов Н.С. Лебедевой. В данной главе не только подробно освещается подготовка и ход процесса, но и подробно говорится о преступлениях нацистов. Автор подробно говорит о спорах между победителями, показывает роль СССР в вопросе о необходимости проведения открытого судебного процесса. Мно-

гие страницы данной главы читаются с большим интересом. В российско-белорусском пособии Нюрнбергскому процессу уделяется гораздо меньше внимания.

Приводимые нами факты свидетельствуют, что в силу описанных ранее обстоятельств данные пособия, с одной стороны, дают очень схожую картину событий Великой Отечественной войны, а с другой — позволяют обратить внимание на отдельные детали, поскольку эти пособия довольно часто уделяют разное внимание одним и тем же событиям войны. На наш субъективный взгляд только знакомство с обоими пособиями позволит учителю лучше осветить данный материал. Это же очень поможет и учащимся, поскольку и расширяет их знания о войне, и знакомит с различными подходами современной исторической науки к описанию войны.

СТАТЬИ

Вашкевич А.Ф.

Гродненский Старый замок в XIX — начале XX вв.

В ноябре 2021 года завершилась первая очередь реконструкции Старого замка, длившаяся на протяжении четырех лет, образцом для которой послужило время правления короля Речи Посполитой Стефана Батория (1576–1586 гг.). При реализации второй очереди реконструкции следует учитывать все эпохи истории гродненского Старого замка, в том числе и период нахождения белорусских земель в составе Российской империи.

Ключевые слова: Гродно, Старый замок, Российская империя.

В 1795 г. Гродно был включен в состав Российской империи. Расположенный в городе Новый замок достаточно быстро из королевской резиденции превратился в здание кадетского корпуса, в то время как Старый замок на протяжении нескольких десятилетий принадлежал гражданским институциям.

Примерно с 1802 г. в Старом замке располагалась квартира гродненского вице-губернатора фон Берга, скорее всего на втором этаже. На первом этаже были размещены губернская и уездная «кладовая», а также гродненский гродский и земский суды. Несмотря на планы царских властей переселить все губернские учреждения в здание бывшего иезуитского коллегиума, суды категорически не хотели покидать замок, мотивируя свой отказ тем, что имеют на нахождение там привилеи «бывших польских королей» с XVII, XVI и даже XIV век. Также писалось, что Старый замок — лучшее место для размещения кладовых. Тут на первом этаже находилось помещение с железной дверью и кирпичным полом. Власти были недовольны сопротивлением местных чиновников, утверждая, что, хотя «край и оставлен на

своих прежных правах», но это касается только законодательства, а не места размещения суда.

В период войны 1812 г. территория Старого замка была занята французскими войсками под госпиталь. В ходе военных действий замок был приведен в крайнее опустошение [*НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.* Л. 18].

В 1814 г. в замке снова поселился гродненский вице-губернатор Анджейкович, который и руководил ремонтом объекта. Первые архивные сведения о ремонте Старого замка в XIX в. относятся к 1814–1815 гг. Когда «здание сие после изгнания из здешней губернии неприятельских войск... приведено было в довольно значительное расстройство, понеже приведено починкою в столь прочное состояние в каком никогда не было»[*РГИА Ф. 1285. Оп. 8. Д. 730*]. В деле упоминается Карл Богемиль как архитектор всех работ[*РГИА Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.* Л. 25]. Карл Богемиль — уроженец Пруссии, стал губернским архитектором до 1810-го, и был им до смерти, приблизительно в 1830 г. Его проекты — реконструкция ратуши и пристройка двух портиков на шести колоннах к ней, проект составлен в 1815 г., постройка торговых рядов у Софийского собора со стороны ул. Замковой и Рынка; проект постройки похожих торговых рядов в Новогрудке, которые частично сохранились поныне, перестройка костёла Св. Духа в Гродно под «Дом доброчинности».

По состоянию на 1815 г. сообщалось, что: «ныне в том замке хранится государственная денежная казна и помещается, кроме господина Вице-Губернатора, всё казначейство с присяжными и служителями и воинскою для караула стражею»[*НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.* Л. 18].

Кроме различных ремонтных работ в архивных материалах упоминается «подъезд (имеется в виду вход в здание) без крыши на столбах в ряд балкона каменный, в прошедшем году (1814 г.) выстроенный, а до того был навес над дверьми, ныне же поправка щукатурки и покрывка полулистовым железом»[*НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.* Л. 24]. Уже в 1815 г. планировалось

покрыть балкон листовым железом (104 кв. локтя, или около 40 квадратных метров) и починить штукатурку вокруг балконных столбов[*НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.* Л. 16].

Чтобы решить как-то вопрос о ремонте замка, из правительствующего Сената поступило предложение для губернского правления о необходимости командировать члена строительной экспедиции на место, чтобы совместно с губернским прокурором посредством городовых оценщиков уточнить все вопросы, связанные с ремонтом. От губернского правления был откомандирован коллежский советник Нечволодов. Рапортом от 7 января 1816 года он известил правление о результатах своего осмотра. По его мнению, столь знатный дом, Старый замок, находится в очень бедственном положении; рушится фундамент, осыпаются склоны возвышенности. В замке расположены помещения для казначейства, вице-губернатора, прислуг и служителей, военный караул, и поэтому он считал, что следует пересмотреть сметы и увеличить сумму, выделенную на ремонт[*НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.* Л. 18]. 31 января, исходя из рапорта Нечволодова, был издан указ правительствующего Сената, утверждающий необходимость ремонта зданий Старого замка и строительство палисадника, т.к. «часть онаго ограждающая здания и двор замка совершенно нужна, а об остальной, обнесенной вокруг того места у замка, на котором вице-губернатор развел сад на собственный свой счет, зависит от... высшего правительства, поелику постройка сия относится... к приятным видам города»[*НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.* Л. 50об]. Производство работ было отдано на подряд с публичного торга, а сам ремонт произведен за счет суммы «ежегодно ассигнуемой на Гродненскую губернию, — по 6380 руб. 40 коп. серебром»[*НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.* Л. 51об].

На плане 1816 года губернским архитектором с северо-западной и северо-восточной сторон замка был зафиксирован большой сад (322 сажени). Следует отметить, что сад огражден и в восточной части Замковой горы тянется далеко за ров. В этой же части воз-

вышенности в углу между дворцом и брамой, по всей вероятности, был разбит цветник, причем линия его ограждения шла по краю склона. В южной части возвышенности, между садом и брамой, на плане зафиксированы конюшня и сарай с отхожим местом, расположенным со стороны Немана [*РГИА Ф. 1488. Оп. 1. Д. 934.* Л. 12].

Дальнейшие сведения о Старом замке относятся к 1817 году. Кирпичный замок с крышей был в «хорошем состоянии», но городской суд уже находился в доме еврея Розенкранца, а окружной суд — в доме отцов кармелитов[*LVIAФ. 378. Оп. 1. Д. 56*].

Сохранился чертёж двух этажей Старого замка и рисунок его фасада с северной стороны, который датируется 1818 г. [рис. 1]. Планировка внутренних помещений первого этажа основного корпуса замка на этом плане в целом соответствует плану 1801 г. На втором этаже замка ещё сохранялся коридор от лестницы к лестнице, построенный в XVIII веке.

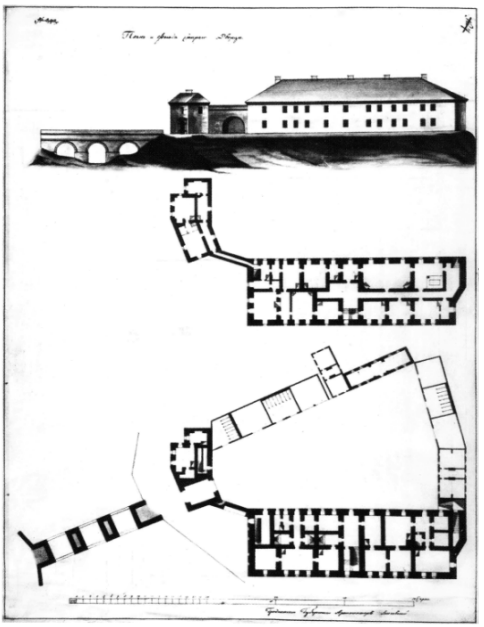

Рис. 1. Старый замок: план первого и второго этажей, 1818 г.

В январе 1818 г. в результате бури сорвало черепицу с некоторых мест крыши замка, а также навес с «угловой со стороны сада деревянной лестницы» — скорее всего, здесь имеется в виду лестница, построенная в середине в XVIII века между «будынком дольным» и самим замком.

В 1819 году губернатор Анджейкович писал в Вильно, что у него была квартира в замке и теперь он просит у военного губернатора разрешения разместить в замке квартиру командира дивизии генерал-майора Савайни (Савоньи, Савоини, Савиньи)[*LVIAФ. 378. Оп. 1. Д. 56*]. В том же самом году новый гродненский вице-губернатор Максимович обратился к губернатору со следующим предложением — его квартира как вице-губернатора тоже должна была находиться в Старом замке, но у Максимовича был свой новый двухэтажный дом в Гродно и квартира в замке ему не требовалась. Поэтому Максимович просил освободить его недвижимое имущество от военного постоя, а предназначенные ему помещения в Старом замке сдавать и вырученные деньги отдавать ему или военным в качестве «квартирных». Губернатор в свою очередь предложил отремонтировать замок и перенести туда госучреждения, которые частично располагались в доме вице-губернатора Максимовича.

Вскоре к властям обратился и командир 24-й пехотной дивизии генерал-майор Савайни. Он просил передать ему квартиру вице-губернатора в замке и мотивировал свой запрос тем, что в доме, где он сейчас живет (его предоставили ему городские власти), обитает «бесчисленное количество насекомых». В марте 1819 года военный генерал-губернатор разрешил гродненскому губернатору Анжейковичу поселить Савайни в замке, предоставив ему двадцать комнат, по всей видимости, на втором этаже. За отказ от квартиры Максимович денег не получил, но от постоя войск в своём доме был освобожден. Уже тогда планировалось начать ремонт Старого замка.

Сохранилось архивное описание замкового комплекса, датируемое 1819 годом. В нем указано, что Старый замок, раз-

мещенный на территории Замковой горы, состоит из главного двухэтажного каменного корпуса с боковым «при нем таковым же флигелем и деревянным отделением конюшен, сараев и кладовых, у ворот оного находится большой каменный мост через овраг. Замок сей занимается вице-губернатором, губернским и уездным казначействами и архивами, присяжными и надсмотрщиками замка» [*РГИА Ф. 1285. Оп. 8. Д. 730.* Л. 28об–29]. В этом же году помещения Старого замка были отданы в аренду под постой для жительства генералу Савойни, согласно описи он занимал во дворце 20 комнат.

На плане Гродно 1824 г. видно, что по сравнению с 1818 г. с Замковой горы исчезают так называемые «саксонские конюшни», которые располагались со стороны Городничанки, а также так называемый «будынок дольный» [*РГИА Ф. 1293. Оп. 168. Д. 3*]. Возможно, это было связано с осыпанием Замковой горы или с высадкой сада и некими ремонтными работами.

В 1825 году власти приступили к ремонту. Следует отметить, что все эти годы город регулярно выплачивал деньги, на которые он должен был содержать квартиру для Савайни, на текущую реконструкцию Старого замка и даже сдал на ремонт замка 2000 штук черепицы от дома Огинского. Интересно, что в то время первый этаж замка еще занимали казна и архивы, в которых хранились архивные документы, созданные до 1812 года. Между 1819 и 1824 годами появилась большая переписка, когда Савайни писал, какие проблемы есть в замке, и губернатор приказывал городским властям, что нужно исправить. Савайни советовал, как вставлять новые окна, как покрасить замок и проч.

В смете на ремонт замка 1824 г. упоминается, что в замке было крыльцо с колоннами — упомянутый нами выше балкон (подъезд).

В конце 1826 года в Гродно приехал новый вице-губернатор Хадалей. В качестве места проживания ему традиционно был назначен Старый замок. Придя в замок, он встретил там генерал-лейтенанта Савайни, который прогнал его. Новый вице-губерна-

тор начал письменно просить дать ему хотя бы денег на аренду квартиры, но получил ответ — вам закреплено жилье в Старом замке. Спросить Хадалею и губернским властям было уже не с кого, ибо Максимович на тот момент находился в гродненской тюрьме по обвинению в коррупции, его дом был конфискован, а выселить военных из замка у гражданских властей не было никакой возможности. Просьбы Хадалея о предоставлении ему квартиры в конфискованном доме Максимовича или о назначении доходов от этого дома также остались безуспешными.

В течение следующих нескольких лет, до октября 1828 года, появилась обширная переписка, в которой Хадалей просил или выселить Савайни, или компенсировать ему затраты на съём жилья, но власти ему постоянно отказывали. Хадалей ходатайствовал о переносе казны с первого этажа Старого замка в дом Валицкого и заодно хотел получить там квартиру для себя, но был обвинен в коррупции. В результате Хадалею было приказано дать квартиру в городе.

Таким образом, в 1819 г. второй этаж замка перешёл военным, а в 1831 г. во время восстания 1830–1831 гг. в замке был снова организован военный госпиталь. Все последующие чертежи замка составлялись военными, хотя на некоторых планах указано, что замок ещё принадлежит гражданскому ведомству. Например, на 1834 г. помещения первого этажа ещё были заняты гродненским уездным казначейством и за счёт гражданских властей проходил ремонт (ставились печи из белых и серых изразцов, производилась побелка, вставлялись окна)[*НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 214.* Л. 8].

В 1830 году в замке был произведен мелкий ремонт дворца на сумму 988 руб. и ассигновано по смете 6939 руб. на ремонт конюшни, сарая и отхожего места. В помещениях дворца были отремонтированы двери, окна, потолки, починена кровля крыши. Но в связи с тем, что в 1831 году большая часть здания дворца была занята под военный госпиталь, ремонтные работы были приостановлены [*НГИАБ в Гродно Ф.1.* Оп. 1. *Д. 246.* Л. 5].

Сохранились подробные планы Старого замка, которые датируются 1833 г. [*ЦГВИАРФ Ф. 349.* Оп. 12. *Д. 1493.* Л.1]. Особенно интересно отметить, что на плане первого этажа хорошо видны четыре колонны построенного К. Багемюлем в 1814 г. балкона, а на плане второго этажа виден сам балкон [рис. 2]. Своей площадью (около 40 м. кв) балкон соответствует приведенной выше смете 1815 г. Расположение колонн балкона также полностью соответствует найденным в 1930-е гг. Я. Войтеховским основам колонн. На планах 1840-х гг. балкона уже нет.

На плане все сараи и конюшни выделены как каменные здания, состоящие из нескольких помещений. Об этом свидетельствуют и письменные источники. Так, в «Ведомости казенных гродненских зданий», составленной в 1834 году, записано, что при каменном двухэтажном доме Старого замка состоят каменный двухэтажный флигель с воротами (брама), сарай и конюшни: частью из «прусской кладки, частью каменные» [*НГИАБ в Гродно Ф.1.* Оп. 1. Д. *246.* Л. 4об].

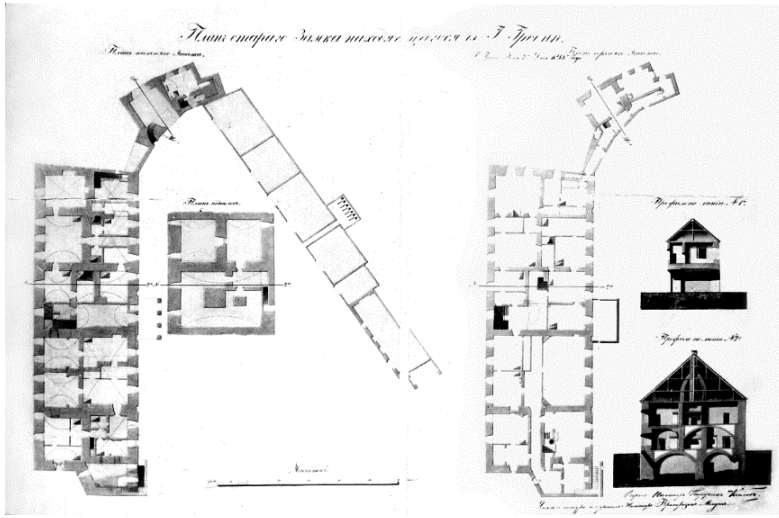

Рис. 2. План Старого замка в г. Гродно, 1833 г.

В 1837 году в связи с предстоящим ремонтом были выполнены проекты плана и фасада замкового трехарочного моста. Впервые о ремонте моста упоминается в «Ведомостях казенных гродненских зданий» в 1834 году, где сказано, что «мост по случаю обрушения кирпича требует капитальной перестройки». В 1838 году, после составления смет, рабочие под руководством инженера Арнольда приступили к его капитальному ремонту.

Составлению проекта смет предшествовала длительная работа. Исходя из рапорта инженера поручика Арнольда, в котором указывалось о «недостаточности и неудовлетворенности» составленного главного проекта и сметы на ремонт моста, гродненский губернатор действительный статский советник Доппельмайер и члены губернской строительной комиссии рассмотрели действительное положение дел. После обсуждения всех вопросов, связанных с ремонтом, комиссия пришла к выводу о необходимости внести дополнительно в проект и смету следующие работы: «...1) главную стену берегового устья со стороны Старого замка, имеющую над плоскостью начала арок трещины, разломать на 4 по четверть аршин высоты и вывесть ее вновь, а внешнюю обвалившуюся кладку уступа возобновить на один аршин толщины; 2) обе балки моста, имеющие на концах трещины, разломать с концов средним числом на два с четвертью аршина уступами снизу вверх через всю толстоту. При возобновлении этих частей стен и кладки кругом устоев на место обвалившейся, употребить для большей прочности некоторые железные связи; 3) сторону берегового устоя со стороны военного госпиталя, имеющую трещины, разломать на один аршин с толщины до поверхности земли и вывести оную вновь; и 4) карнизы покрыть листовым железом»[*НГИАБ в Гродно Ф. 8.* Оп. 1. *Д. 319*]. Кроме перечисленного, в проект необходимо было включить главные ремонтные работы, связанные с «разломкой трех кирпичных сводов моста и каменных перил», складки «пуск моста» и складки перил моста.

На основании решений комиссии были составлены новый проект плана каменного замкового моста с фасадами и разрезами и дополнительная смета на сумму 10 802 руб., позволившие наконец приступить к капитальному ремонту.

Начиная с 40-х годов XIX в. на территории Старого замка проходит более интенсивная перестройка зданий и ремонт помещений, частично меняющие планировку всего замкового комплекса. К этому времени комнаты в главном корпусе дворца занимали уездное казначейство и 2-я и 3-я роты гарнизонного батальона. Кроме этого, в замке располагалась главная гауптвахта. Судя по всему, замок окончательно перешёл в руки российских военных в 1840-е гг.

В 1841 году был составлен список казенных зданий, требующий ремонта, одним из первых в нем был занесен Старый замок. В списке было указано, что в комнатах дворца, занимаемых 2-й и 3-й ротами, необходимо было заменить сгнившие оконные переплеты, вставить в оконные рамы новые стекла, переложить печи и починить потолки, так как сильно протекает крыша. В помещениях, где размещалось уездное казначейство, совершенно разрушилась «капитальная труба», с которой соединялась и труба Присутственной камеры этого казначейства[*НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 359*. Л. 22]. По распоряжению Гродненской губернской строительной комиссии от 19 июня 1841 г. была составлена смета на ремонт замка на сумму 295 руб. 94 коп. Ремонт замка был отдан на подряд еврею Израилю Ботковскому, Градинскому и еврею Мовше Андресу с определенным сроком окончания работ[*НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 359*. Л. 27, 32].

Хотя ремонт замка был осуществлен, крыша капитально отремонтирована не была. Как сказано в рапорте командующего гродненским гарнизоном, 13 июля 1844 года «в доме Старого замка, где расположена 2-я рота, от сильного дождя произошла течь крыши сквозь потолок большой комнаты второго этажа... отвалилась штукатурка». После осмотра помещений инженером Макульским была составлена новая смета на ремонт дворца.

О состоянии замкового комплекса на начало 40-х годов XIX в. позволяет судить графический рисунок М. Кулеши «Старый и Новый замок в Гродно, сделанный в 1845 г. [рис. 3] Замок запечатлен прямо по центру мыса, на котором сохранились руины замковой башни. От руин по склону горы по направлению к дворцу идет деревянное ограждение. Внизу, у возвышенности, в месте слияния рек Немана и Городничанки, художник разместил деревянную жилую застройку с кустарником, рядом на берегу разбросаны бревна и виднеется новый сруб дома. Жилая застройка охватывает весь мыс и тянется дальше в сторону Нового замка[*Дробов 1974*]. Рисунок М. Кулеши также показывает, что крыша замка была ещё достаточно высокая и покрыта черепицей.

Рис. 3. Старый и Новый замки на рисунке М. Кулеши, 1845 г.

В течение нескольких лет было создано несколько проектов устройства помещений дня бригадного штаба и строевой роты пехотного полка в Старом замке. Предполагалось полностью перестроить все подсобные помещения, изменив их планировку.

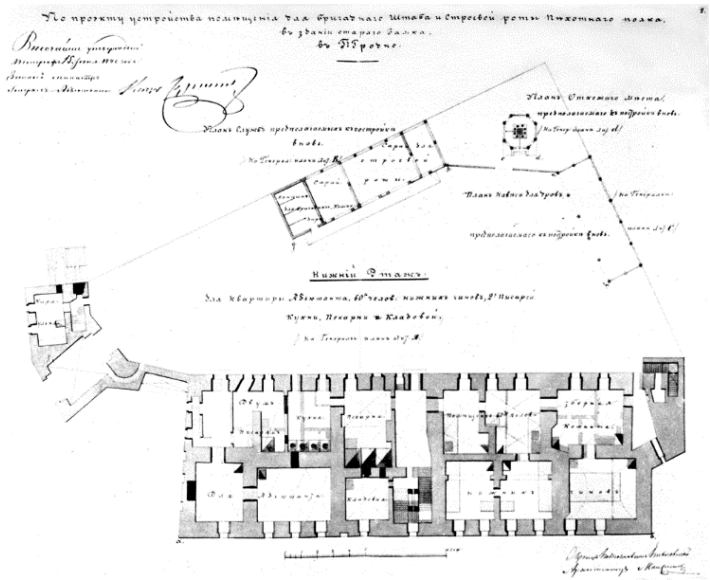

Рис. 4. Проект реконструкции первого этажа Старого замка, 1846 г.

Первым, в 1840 г., был составлен «Генеральный план расположения строений гродненского военного госпиталя». В юго-западной части Замковой горы на плане зафиксированы деревянные строения под конюшню, сарай бригадного командира и сарай строевой роты. В северо-западной части, т.е. со стороны р. Городничанки, предполагалось построить навес для дров. А между этими постройками, почти на мысу выделено на плане отхожее место, причем от всей территории детинца оно отделено стеной. У западного фасада главного корпуса дворца сооружалась пристройка, предназначенная под отхожее место для командного состава [*ЦГВИАРФ Ф. 349.* Оп. 12. *Д. 1541*].

К 1846 году относится составление «Проекта устройства помещений для бригадного штаба и строевой роты пехотного полка», который более детально уточняет все предполагаемые перестройки. Среди чертежей проекта зафиксированы восточный фасад дворца и планы двух этажей замка [рис. 4, 5]. При их

подробном рассмотрении выявилось следующее расположение помещений замкового комплекса.

На первом этаже главного корпуса дворца согласно проекту располагались: в левом крыле две квартиры для адъютанта; три комнаты для двух писарей; три помещения для кухни, пекарни и кладовой; в правом крыле несколько комнат занято для размещения 60 человек нижних чинов и выделено помещение под отхожее место. На первом этаже брамы разместилась караульня. К западному фасаду брамы примыкает пристройка, выделенная на экспликации серым цветом. Характерно, что она присутствовала на планах 1816 и 1832 годов и полностью исчезла на последующих[*ЦГВИАРФ Ф. 349.* Оп. 12*. Д. 1530*]. Эта пристройка изначально выполняла функцию лестничной клетки.

На втором этаже главного корпуса дворца предполагалось разместить: в левом крыле — квартиру для бригадного командира, помещение для цейхгауза и несколько комнат для нижних чинов; в правом крыле — комнаты для проживания 140 человек нижних чинов и небольшая комната для фельдфебеля. На втором этаже брамы располагались помещения под кухню и людскую[*ЦГВИАРФ Ф. 349.* Оп. 12*. Д. 1531*].

Судя по планам, в помещениях дворца предполагалось провести большие ремонтные работы, связанные с их перепланировкой и приспособлением для различных нужд. Ремонтные работы включали пробивку и разборку стен; расчистку оконных проемов, особенно в правом крыле; закладку окон в левом крыле; частичное перекрытие крыши в восточной части корпуса дворца; ремонт центральной лестницы; перекрытия сводов и потолка. Судя по восточному фасаду дворца, изменялась высота крыши, она приобретала почти современный вид.

Существенно не изменилась по сравнению с предыдущими планами планировка подсобных помещений. Навес для дров выделен на плане с двух сторон пунктирными линиями. Отхожее место в плане представляет собой многоугольник. Между углами навеса для дров и сарая для строевой роты выделена сте-

на, отделяющая отхожее место от детинца [*ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1530*].

Отдельно на чертеже зафиксированы проекты фасадов служебных и хозяйственных построек. Сооружение под отхожее место строилось на фундаменте и имело вид беседки. Крыша была покатая. Перед входом располагалась лестница. Навес для дров держался на 12 столбах [*ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1532*].

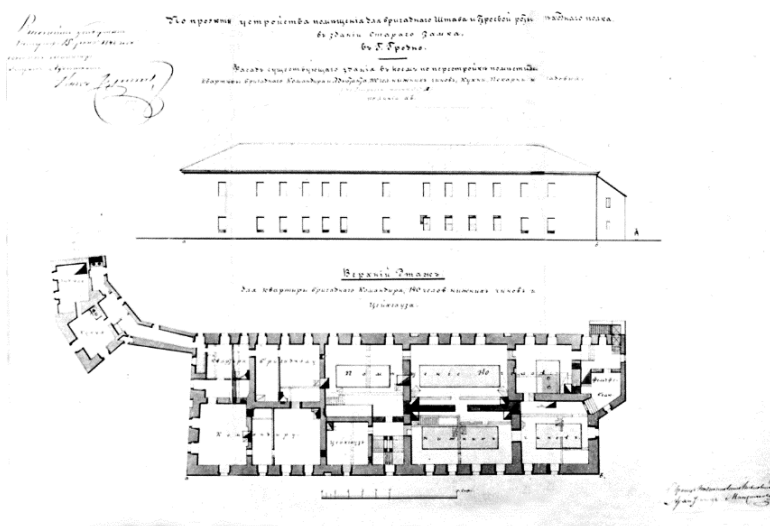

Рис. 5. Проект реконструкции второго этажа Старого замка, 1846 г.

27 августа 1851 года департаментом военных комиссий был рассмотрен проект засыпки обвала, согласно которому у подножия горы предполагалось построить каменную подпорную стену (45 аршин) для укрепления и предохранения склона Замковой горы от дальнейшего осыпания (масштаб проекта — 1 см — 3 арш)[*ЦГВИАРФ Ф. 349*. Оп. 12. *Д. 1557*].

30 ноября того же года Гродненской строительной и дорожной комиссией совместно с губернским архитектором Михайлисом была составлена смета на новый ремонт каменного моста

при Старом замке на сумму 192 руб. 71 коп. [*НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 904.* Л. 4]. В дальнейшем оказалось, что составленная смета не охватывает все необходимые для ремонта работы. Летом 1852 г. непосредственный руководитель ремонтными работами архитектор Микульский представил на рассмотрение комиссии смету для дополнительных работ при «исправлении» каменного моста, первоначальную смету и акт, составленный 21 мая 1852 года совместно с губернским архитектором Михайлисом. Им предполагалось дополнительно, по сравнению с первоначальной сметой, покрыть парапеты листовым железом на 0,33 кв. саж и увеличить размеры штукатурки (70 кв. саж). Утвердив все сметы, 5 июня 1852 года строительная комиссия разрешила подрядчику Вильфу приступить к ремонтным работам, которые были закончены к началу июля.

К концу 50-х годов на территории Старого замка был размещен полковой штаб. Среди иконографического материала сохранилась планы второго этажа дворца, датируемые 1858 г. Ценность их для исследователя невелика, так как они выполнены не до конца и судить о производственных перестройках трудно. Оба чертежа фиксируют одно и то же — разрез и второй этаж замкового комплекса с одной лишь разницей. На одном чертеже план выполнен с указанием предполагаемых перестроек, среди которых расчистка окон, перепланировка перегородок [*ЦГВИАРФ Ф. 349.* Оп. 12. *Д. 1624*]. Второй чертеж уточняет уже произведенные перестройки [*ЦГВИАРФ Ф. 349.* Оп. 12. *Д. 1574*].

В ночь с 30 на 31 декабря 1858 года в результате стихийного бедствия — бури — город Гродно подвергся сильным разрушениям. Не миновала беда и Старый замок. На его территории сильно пострадали перекрытия крыш зданий. Уточнить места повреждений позволяет «План общего расположения строений полкового штаба с показом произведенных исправлений». Исходя из его данных, заново были перекрыты крыши в северо-восточном углу дворца и в северо-западном углу брамы. Отме-

тим, что планировка замкового комплекса осталась неизменной. План выполнен в масштабе — 1 см — 6 саж [*ЦГВИАРФ Ф. 349.* Оп. 12. *Д. 1579*].

Во время восстания 1863 года Старый замок непродолжительное время служил тюрьмой [*Jodkowski 1934*]. В 1864 г. в замке некоторое время находился участник восстания Ягмин. Он писал, что из замка обычно освобождали или высылали повстанцев. Таким образом, замок использовался как перевалочный пункт для заключенных. В замке заключенные передвигались свободно, только не могли выходить за его пределы. Судя по всему, заключённые жили по всему замку, поскольку некоторые даже умудрялись уединяться с любовницами в «темной комнате под лестницей». В 1864 году были проведены под руководством помощника губернского архитектора Вейденбаума ремонтные работы с целью приспособления помещений в замковом комплексе для политических арестантов. Были выполнены два плана с фиксацией этажей замка и указанием предполагаемых перестроек оконных проемов. Они вычерчены в том же масштабе, что и планы 1858 года [*ЦГВИАРФ Ф. 349.* Оп. 12. *Д. 1638*]. Планы были одобрены Управлением Лифляндского инженерного округа. Ремонтные работы длились несколько месяцев и в марте 1864 года были закончены. Согласно производственным сметам, составленным на сумму 260 руб. 40 коп., в главном корпусе дворца были отремонтированы ставни, потолки, вставлены новые стекла в оконные рамы и произведена побелка помещений. В ремонтных работах принимало участие несколько подрядчиков, среди которых числились стекольщики Губер и Рубидимент и штукатур Лониц.

В 1864 году город Гродно постигло новое несчастье. На территории города, прилегающей к Замковой горе, сгорели все хозяйственные и жилые постройки. Кроме этого, под влиянием дождей вода стала сильно подмывать подошву горы [*НГИАБ в Гродно Ф. 8.* Оп. 1. *Д. 1374.* Л. 4об]. Необходимо было срочно принимать экстренные меры. В 1866 году городские власти

утверждают смету на укрепление берега реки Неман у Старого замка [*РГИА Ф. 1287.* Оп. 25. *Д. 2271.* Л. 1].

В начале 1870-х гг. в связи с начавшейся эпидемией холеры Старый замок на некоторое время был переоборудован в холерный госпиталь [*НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 38. Д. 726.* Л. 1об].

В самом конце XIX века на территории Старого и Нового замков были размещены Гродненский военный госпиталь 2-го класса и казармы полкового штаба. Штаб был расположен в главном корпусе дворца. К этому времени несколько изменилась планировка замкового комплекса. Исходя из ситуационного плана с изображением двух замков выделим следующее. На месте деревянного навеса для дров был зафиксирован каменный флигель «карцеров» с небольшой пристройкой в сторону мыса, выходящий за пределы ограждения. Вместо ранее расположенных служебных построек (сараев и конюшни) построены каменный сарай и навес для пожарных инструментов. На склоне горы, за каменным сараем, со стороны Немана сооружен на каменных столбах деревянный сарай.

Рис. 6. Рисунок Н. Орды, 1860-е гг. Старый замок справа

Некоторые сведения о расположении построек на территории замкового комплекса можно почерпнуть из работ Н. Орды, сделанных в 1860-е гг. На всех его рисунках на территории Старого замка запечатлены руины замковых старых стен, расположенных вдоль склона Замковой горы со стороны Немана и на краю мыса [рис. 6].

Почти на мысу художник зафиксировал маленькую деревянную одноэтажную постройку, судя по планам — отхожее место. Несколько жилых построек разместилось у подножия горы. Также видно, что замок имеет пониженную по сравнению с рисунком М. Кулеши крышу, которая крыта не черепицей, а жестью. К зданию дворца со стороны саксонской лестницы (северо-западный угол здания) пристроена деревянная конструкция — также отхожее место, возможно, для офицеров. Как видно по фотографиям, начиная с 1880-х гг. эта деревянная пристройка с туалетами была заменена каменной. Отсюда можно сделать вывод, что планы перестройки замка 1840–1850-х гг. были как минимум частично претворены в жизнь [рис. 7].

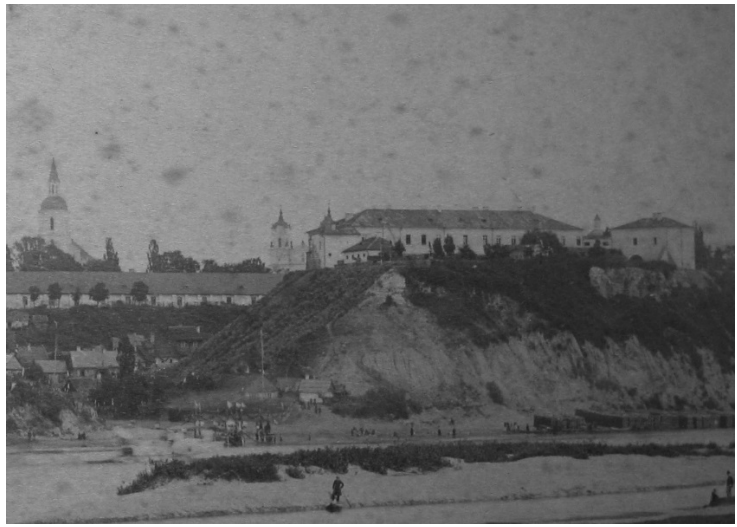

Рис. 7. Старый замок на фотографии 1880-х гг.

В целом к концу XIX века Старый замок утратил свое былое величие. После целого ряда перестроек полностью изменилась планировочная структура замкового комплекса. В 1894 г. был составлен план переделки военного собрания под место размещения трёх рот пехоты [*ЦГВИАРФ Ф. 400. Оп. 3. Д. 1059*]. На этом плане мы видим, что к этому времени помещения главного корпуса замка приобрели планировку, приближенную к планировке, существовавшей в течение всего XX века [рис. 8]. В помещениях первого этажа ближе к браме располагались комнаты для приезжающих в Гродно высокопоставленных офицеров, слева — хлебопекарня 101-го Пермского полка пехоты. Второй этаж принадлежал Гродненскому военному собранию.

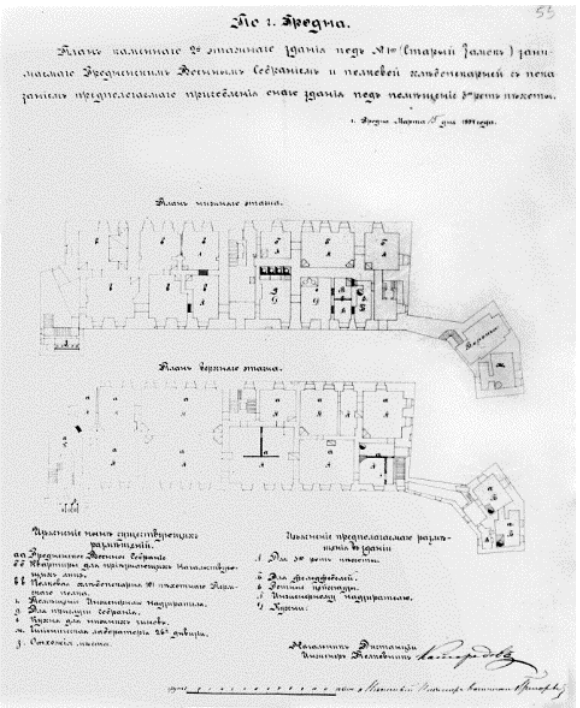

Рис. 8. План перестройки Старого замка 1894 г.

Надстройка третьего (светового) этажа в главном корпусе дворца была произведена примерно между 1903 и 1909 гг. Пристройка третьего этажа в большом зале была связана с отказом от перестройки замка под казарму в соответствии с планом 1894 г. и с окончательным решением оставить в замке Офицерское собрание [рис. 9].

Рис. 9. Старый замок на фотографии около 1905–1910 гг.

Во время этого последнего большого ремонта эпохи Российской империи в замке были поставлены сохранившиеся до сего дня печи, чугунные перила главной лестницы и ограждения балкона в большом зале, витая лестница в так называемой «французской комнате». Все чугунные детали легко определить как продукцию мастеров чугунного литья из Гродно и Белостока. На фотографиях 1915 г. также видно крытое крыльцо возле первого входа во дворец со стороны брамы. Это крыльцо существовало вплоть до 1920-х гг. [рис. 10].

В конце XIX века (в 1880 году) брама «еще была украшена гербом Стефана Батория, а на замковой стене сохранялась мраморная плита с надписью» [*Jodkowski 1923*. S. 57].

Рис. 10. Старый замок на фотографии 1915 г.

В конце XIX в. на территории Старого и Нового замков были размещены Гродненский военный госпиталь 2-го класса и казармы полкового штаба. В Старом замке также находилось Военное собрание Гродненского гарнизона.

Источники и литература:

1. *Дробов Л.И.* Живопись Белоруссии XIX — начала XX в. М., 1974.
2. *Jodkowski J.* Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych dokonanych na królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933 // Przegląd historyczno-wojskowy. T. VII. Z. 1. Warszawa, 1934.
3. *Jodkowski J.* Grodno. Wilno, 1923. S. 57.
4. Национальный государственный исторический архив Беларуси в Гродно (далее — НГИАБ в Гродно) Ф.1. Оп. 1. Д. 246.
5. НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 214.
6. НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 319.
7. НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 359.

8. НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.
9. НГИАБ в Гродно Ф. 2. Оп. 38. Д. 726.
10. НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 1374.
11. НГИАБ в Гродно Ф. 8. Оп. 1. Д. 904.
12. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА) Ф. 2. Оп. 2. Д. 181.
13. РГИА Ф. 1285. Оп. 8. Д. 730.
14. РГИА Ф. 1285. Оп. 8. Д. 730.
15. РГИА Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2271.
16. РГИА Ф. 1293. Оп. 168. Д. 3.
17. РГИА Ф. 1488. Оп. 1. Д. 934.
18. Центральный государственный военно-исторический архив Российской Федерации в Москве (далее — ЦГВИАРФ) Ф. 349. Оп. 12. Д. 1493.
19. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1530.
20. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1531.
21. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1532.
22. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1541.
23. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1557.
24. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1624.
25. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1574.
26. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1579.
27. ЦГВИАРФ Ф. 349. Оп. 12. Д. 1638.
28. ЦГВИАРФ Ф. 400. Оп. 3. Д. 1059.
29. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA) Ф. 378. Оп. 1. Д. 56.

Лисовская Т.В.

Изменение конфессиональной структуры общества белорусско-прибалтийского региона в начале XX века

Статья посвящена вопросам трансформации конфессиональной структуры белорусско-прибалтийского региона в начале XX в., которая является зоной стыка трех направлений христианства: православия, католичества и протестантизма. Автор анализирует изменения христианского компонента религиозной структуры общества и отмечает, что в начале XX в. проходят межконфессиональные трансформации, связанные с переходом населения из одной конфессии в другую без изменения монорелигиозности общества

Ключевые слова: Прибалтика, религия, конфессия.

Страны Прибалтики в конфессиональном разрезе являются монорелигиозным регионом, где доминирующей религией является христианство, однако при этом конфессиональный рельеф неоднороден и отражает исторический путь распространения христианства и геополитические трансформации региона. Как результат здесь находится зона стыка трех направлений христианства: православия, католичества и протестантизма (в форме лютеранства), которые определяют культурную специфику разных частей прибалтийского региона [*Манаков 2019*, с. 92].

Начиная с XIII века доминирующей христианской конфессией в Прибалтийском регионе являлся католицизм, осуществляя экспансию веры силами Ордена меченосцев и Ливонского ордена. Принятие католицизма Великим княжеством литовским, заключение Кревской, а затем Люблинской унии укрепили влияние римско-католического костела и способствовали созданию католического монорелигиозного ареола

(католической конфессиональной плиты) [*Манаков 2019*] в Прибалтике, западные границы которого совпадают с западной границей современной Российской Федерации. Трансформация конфессиональной структуры региона взаимосвязана с геополитическими изменениями и привела к расширению представленности христианских конфессий в регионе и формированию черт мультикультурности. В XVII веке в результате польско-шведской войны 1621–1626 гг. в состав Шведского королевства вошли Эстляндия и Лифляндия, постепенно принявшие лютеранство, начался процесс формирования лютеранского компонента в конфессиональном пространстве региона. В этот период лютеранство также было принято в Курляндском герцогстве, несмотря на сохранение вассальной зависимости от Речи Посполитой [*Манаков 2002*, с. 147]. В результате в Эстляндии и Лифляндии католицизм постепенно уступил свое место лютеранству, центр католицизма в Прибалтике сместился к югу, закрепившись на территории современной Литвы и Латгалии в качестве доминирующей конфессии. Сразу следует отметить, что и после разделов Речи Посполитой в этих регионах сохранилось господство католической религии. Согласно итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года наиболее высокой доля католиков была на территории современной Литвы — 75,8% (в Ковенской и Виленской губерниях) и Латгалии — свыше 50% (западной части Витебской губернии, ныне востоке Латвии) [*Манаков 2002*, с. 167]. При этом наибольшая доля протестантов (преимущественно лютеран) зафиксирована в Эстляндской (89,7%), Лифляндской (79,6%) и Курляндской (76,2%) губерниях [*Первая Всеобщая перепись населения… 1905*].

Формирование православного контингента Прибалтийского региона активно началось после включения шведских Эстляндии и Лифляндии в состав Российской империи по итогам Северной войны 1700–1721 гг., что привело к переселению русского (преимущественно православного) населения, а также после

присоединения литовских территорий в ходе разделов Речи Посполитой. Однако до середины XVIII в. православное население в Прибалтике было немногочисленно. Ключевым моментом активизации расширения влияния православия стало назначение в 1836 г. викарного епископа Риги, в результате чего сформировалось полуавтономное ответвление Псковской епархии. В 1840-е годы прошла первая волна обращения крестьянского населения в православие, в 1845–1848 гг. — новая волна, гораздо более мощная, захлестнула регион, вылившись в переход в православную веру 110 222 латвийцев и эстонцев [*Фриз 2017*, с. 777]. Вторая волна обращений в православие продолжилась в 80-е годы XIX века в Эстляндской губернии преимущественно в Гапсальском (Викском) уезде и на острове Даго (Хийумаа). В 1883–1884 годах в Эстлянской губернии в православие перешло 5058 человек, в 1885 году — 1800, в 1886 году — 3575 и в 1887 году — 1791 человек, в дальнейшем же волна обращений пошла на убыль и в этих краях [*Пярт 2015*, с. 140]. По итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года на территории современной Эстонии православные и старообрядцы составляли в сумме около 15%, в Латвии — 12,7%, на территории современной Литвы — 6,3% [*Манаков 2019*, с. 94].

В начале XX века начинается второй этап конфессиональной трансформации прибалтийского региона, вектор которой был направлен на усиление неправославных конфессий, прежде всего лютеранства, а затем католицизма, и появление новых религиозных акторов — позднепротестантских вероучений.

Основным фактором трансформации конфессиональной структуры населения Эстонии, Латвии и Литвы стали либерализация конфессиональной политики — принятие Высочайшего Указа Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [*Указ «Об укреплении начал веротерпимости»… 1908*], а также трудовые миграции в промышленные

районы Германии начала XX века и миграционные процессы, вызванные Первой мировой войной. Направлением первой волны миграций (1905–1910 гг.) являлись страны американского континента (Аргентина, США, Бразилия) [*Кабузан 1998*, с. 173], где именно в это время появляются и распространяются идеи пятидесятничества [*Лисовская 2007*, с. 67]. Так, известен случай переселения более 2000 членов баптистских церквей под руководством Яниса Инкиса, пресвитера Рижской Матвеевской церкви баптистов, в Бразилию.

Также следует принимать во внимание факт значимого немецкого присутствия в регионе и тесные контакты с немецкими общинами, что при расширении миграционных потоков обусловило укрепление связей и расширение взаимодействия местного населения с представителями неправославных вероисповеданий [*Лисовская 2007*, с. 66].

После подписания Указа «Об укреплении начал веротерпимости» в ряде западных губерний Российской империи начался активный переход из православия лиц, формально православных, но на деле исповедующих иную религию. С весны 1905 г. в местные православные Консистории стали поступать рапорты благочинных и приходских священников о случаях совращения из православия и об агитационной деятельности католического духовенства.

Архиепископ Литовский Никандр (Молчанов) от имени съезда духовенства Виленской епархии обратился в июне 1905 г. к виленскому, ковенскому и гродненскому генерал-губернатору А. А. Фрезе с просьбой о защите православных приходов от католической пропаганды и проявлений религиозного насилия. Архиепископ Никандр указывал на крайне «тяжелое и безотрадное положение православных приходов в епархии», в особенности тех, которые образовались после польского мятежа 1863 г. и где имелась «юная литовская паства», а прихожане присоединились к православию из католичества. Ковенский епископ Сергий (Петров) сообщал губернатору А. А. Фрезе

летом 1905 г., что до Указа 17 апреля 1905 г. отношения между православными и католиками в Ковенской губернии были миролюбивыми, а смуту внес не сам Указ, а католическое духовенство, которое на основе Указа начало вести миссионерскую пропаганду в смешанных православно-католических семьях. Обобщая данные своих информаторов, виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор А. А. Фрезе в письме к министру внутренних дел П. Н. Дурново от 6 декабря 1905 г. констатировал, что с обнародованием указа «упорствующие и колеблющиеся» элементы из православного населения Северо-Западного края «стремительной волной хлынули обратно в католичество, увлекая своим движением и соприкасавшихся так или иначе с ними православных».

Согласно данным министерства внутренних дел за четыре года (с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1909 г.) в Российский империи перешло из православия в иные вероисповедания 308 758 человек. Из них в католичество перешло 232 705 человек, в лютеранство — 14 527, в магометанство — 49 758, в армяно-григорианскую веру — 407, в иудаизм — 409, в буддизм — 3468, в язычество — 150, в старообрядчество — 4240, в сектантство — 3 093 человек [*Сведения о лицах… 1912*].

Подавляющее количество переходов в католичество произошло в Царстве Польском (167 957) и в 9 губерниях Западного края (62 598). Из них в Сувалковской губернии — 16 012 человек, в Виленской — 25 381 [*Сафонов 2017*, с. 180].

Уменьшение православного присутствия в регионе в начале XX века проходило также и за счет оттока верующих из православия в лютеранство. Прежде всего в лютеранство возвращались бывшие лютеране, формально числившиеся православными, — порядка 14,5 тыс. человек. В целом по Российской империи наибольшее количество переходов из православия в лютеранство зафиксировано в прибалтийских губерниях: в Лифляндской (7265), Эстляндской (3986) и Курляндской (817) [*Сафонов 2017*, с. 192].

К 1917 г. Евангельско-лютеранская церковь была представлена 5 округами, 3 из которых находились в Прибалтике — Курляндский, Эстляндский, Лифляндский. Численность лютеран в Российской империи составила 3674 человек, из которых 2425 человек проживали на территории прибалтийских губерний, где имелось 337 консисториальных округов, действовали 625 евангелическо-лютеранских культовых зданий и молельных домов [*Meyer 1918,* s. 97].

Как отмечает Ю.С. Белов, несмотря на значимый отток населения из православной церкви, в целом православие в Прибалтике в значительной степени сохранило свои позиции [*Сафонов 2017,* с. 188].

Активизация религиозных процессов в начале XX века проявилась также в появлении новых религиозных акторов в Прибалтике — начинают распространяться позднепротестантские движения — баптизм, евангелизм, пятидесятничество. Появление данных деноминаций в Прибалтике относится ко второй половине XIX в., однако активному развитию протестантизма на белорусских землях на данном этапе препятствовала антипротестантская («антисектантская») политика России в конце XIX — начале XX века: гонения на приверженцев баптизма, высылка лидеров движения за границу (В. Фетлер, В. Пашков, М. Корф и др.) [*Tomaszewski 1991,* s. 26]. Согласно царскому указу от 4 июля 1894 года «штундисты», к которым были отнесены все позднепротестантские вероучения, были объявлены вне закона. Только с момента издания Наивысшего Указа Николая II «О веротерпимости» от 17.04.1905 года деятельность протестантов была легализирована [*ГАБО Ф. 1, Оп. 2., Д. 192, л. 110–115*], появилась возможность вести миссионерскую работу и распространять вероучение по всей территории Российской империи.

Так, на территории современной Литвы первые баптистские общины появились в 1841 г. в Клайпеде. До Первой мировой войны в клайпедском крае действовали три баптистский цер-

кви и две немецкие баптистские общины, церкви в Скуодасе и Мажейкяй, Илакяй. В конце XIX в. была создана немецкая баптистская церковь в Каунасе, которая к 1914 г. насчитывала более 300 человек. В 1902 году была создана община в Ковно, распространившая своё влияние на белоруско-польско-литовские территории, и благодаря её миссионерской деятельности были организованы общины в Белостоке, Вильно, Воложине. Первые миссионеры и пресвитеры общин в Ковно и Белостоке в начале XX века были немецкого происхождения (O. Lenza, K. Schlosser) [*Лисовская 2007,* с. 68].

На территории современной Эстонии первая баптистская община (филиал Петербургской немецкой баптистской церкви) была образована в Хаапсала в 1884 г., затем — община в Таллине. В 1900 г. из немногочисленных общин был образован Союз баптистов Эстонии (Российский баптистский союз Эстонии). В период с 1900 по 1914 г. численность баптистов Эстонии выросла с 1000 человек до 3300 человек. С 1909 г. начинают появляться первые общины евангельских христиан, которые активно растут, и к 1936 г. численность их приверженцев достигает 3500 человек. В 1910 г. была образована первая община методистов. С 1907 г. в Эстонии появляются первые сторонники пятидесятничества в Тарту, Таллине, Нарве [*История… 1998*, с. 338].

Первые приверженцы баптизма появляются на латвийских землях в середине XIX в., когда произошло первое крещение баптистов в Мемеле, в 1960 г. 1875 г., был образован Союз латышских баптистов. Дальнейшее развитие баптизма на этих землях было связано с деятельностью латвийских миссионеров, прежде всего с деятельностью «Миссии Вильяма Фетлера» — миссионера латвийского происхождения, получившего религиозное образование в Америке и Петербурге. Миссией В. Фетлера была создана в 1925 г. библейская школа, в которой проходили обучение не только члены латвийских баптистских общин, но и баптисты всех восточных воеводств Польши [*Bednarczyk 1997*, s. 119]. Период в развитии позднепротестантского движения

1918–1923 гг. получил название евангельского пробуждения в Латвии и характеризуется быстрым ростом числа приверженцев и активизацией деятельности общин организаций.

Как мы видим, в начале XX века в ходе либерализации конфессиональной политики, активных миграций и геополитических изменений происходит трансформация конфессиональной структуры региона. При этом трансформационные процессы проходят в рамках единого религиозного поля, христианства, и без изменений монорелигиозного характера общества. Появление новых религиозных акторов — позднепротестантских движений — и их активное распространение в регионе в начале XX века отражает тенденцию к восприятию христианства как религиозной и мировоззренческой основы общества. Таким образом, религиозным процессам свойственен внутренний, межконфессиональный характер трансформаций, проходящий в рамках трех направлений христианства: православия, католицизма и протестантизма.

Источники и литература:

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО) Ф. 1. Оп. 2. Д. 192.
2. История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989.
3. *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998.
4. *Лисовская Т.В.* Процесс появления новых протестантских деноминаций на западнобелорусских землях в конце XIX — в 20-х гг. XX в. // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітар. і грамад. навук. 2007. № 2.
5. *Манаков А.Г.* Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №1.
6. *Манаков А.Г.* Геокультурное пространство северо-запада русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002.

7. *Пярт И.П.* Церковь и православные школы в Прибалтийском крае в 1840–1918 гг. // Историко-педагогический журнал. 2015. № 3.
8. *Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений: монография. М., 2017.
9. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» // Полное собрание законов Рос. империи. Собрание III. Т. 25. СПб., 1908.
10. *Фриз Г.* Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4.
11. *Фурс А.А.* Динамика институционализации Церкви Реформации в России: этапы и факторы // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 1.
12. Сведения о лицах, отпавших за время с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1909 г. от господствующей веры (сообщены Министерством внутренних дел) // Законопроекты по вопросам, внесенным Министерством внутренних дел на рассмотрение Государственной Думы III созыва. СПб., 1912.
13. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. С-Петербург, 1905.
14. *Bednarczyk K.* Historia zborów baptystów w Polsce do 1939 r. Warszawa, 1997.
15. *Meyer Th.* Luthers Erbe in Russland. 1918.
16. *Tomaszewski H.R.* Wyznania typu ewangeliczno — baptystycznego, wchodzące w skład Zjednoczonego Kościoła Ewangelicznego w latach 1945–1956. Warszawa, 1991.

Шевченко К.В.

«Под небом Полесья»: из истории общественной мысли белорусского Полесья в 1930-е годы

Широкое распространение и укорененность общерусской идентичности в этнически непольских восточных воеводствах межвоенной Польши, населенных в основном восточнославянскими народами, были вынуждены неоднократно признавать польские власти вопреки официальной трактовке данных областей как исконно польских. Так, в подготовленной в 1930 г. чиновниками управления Полесского воеводства в Бресте аналитической записке о деятельности Русского национального объединения на территории Полесья констатировалось, что «русский этнический элемент в Полесье составляет не более 1% населения, не превышая двенадцати тысяч человек, в основном из числа интеллигенции. Однако, несмотря на незначительную численность этнических русских, русское влияние на территории Полесья выглядит довольно сильным, — признавалось в документе. — Это является результатом действия ряда причин, в основном длительной и систематической русификацией населения Полесья царскими властями, а также русификаторской деятельностью православного духовенства» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 9. Д. 136, л. 49]. Авторы аналитической записки отмечали, что политическая деятельность Русского национального объединения в Полесье активизировалась перед выборами в Сейм в 1928 г., при этом русская агитация, «поддержанная православным духовенством, добилась серьезного успеха, что выразилось в завоевании мандата в пинском избирательном округе» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 9. Д. 136, л. 49].

Ярким и убедительным проявлением общерусской идентичности в межвоенной Польше была русскоязычная пресса, изда-

вавшаяся в крупных городах этнически непольских восточных воеводств Второй Речи Посполитой, прежде всего в Вильно, а также во Львове, где, несмотря на массовые репрессии австро-венгерских властей против галицко-русского движения и террор в отношении русинского населения Галиции во время Первой мировой войны, сохранялись очаги русской культурной и общественной жизни.

Впрочем, на характер публикаций русской прессы в межвоенной Польше накладывали сильный отпечаток внутриполитические и внешнеполитические реалии, часто диктовавшие определенную степень самоцензуры и конформизма. Так, варшавская русскоязычная газета «За свободу», рассуждая о том, что будущая небольшевистская Россия будет «глубоко заинтересована в сохранении мирных, добрососедских отношений с Польшей», подчеркивала необходимость навсегда примириться с Рижским договором и определенными им восточными границами Польши, поскольку, по мнению данной газеты, «Польша не завладела такими областями, которые нарушали бы жизненные необходимости России… Что свершилось в Риге, есть искупление исторического греха России, содеянного Екатериной II, когда она вместе с пруссаками и австрийцами произвела разбойничий раздел Польши…» [*За свободу*! 1928. №117(2449)]. Газета особенно приветствовала включение в состав Польши территории Восточной Галиции, аргументируя это тем, что подобное решение данного вопроса соответствует интересам будущей небольшевистской России, поскольку избавляет ее от проблемной необходимости иметь в своем составе области с сильным влиянием русофобски настроенных украинских националистов. Разумеется, подобная позиция, особенно посыпание головы пеплом в связи с разделами Речи Посполитой и столь искусная апология Рижского мира и проведенных им восточных границ Польши, якобы соответствующих интересам будущей «небольшевистской России», не могла не импонировать польским властям.

Одно из наиболее популярных русскоязычных изданий в межвоенной Польше, виленское «Наше время», весьма сочувственно отзывалось о столетии польского восстания 1830 г. и, подчеркивая, что юбилей этого события «являет собой вечное стремление народов к освобождению от гнета» [*Наше время*. 1930. № 53], вместе с тем призывала русскую общественность извлекать уроки из этого восстания. Особенно внимательно газета предлагала изучать «историю польской эмиграции, где… много было не беженцев, а настоящих патриотов» [*Наше время*. 1930. № 53]. Однако, делая неизбежные реверансы с учетом международного положения, внутриполитической ситуации и господствующей в Польше идеологической доктрины, русская пресса в целом стояла на позициях общерусского единства и пропаганды русского культурного наследия, что было неприемлемо для польской администрации, стремившейся к тотальной полонизации непольского населения восточных воеводств Второй Речи Посполитой.

* * *

Важным инструментом борьбы официальной Варшавы с общерусской идентичностью населения западнобелорусских земель были преследования и различные формы дискриминации местной русской прессы. Дискриминация прессы на русском языке польскими властями имела системный характер и самые разнообразные проявления, включая административные препоны и прямые запреты на распространение некоторых изданий в Польше. Так, 23 августа 1937 г. управление Полесского воеводства информировало старост всех поветов данного воеводства о решении министерства внутренних дел Польши запретить подписку на издававшуюся в г. Ужгород (Чехословакия) «Русскую народную газету», а также на «Евразийскую хронику», издававшуюся на русском языке в Берлине. В документе несколько туманно объяснялось, что запрет на распространение

данных изданий связан с тем, что «их содержание обнаруживает признаки преступлений, предусмотренных в Уголовном кодексе» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 879, л. 37]. Ранее был введен запрет на ряд газет, журналов и книг, изданных в СССР.

Крайне подозрительный и откровенно дискриминационный подход польские власти демонстрировали в отношении периодических изданий на русском языке в восточных воеводствах Польши, явно опасаясь их нежелательного для Варшавы влияния на местное белорусское население. Издание прессы на русском языке на территории этнически непольских восточных воеводств постоянно привлекало пристальное внимание польской администрации вплоть до высших государственных чиновников, которые бдительно следили за содержанием русскоязычных изданий с точки зрения их соответствия государственным интересам Польши. Ярким примером подобного отношения польской администрации к русской прессе является попытка активиста русского движения в г. Пинск Полесского воеводства П. Хинича начать издание русскоязычной газеты «Под небом Полесья» и связанное с этим поведение польских властей. Официальная декларация Хинича о намерении издавать подобную газету была направлена старосте Пинского повета Полесского воеводства 12 октября 1931 г., при этом в документе указывалось, что газета будет содержать информацию экономического, общественного и культурного характера, что издание будет стоять «на почве польской государственности» и что местом издания будет г. Пинск. В качестве адреса редакции газеты указывалась улица Пилсудского, 17 [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939, л. 2].

Спустя два дня после получения данной декларации староста Пинского повета В. Болдок направил 14 октября 1931 г. полесскому воеводе В. Костек-Бернацкому конфиденциальное донесение, в котором характеризовал редактора будущей газеты П. Хинича как активиста русских организаций, принимавшего участие в выборах в сейм в 1928 и в 1930 гг., и как корреспондента русской виленской газеты «Наше время». Особое внимание

староста обращал на стремление Хинича расширить с помощью газеты свое влияние на местное сельское население. По словам старосты, свою агитацию среди населения Хинич проводит «в национально русском духе» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939, л. 1]. В своем следующем донесении полесскому воеводе от 28 октября 1931 г. пинский староста сообщал о том, что первоначально он «не препятствовал» Хиничу в организации его издания, поскольку это, по словам старосты, могло бы создать впечатление у местного русского общества об административном преследовании русской национальной жизни со стороны польского правительства, тем более что Хинич декларировал намерение стоять на почве польской государственности. «По этим соображениям я принял решение, не препятствуя появлению газеты со стороны властей, уничтожить её путем деструктивных мер… и тем самым навсегда парализовать её существование в будущем» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939, л. 12], — откровенно делился своими планами с полесским воеводой пинский староста.

Содержание и направленность первых нескольких номеров газеты «Под небом Полесья» не могли не вызвать сильнейшего раздражения польской администрации. Так, в статье о населении г. Пинска указывалось, что из 30 470 жителей города 19 597 составляют евреи, 7249 — поляки, остальные — русские, к числу которых газета отнесла «белоруссов, украинцев и великоруссов» [*Под небом Полесья*. 1931. №2]. Таким образом, белорусы и украинцы вполне в духе западнорусизма трактовались газетой как составная часть единого русского народа, что было неприемлемо для польских властей. Немалую озабоченность местной польской администрации, судя по всему, вызвало и опубликованное на страницах газеты сообщение её редакции о том, что успех издания «превзошел все наши ожидания… В первый же день мы приобрели весьма значительное число подписчиков. В редакцию нашу ежедневно поступают приветственные и сочувственные письма…» [*Под небом Полесья*. 1931. №2].

Второй номер газеты «Под небом Полесья» в рубрике «Из польской печати» знакомил своих читателей с содержанием публикаций польской прессы о положении в восточных воеводствах Польши. Так, по словам газеты, краковское издание «Илюстрованы Курьер Цодженны» в одной из своих публикаций «горько жалуется, что русские переполняют учительские должности в польских школах на Восточных Кресах, и поэтому призывает живые силы польского общества и молодых учителей идти работать на Восток — туда, — иронично замечала «Под небом Полесья», — где, по его словам, дикое московское хозяйничанье, насилия Муравьева и большевизм уничтожили приобретения целых польских поколений» [*Под небом Полесья*. 1931. №2]. Редакция «Под небом Полесья» предпочла благоразумно воздержаться от прямой полемики с польскими изданиями по данному вопросу, однако содержание польских публикаций излагалось на страницах газеты с нескрываемой иронией и сарказмом.

Крайне раздражающей для польских властей, судя по всему, стала статья о предстоящей в Польше переписи населения, опубликованная в третьем номере газеты. Констатировав, что «для нас, русских, предстоящая 9 декабря сего года всеобщая перепись населения… будет иметь огромное значение», газета самокритично замечала, что «русские теперь, при польской власти, являются гораздо менее устойчивыми национально, чем были поляки даже в самую тяжелую для них пору национальных и религиозных преследований» [*Под небом Полесья*. 1931. №3]. В связи с этим газета призывала своих читателей указывать в ходе переписи в качестве родного только русский язык: «Пусть же каждый русский знает и помнит, что указания агентам по переписи языка русского (rosyjskiego) как родного не является чем-то маловажным, а исполнением долга перед лицом национальных и культурных интересов русского меньшинства в Польской республике» [*Под небом Полесья*. 1931. №3].

Борьба за сохранение русской культуры и общерусской идентичности была центральной темой газеты. В статье «О самом

больном» редакция газеты обращалась к актуальной и весьма болезненной теме растущей полонизации русского населения в Польше. «Как это ни печально, но даже там, где не исключена возможность воспитания по своему усмотрению, в среде состоятельных, имущих русских, нередко польский язык и польская книга доминирует в ущерб русской, — отмечала газета и, обращаясь к родителям, призывала, — изучение и знание польского языка не должно вести к забвению своего родного языка — русского… Не забывайте, что, теряя русскую речь, ваши дети одновременно с этим теряют свою национальность» [*Под небом Полесья*. 1931. №3].

Редакция газеты «Под небом Полесья» стремилась всячески популяризировать русские культурно-просветительские проекты и инициативы в межвоенной Польше. Так, в четвертом номере газеты подробно сообщалось об открытии при отделе Русского благотворительного общества в г. Барановичи русской начальной школы, а также курсов русского языка при ковельском отделе Русского благотворительного общества. При этом редакция газеты выражала надежду, что и «пинский отдел РБО, являясь представителем местной русской общественности, не останется в долгу и употребит все усилия для создания какого-либо русского очага, откуда подрастающее поколение наше могло бы черпать силы для своего национального и духовного роста» [*Под небом Полесья*. 1931. № 4].

Судя по публикациям газеты «Под небом Полесья», русские культурные мероприятия пользовались большой популярностью среди жителей Пинска. «Кружком русской молодежи города Пинска устроен был 6.XI. в театре бр. Гольцман благотворительный концерт-вечер. В программу вечера вошли: оперетка «Иванов Павел»…, затем хор балалаечников и первое публичное выступление пинских поэтов. Кроме того — танцы до утра, — сообщала газета 15 ноября 1931 г. — С художественной и материальной стороны вечер вполне удался и привлек много публики, среди которой были представители польского обще-

ства, а также немало еврейской молодежи» [*Под небом Полесья*. 1931. № 3]. Примечательно в этой связи, что по официальной статистике в 1930 г. население Пинска составляло 30 470 человек, из них около двух третей (19 597) евреи, 7249 — поляки и остальные — русские, к числу которых редакция газеты «Под небом Полесья» относила «белоруссов, украинцев и великорусов» [*Под небом Полесья*. 1931. № 2].

Большое место на страницах «Под небом Полесья» уделялось критике русской интеллигенции в межвоенной Польше. Среди многочисленных грехов русской интеллигенции газета отмечала «отсутствие русского патриотизма, самооплевание, неумение ценить великие достижения русской культуры, равнодушие к своей святой Вере… Но самым тяжелым грехом ее надлежит признать неумение в тяжелых условиях жизни на чужбине, в рассеянии, сохранить свое национальное русское лицо» [*Под небом Полесья*. 1931. № 6].

Анализируя положение русского населения в межвоенной Польше, газета проводила любопытные параллели с германизацией чехов в Габсбургской империи и с полонизацией западнорусской шляхты в Речи Посполитой после Брестской церковной унии 1596 года. «Чешское возрождение начала 19 века было сильно затруднено тем, что чехи фактически не имели интеллигенции: она вся после Белой Горы онемечилась. То же относится к литовской и русской шляхте, после Брестской унии совершенно ополячившейся… Теперь мы являемся свидетелями аналогичного явления, — констатировала «Под небом Полесья», — наши русские богачи, как у нас на Полесьи, так и везде в Польше — стесняются своей родной речи, зачастую отвечают по-польски своим же русским…, не говоря уже о том, что не только пальцем о палец не ударят, чтобы помочь немногочисленным самоотверженным русским общественным деятелям в тяжелой, жертвенной национально-русской работе, но живут вдали от живого биения пульса русской жизни и предпочитают польскую среду и польское общество — обществу русскому.

Такая позиция нашей имущей интеллигенции является подлинным предательством по отношению к русскому делу, русской культуре, русскому народу» [*Под небом Полесья*. 1931. № 6]. Сетовала газета и по поводу традиционных русских пороков, сожалея, что «наше обычное русское разгильдяйство, наша лень, наша национальная обломовщина мешают выдвинуться хоть нескольким русским людям с инициативою, с энергией и умением прилежно и самоотверженно работать» [*Под небом Полесья*. 1931. № 1].

Подготовка к проведению очередной переписи населения в Польше в декабре 1931 г. актуализировала интерес редакции газеты «Под небом Полесья» к механизму проведения переписей и к этнонациональной политике польских властей на территории Полесья в целом. Особое внимание газета уделила феномену новых национальностей «полешуков» и «тутэйших», обнаруженных предыдущими польскими переписями на территории Полесского воеводства. По ироничному замечанию газеты, о существовании подобных народностей ранее «не догадывались историки и этнографы ни польские, ни русские» [*Под небом Полесья.* 1931. № 7]. Так, по данным переписи населения, проведенной польской администрацией в 1919 г. в подконтрольных ей белорусско-литовских областях, на территории Полесья было зафиксировано 116 965 тех, кто заявил о себе как о «тутэйших»; при этом на территории Виленского воеводства их число составило 37 089, а на территории Минщины — 37 927 [*Spis ludności*…, s. 31]. Примечательно, что явление «тутэйших» и «полешуков» было характерно в основном для сельской местности; в крупных городах перепись таковых не зафиксировала. Последующие переписи населения в Польше указывали на постоянный рост «полешуков» и «тутэйших» на территории Полесья. По данным переписи 1931 г. число «полешуков» на территории Полесского воеводства составило уже 710 870 человек, или 63,1% от общей численности населения Полесского воеводства [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1658, л. 40].

В отличие от польских чиновников, объяснявших появление «полешуков» и «тутэйших» исключительно низкой степенью национального самосознания местного славянского населения Полесья, не способного отнести себя к какой-либо из общепризнанных национальностей, редакция газеты «Под небом Полесья» усматривала одну из главных причин данного явления в текущих политических факторах, а также в этнокультурной политике властей. По словам издания, в ходе переписи местное население часто не могло или по каким-либо причинам не желало причислить себя к известным национальностям. В ответ на вопрос о национальной принадлежности местные жители часто отвечали, что в составе России «они были русские; перешли под Польшу, стало быть, стали польские»; при этом счетные комиссары в данном случае охотно указывали польскую национальность [*Под небом Полесья*. 1931. № 7]. Газета обоснованно подчеркивала, что «большую роль в этом «самоопределении» сыграли переписчики своими наводящими вопросами, своей субъективною пристрастностью к известной народности» [*Под небом Полесья*. 1931. № 7]. Тем самым издание давало понять, что официальная численность поляков на территории Полесья искусственно завышена за счет местного непольского населения.

Комментируя широко распространенное нежелание местного населения отнести себя к общепринятым национальностям и самоопределение его значительной части как «тутэйших» или «полешуков», газета не без иронии замечала: «Хитер наш полешук! Исторические условия многих веков заставили его таким быть. Скажи, что русский, подумают: а, мы большевики! Время-то было — 1921 год, память о товарищах была очень свежа и еще недавно действовали на Полесьи «карные» военные отряды… Население Полесья во время первой переписи не открыло полностью своего настоящего национального обличья, выявило очень слабое национальное самосознание и показало, что оно так или иначе хитрит по тем или иным причинам; что полешук остался «себе на уме». …Об интеллигенции можно

сказать то же самое. Иные записывали себя не так, как говорило их внутреннее национальное чувство, отчасти и страха ради, отчасти и оттого, как иные говорили: «стыдно быть русским после всего, что произошло, Русь осрамилась» [*Под небом Полесья*. 1931. № 7]. Подводя итог своим рассуждениям о результатах польских переписей населения, газета, намекая на далекую от идеальной национальную политику официальной Варшавы, заключала: «Перепись даст только тогда верные сведения о национальностях, если все народности будут уверены, что они равноправны и им нечего бояться…» [*Под небом Полесья*. 1931. № 7].

Примечательно, что деликатная критика переписей населения в полесском регионе межвоенной Польши, озвученная на страницах «Под небом Полесья», в известной степени разделяется и авторитетными польскими историками. Так, Е. Томашевский отмечал, что перепись 1921 г. была отмечена рядом недостатков и прямых фальсификаций; «национальную принадлежность той многочисленной части населения Полесья, которая не могла сама определить свою национальность, определяли в основном сами счетные комиссары. Частым явлением были факты, когда национальная принадлежность людей определялась не ими самими, а другими лицами. Кроме того, известны факты, когда сами счетчики были малограмотными…» [*Tomaszewski* 1963, s. 20–21].

Судя по всему, польские власти по тактическим соображениям были заинтересованы в поддержке «полесской» идентичности, поскольку это могло быть использовано как инструмент для противодействия распространению у населения Полесья русской, белорусской или украинской идентичности. Примечательно в этой связи, что в подготовленной одним из чиновников управления Полесского воеводства аналитической записке о национальных группах на территории Полесья в 1931 г. говорилось, что «население Полесья, ведущее свое происхождение от древлян, не имеет ничего общего с теми племенами, которые

положили начало русскому или украинскому народу… Археологические и антропологические исследования показали, что физический тип древних обитателей Полесья и современных полешуков серьезно отличается от типов русского и украинца. Наконец, язык современных полешуков содержит многочисленные особенности, чуждые русскому, украинскому и белорусскому языкам, и не может считаться диалектом данных языков. По отношению же к украинскому и белорусскому языкам он может быть с полным основанием признан равноправным с этими языками» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1661, л. 60]. Таким образом, некоторые польские чиновники, по сути, выступали сторонниками и даже идеологами существования отдельного полесского народа, отличного от русских, белорусов и украинцев.

Подобные мысли не ограничивались лишь сферой абстрактного теоретизирования, имея вполне конкретное практическое воплощение. Так, 26 ноября 1926 г. орган Русской Народной Организации в межвоенной Польше, львовский еженедельник «Русский голос» опубликовал статью под названием «По случаю полесизации», где сообщалось об издании в Пинске газеты «на чистейшем полесском языке». По словам газеты, «уездный сеймик в Пинске — ничтоже сумняшеся — открыл «древнюю нацию — народ полесский». И не только открыл, но стал даже издавать специальную газету для этого до сих пор пребывающего в неизвестности «народа», — с иронией сообщал львовский «Русский голос». — Факт, в достаточной степени говорящий сам за себя! По-видимому, примеры Австро-Венгрии слишком еще стоят перед глазами польского правительства» [*Русский голос*. 1925. № 136]. Поддерживаемый местной польской администрацией «полесский проект» в виде издания газеты на полесском диалекте «Русский голос» расценивал как очередную попытку подорвать общерусский «национальный организм» и «вытравить в русском народе его национальное сознание, сознание его великой культуры — его русскость» [*Русский голос*. 1925. № 136].

Попытки польских властей издавать прессу на местном полесском диалекте, призванную содействовать становлению особой местной идентичности и одновременно распространять идеи лояльности к польскому государству, имели место и позднее. В 1928 г. в Пинске при поддержке местной администрации издавался еженедельник «Наша земля», который ставил своей задачей в условиях предвыборной кампании в сейм «освещать жизнь малоземельных крестьян» и разъяснять тем крестьянам, которые не могли читать по-польски, «что делается в стране» [*Наша земля*. 1928. № 10]. Примечательно, что статьи в данной газете печатались как на местном полесском диалекте с активным использованием польской лексики, так и на литературном русском языке; при этом наиболее важные в пропагандистском отношении материалы редакция предпочитала публиковать именно на русском литературном языке. Тем самым редакторы проправительственного издания фактически признавали широкую распространенность и органичность русской культуры и языка для местного населения.

В содержательном отношении «Наша земля» выступала в качестве агитационного инструмента пилсудчиков в регионе, призванного повлиять на итоги выборов в сейм в данной части Полесья. «Будущее среднего и мелкого крестьянина — в сильном, демократическом государстве, установленном Маршалком Пилсудским» [*Наша земля*. 1928. № 10], — подчеркивала «Наша земля» 19 января 1928 г. Объясняя жителям Полесья коварные козни окружающих Польшу враждебных государств, газета констатировала: «С момента заключения мира в Риге большевики приступили к пробуждению национализма белорусов и украинцев, направляя его острие против Польши. Россия и немцы стараются осуществить свои враждебные планы во время выборов. Для воздействия на селян украинских и белорусских плывут широким корытом гроши из Москвы и Берлина… Крестьяне и интеллигенция польская, белорусская и украинская должны объединиться с Беспартийным Блоком сотрудничества

с правительством, чтобы изменить жизнь к лучшему… Все как один пойдем за Ним, за Маршалком Иосифом Пилсудским!» [*Наша земля*. 1928. № 10].

Следующий номер газеты в еще большей степени являлся предвыборной агиткой. «Приближается момент выборов в Сейм… Должны ли мы слышать голоса коммунистов, сельроба или белорусской громады, которые за советские доллары принесли нам беду в тихую и спокойную полесскую деревню?» [*Наша земля*. 1928. № 11], — писала «Наша земля» 29 января 1928 г., одновременно призывая всех полешуков «голосовать за список № 1 Беспартийного Блока сотрудничества с правительством Маршала Пилсудского… Долой фальшь и обман! Да здравствует Маршалек Пилсудский!» [*Наша земля*. 1928. № 11].

Однако, несмотря на столь напористую и агрессивную пропаганду, ее реальное влияние на население Полесья было незначительным. «Фальшь и обман» прагматичный местный житель скорее усматривал именно в проправительственных публикациях «Нашей земли», что являлось закономерным следствием печальных социально-экономических реалий межвоенного Полесья. Как отмечал авторитетный польский историк Е. Томашевский, «на протяжении 18 лет польского правления в полесском регионе имело место ухудшение положения населения… Неудивительно, что на Полесье возникла поговорка «як прыйшлы поляки, не стало хлеба и табаки»… В рамках польского государства Полесье имело характер колониальной территории» [*Tomaszewski* 1963, s. 178].

Проявления этнокультурной инженерии со стороны польских властей были многообразны и отнюдь не ограничивались только Полесьем. Так, в 1930-е гг. на территории русинской Лемковщины в Западной Галиции польская администрация поддерживала этнокультурный проект, направленный на формирование особой лемковской идентичности у местного русинского населения, что было призвано воспрепятствовать распростра-

нению на Лемковщине русской или украинской идентичности [*Shevchenko* 2010, p. 391]. Конечной целью подобной политики была этнокультурная фрагментация восточнославянского населения восточных провинций межвоенной Польши, призванная создать условия для его последующей полонизации.

Что касается Полесья, то еще одним проявлением ассимиляционной политики Варшавы в отношении данного региона были планы изменения административных границ между воеводствами в восточных областях Польши. В 1927 г. министерство по военным делам Польши подготовило проект, предусматривавший образование нового Подлясского воеводства из западной части Полесского и восточной части Люблинского воеводств с центром в Бресте. Столицу Полесского воеводства при этом предполагалось перенести из Бреста в Пинск. Данная реорганизация, по словам Е. Томашевского, «была призвана усилить польское ассимиляционное влияние на часть населения Полесья и ограничить украинское влияние. Линия по реке Буг как предполагаемая польская этнографическая граница на востоке должна была быть перенесена значительно далее на восток…» [*Tomaszewski* 1963, s. 12].

Публикации газеты «Под небом Полесья» явно противоречили политике Варшавы в данном регионе и вызывали нарастающее раздражение местной администрации. Пинский староста приложил все усилия для того, чтобы сдержать свое обещание полесскому воеводе уничтожить газету «Под небом Полесья» путем деструктивных административных мер. Уже в четвертом номере «Под небом Полесья» редакция сообщала читателям о том, что «наша газета… печатается уже не в Пинске… Все местные владельцы типографий как по щучьему велению отказались печатать ее у себя, ссылаясь на то, что у них семьи и что вообще им не интересно из-за кого-нибудь страдать. Не желая лишать куска хлеба жен и детей наших пинских типографщиков, мы списались с Вильно — и со второго номера газета наша печатается уже там…» [*Под небом Полесья*. 1931. № 4].

В результате синхронного отказа местных пинских типографий печатать газету несколько ее номеров вышли в белорусской типографии имени Скорины в Вильно, что было сразу замечено местными структурами безопасности. В своем донесении полесскому воеводе 18 ноября 1931 г. отдел безопасности управления Виленского воеводства отмечал «пророссийскую направленность» издателей газеты «Под небом Полесья», которая выразилась в том, что белорусы, украинцы и великорусы трактуются как части единого русского народа. «Подобную позицию, — отмечалось в донесении, — занимает и виленская газета «Наше время», которая утверждает, что языки белорусский и украинский находятся в таком отношении к русскому языку, как мазурский язык к языку польскому» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939, л. 30]. Автор донесения обращал внимание полесского воеводы на «не только идеологические, но и персональные связи» между виленской газетой «Наше время» и пинским «Под небом Полесья». В документе подчеркивалось, что меры по недопущению издания газеты «Под небом Полесья» в Вильно труднореализуемы, поскольку издание газеты осуществляется в белорусской типографии имени Скорины, которая контролируется белорусской христианской демократией и близкими к ней группами, включая группу бывшего сенатора и «российского монархиста» В. Богдановича [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939, л. 30]. Тем не менее польской администрации в начале 1932 г. удалось блокировать издание неудобной для них газеты. Уже в первом номере «Под небом Полесья» за 1932 г. редакция, намекая на резко усложнившиеся условия работы, сообщала своим читателям о переносе печатания газеты в другую типографию и связанной с этим задержкой издания. Со второго номера «по независящим от редакции причинам» газета стала выходить непериодически [*Под небом Полесья*. 1932. № 2] и, наконец, ее издание было полностью прекращено.

В одном из последних номеров «Под небом Полесья» было опубликовано обращение редакции к населению Полесья, став-

шее «лебединой песней» и одновременно квинтэссенцией идейной направленности данного издания. «К тебе, народ наш русский, православный, многострадального Полесья крестьянин и рабочий, мы обращаемся! ...Помни, что ты — русский! Ты — представитель великого русского племени! Ты — носитель славного русского имени! Ты — говорящий на русском языке, одном из величайших языков славянских. Ты — православный, последователь древнейшей Восточной Церкви, основанной святыми Апостолами…» [*Под небом Полесья*. 1932. № 2]. В конце данного обращения редакция газеты, демонстрируя свою лояльность к государству, напоминала читателям о необходимости «быть верным Польской Республике» и честно исполнять все ее законы [*Под небом Полесья*. 1932. № 2]. Однако демонстрация лояльности не могла ничего изменить, поскольку судьба данного издания была решена заранее.

* * *

В конце 1932 г. в Пинске представителем местной русской общины Н. Березницким была предпринята попытка издания русской церковно-общественной газеты «Пинский голос». Первоначально планировалось издание «Пинского голоса» как ежедневной газеты, однако полесский воевода запретил выпуск газеты как ежедневника, ссылаясь на нежелательность подобного печатного органа в силу местных обстоятельств [*Пинский голос*. 1932. № 1]. Примечательно, что, как и в случае с газетой «Под небом Полесья», владельцы пинских типографий как по команде отказались от печати данной газеты, объясняя это «независящими от них обстоятельствами» [*Пинский голос*. 1932. № 1]. В итоге выпуск данной газеты, стремившейся «объединить всех русских людей на Полесьи и стать для них доступным печатным органом» [*Пинский голос*. 1932. № 1], был также прекращен из-за противодействия местной польской администрации. При этом газета «Пинский голос» успела по-

лучить архипастырское благословение архиепископа Полесского и Пинского Александра, который охарактеризовал издание данной газеты как «доброе культурное дело» и рекомендовал духовенству и верным Полесской епархии «поддержать газету подпиской» [*Пинский голос*. 1932. № 1].

Данный скромный издательский проект в провинциальном городке Полесского воеводства стал предметом серьезного обсуждения в политических верхах Второй Речи Посполитой. В своем пространном конфиденциальном донесении министру внутренних дел в Варшаву 4 ноября 1932 г. полесский воевода В. Костек-Бернацки указывал на то, что издатель «Пинского голоса» Березницкий является убежденным русским монархистом и одним из наиболее видных представителей русской колонии в Пинске, «проводящей на данной территории вредную русификаторскую деятельность. Данная колония, — предостерегал полесский воевода, — считает Полесье исконно русским, а местное население — частью великорусского народа. В этом духе работа ведется уже ряд лет, давая со временем плоды, как, например, в случае с завоеванием в 1928 г. единственного в Польше русского мандата в Сейм в избирательном округе Пинск» [*ГАБО*. Ф.1. Оп. 8. Д.940, л. 35]. «Принимая во внимание опасность русификаторской акции среди несознательного в национальном отношении местного населения, — указывал в документе полесский воевода, — я запретил Березницкому издание русской газеты в Пинске…» [*ГАБО*. Ф.1. Оп. 8. Д. 940, л. 35].

Издание газет на русском языке в восточных воеводствах Польши и их популярность среди местного населения вызывали обеспокоенность и крайне негативную реакцию польской общественности и прессы. Так, издававшаяся в Полесском воеводстве польская газета «Экспресс полесски» с неудовольствием констатировала в одной из своих статей, что «хотя на Полесьи нет русских, тут выходят издания на русском языке» [*Expres Poleski*. 1932. № 294]. В ответ на попытки издания газет на

русском языке польская администрация в Полесском воеводстве во второй половине 1930-х годов активизировала попытки создания популярной «Полесской газеты» на польском языке для местного крестьянского населения, объясняя это как необходимостью распространения информации экономического характера, так и политическими соображениями. Так, представитель Полесского воеводства С. Беневски в своем обращении к министерству сельского хозяйства откровенно указывал на то, что при наличии «подходящей газеты» местного полешука «можно относительно легко полонизировать» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 968, л. 161], отмечая, что подобная газета должна иметь популярный характер и отражать специфические проблемы Полесья, поскольку «варшавские издания не отвечают запросам полесского крестьянина» [*ГАБО*. Ф. 1. Оп. 8. Д. 968, л. 161].

Таким образом, общерусское самосознание значительной части населения восточных воеводств межвоенной Польши находило свое выражение в местной русскоязычной прессе, содержательная и идейная направленность которой, несмотря на политическую осторожность и декларируемую лояльность польскому государству, являлась неприемлемой для польских властей, поскольку отстаивала идею общерусского единства. Ареал распространения русской прессы, пропагандировавшей русскую культуру и поддерживавшей общерусскую идентичность, охватывал не только такие традиционные крупные центры русской культурной жизни как Вильно и Львов, но и небольшие провинциальные города восточных воеводств, ярким примером чему являлся Пинск. Обоснованно опасаясь растущего влияния русской прессы на восточнославянское население этнически непольских восточных провинций Второй Речи Посполитой, местные польские власти активно использовали административные рычаги для удушения и ликвидации неугодных им русских изданий.

Источники и литература:

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 136.
2. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 879.
3. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 939.
4. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 940.
5. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 968.
6. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1658.
7. ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1661.
8. За свободу! Варшава, 23 мая 1928. № 117 (2449).
9. Наша земля. Безпартыйна газета нидельня. 19 стычня 1928. № 10.
10. Наша земля. Безпартыйна газета нидельня. 29 стычня 1928. № 11.
11. Наше время. Независимая общественно-политическая газета. Вильна, 30 ноября 1930. № 53.
12. Пинский голос. Еженедельный церковно-общественный орган. 11 декабря 1932. № 1.
13. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 7 января 1932. № 1.
14. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 8 ноября 1931. № 2.
15. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 15 ноября 1931. № 3.
16. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 22 ноября 1931. № 4.
17. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 6 декабря 1931. № 6.
18. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 13 декабря 1931. № 7.
19. Под небом Полесья. Орган русской мысли на Полесьи. Пинск, 7 февраля 1932. № 2.

20. Русский голос. Орган Русской Народной Организации. Львов, 26 ноября 1925. № 136.
21. Expres Poleski. 13.10.1932. № 294.
22. Spis ludności na terenach administrowanych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919). Lwów-Warszawa, 1920.
23. *Shevchenko K.* Reinterpretation of History as the Identity-Building Tool. Case of Poleshuks in Belarus // Český lid. Etnologický časopis. 2010. № 4.
24. *Tomaszewski J.* Z dzejów Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963.

Малыхина Л.Ю.

Литовско-Белорусская ССР: основные проблемы историографии

В минувшем, 2019 году мы отметили 100-летие белорусской государственности на советской основе. Несмотря на традиционное внимание к проблеме создания республики, а также возросший интерес к сложному процессу национально-государственного строительства в последние десятилетия, история событий 1919–1920 гг. по-прежнему нуждается в уточнении. В частности, в исследованиях отечественных и зарубежных историков основных проблем истории Социалистической Советской Республики Литвы и Беларуси, которая была провозглашена в феврале 1919 г., немало спорных и до сих пор невыясненных до конца моментов. Главные из них: причины, условия, время и место провозглашения республики, время её существования и мотивы её ликвидации, историография российско-литовского договора от 12 июля 1920 г., с которым долгое время историки связывали факт юридического прекращения существования «республики двух народов». Очевидно, что обоснованный и убедительный ответ на эти вопросы имеет принципиальное значение для всестороннего исследования становления белорусской государственности, позволяет объективно оценивать дипломатические шаги РСФСР, направленные на установление мира с Польшей и Литвой в 1919–1920 гг.

Формирование историографии истории Литовско-Белорусской ССР развивалось в едином ключе советской и отечественной исторической науки. В советскую эпоху историческая наука находилась под идейно-политическим и методологическим воздействием Коммунистической партии. В 20–50-е гг. прошлого века были обозначены основные вопросы исследо-

вания истории ЛитБел ССР, но их изучение осуществлялось на узком круге архивных источников. С середины 50-х гг. началась демократизация общественно-политической жизни советской страны, которая положительно повлияла и на развитие исторической науки. Исследователи начали изучать ранее закрытые архивы, публиковать монографические работы, документы и материалы. Значительно расширился спектр исследовательской тематики по истории ЛитБел ССР. В научной литературе развернулась активная полемика о причинах ликвидации и значении ЛитБела в истории белорусского и литовского народов. Первой белорусской монографией, посвящённой исключительно проблематике буферной республики стала работа Е.Н. Шкляр «Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней революцией (1919–1920 гг.)» (Минск, 1962).

Новые оценки места и роли ЛитБела в государственном строительстве появились в научных публикациях 90-х гг. Но, к сожалению, они были сделаны априорно, без включения в научный оборот новых документальных свидетельств и фактических материалов.

В монографии «Историография Литовской-Белорусской ССР», изданной в соавторстве с Михнюком В.Н., нами была проанализирована научная литература по истории ЛитБела, которая вышла в свет в Беларуси, России, Украине, Литве и Польше с 1919 г. Были проанализированы опубликованные источники по теме; причины разделения БССР и объединения её с Литовской ССР; выяснено время принятия высшим политическим руководством РСФСР решения об образовании «республики двух народов» и время её юридического оглашения; обобщены свидетельства научной, энциклопедической и учебной литературы по вопросам о территории и численности населения ЛитБел ССР; раскрыты вопросы о периоде существования, причинах и мотивах ликвидации Литовско-Белорусской ССР; осмыслены вопросы социально-экономических и культурных

преобразований в республике; систематизированы высказывания и оценки историков о значении и роли ЛиБел ССР в жизни белорусского и литовского народов. Один из разделов посвящён историографии российско-литовского договора от 12 июля 1920 г. [*Малыхіна 2005*].

Основные выводы и заключения нашего исследования обобщены в хронологической и тематической последовательности.

Первое. Документальных свидетельств о том, кому принадлежит приоритет в инициировании образования ЛитБела, историки на текущий момент не обнаружили. Большинство исследователей — *С.П. Маргунский, Е.Н. Шкляр, Р.П. Платонов, Н.С. Сташкевич, П.И. Бригадин и В.Ф. Ладысев* — склоняются к мысли, что автором идеи был В.И. Ленин. Другие авторы среди инициаторов априорно называют имена Л.Д. Троцкого, Я.М. Свердлова, И.В. Сталина и даже А.А. Иоффе.

Второе. На основании выводов *А.М. Андреева, С.П. Маргунского, Я.М. Шкляр и В.А. Круталевича* долгое время считалось, что решение о выделении из БССР трёх этнически белорусских губерний и слиянии оставшейся части Советской Беларуси с Литовской ССР было принято в конце января 1918 г.

В настоящее время в научной литературе является установленным, что принципиальное, судьбоносное решение о выделения из БССР и присоединении к РСФСР Витебской, Смоленской и Могилевской губерний было принято ЦК РКП(б) 16 января 1919 г. (*П.И. Бригадин* и *У.Ф. Ладысев, И.М. Игнатенко, М.И. Куличенко, Р.П. Платонов* и *Н.С. Сташкевич*). Тогда же, одним и тем же постановлением, была оформлена идея об объединении оставшейся части БССР — Гродненской и Минской губерний — с Литовской ССР. При этом исследователи говорят об этих решениях как о взаимообусловленных, принятых одновременно, и это подтверждено документально [*Знешняя палітыка Беларусі… 1997; Ладысеў, Брыгадзін 2003*].

Третье. Среди причин выделения из БССР трёх губерний в январе 1919 г. *Р.П. Платонов* и *Н.С. Сташкевич* называют

перспективу для возрождения белорусской государственности на их основе после вероятной оккупации Польшей остальной территории Беларуси [*Платонов 1992*, с. 132]. *С.М. Хомич* утверждает, что правительство РСФСР решило пожертвовать белорусскими землями для того, чтобы избежать войны с Польшей [*Хоміч 2000*, с. 8] и ослабить националистические тенденции [*Хоміч 2000*, с. 20].

Большинство исследователей сходятся в том, что главной причиной ограничения территории БССР стал международный фактор — угроза захвата БССР Польшей и необходимость провозглашения в связи с этим буферного государства. Политическое руководство Советской России пошло на включение в состав РСФСР Витебской, Могилевской и Смоленской губерний БССР и только после этого формально признало её независимость.

Четвёртое. Главной, определяющей причиной провозглашения Литовско-Белорусской ССР была реальная угроза агрессии Польши против Советской России. Для того чтобы избежать открытого вооруженного конфликта между ними, отмежеваться друг от друга и тем самым сохранить советскую власть, и было создано буферное государство с названием Литовско-Белорусская ССР.

Официальные причины провозглашения ЛитБела, сформулированные и закрепленные в советской историографии, в большинстве имели пропагандистские, идеологические цели и не выдерживают критики с научной точки зрения.

Главной из них называлась необходимость укрепления обороноспособности республик в условиях нависшей угрозы войны с Польшей, а также объединения усилий в борьбе с «внутренней буржуазно-националистической контрреволюцией» и за защиту завоеваний социалистической революции. Вроде бы такое объединение диктовалось общностью исторического прошлого, экономических условий и интересов обеих республик,

их географического положения. В более новых исследованиях отечественных историков сделан вывод о том, что внутренних, или, иначе, имманентных, причин для объединения части Белорусской ССР и Литовской ССР в январе — феврале 1919 г. не было. Эту мысль последовательно отстаивает в своих публикациях *В.А. Круталевич* [*Круталевич 1999*, с. 95–97, 156].

Пятое. Когда была провозглашена Литовско-Белорусская республика? Решение этого вопроса является принципиальным для установления периодизации становления белорусской государственности. Диапазон мнений о дате оглашения ЛитБела достаточно широк: 16 января 1919 г. — 2 февраля — 17 февраля — 27 февраля 1919 г.

Большая часть исследователей продолжает следовать историографической традиции от *В.М. Игнатовского*, который ещё в первой половине 20-х гг. XX в. заявил, что 27 февраля 1919 г. ЦИК Беларуси и ЦИК Литвы «на торжественном заседании вынесли постановление и объявили Социалистическую Советскую Республику Литвы и Беларуси» (*С.П. Маргунский, В.И. Толкачёв, А.Ф. Вишневский, И.А. Сороковик, П.И. Бригадин, В.Ф. Ладысев* и др.). Но нам представляется, что это произвольные заключения. Исследователям истории ЛитБела хорошо известно, что на этом совместном рабочем заседании никаких документов — манифеста, декларации, грамоты, мемориала, постановления и резолюции, которые представили бы белорусскому и литовскому народам, а также мировому сообществу новое государство с предложением признать его и установить с ним дипломатические отношения, — не было принято. Такие документы не появились на свет и позже.

Основными юридическими документами, которые являлись основанием для объявления новой республики, стали решения Первого Всебелорусского съезда Советов (2–3 февраля 1919 г.) и Первого съезда Советов рабочих, безземельных, малоземельных и красноармейских депутатов Литвы (17–21 февраля 1919).

В резолюции Первого съезда Советов Литвы, который также высказался за слияние двух республик, было сформулировано и объявлено принципиально важное положение: «Поэтому, ввиду уже принятого съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Беларуси решения о слиянии Литвы и Беларуси в одну республику, съезд торжественно провозглашает создание единой социалистической советской республики Литвы и Беларуси, поручает выбранному им Центральному исполнительному комитету Советов рабочих, безземельных, малоземельных и красноармейских депутатов Литвы слиться с Центральным [Исполнительным] комитетом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Беларуси и выбрать Рабоче-крестьянское правительство социалистической советской республики Литвы и Беларуси» [*Борьба за Советскую власть в Литве… 1976*]. Поэтому мне представляется, что есть основания для того, чтобы и в научной, и в учебной литературе датой провозглашения Литовско-Белорусского ССР было признано 17 февраля 1919 г. и тем самым согласиться с литовской историографией. Соответственно, будет логично и юридически правильно считать, что ограниченная ССРБ, как и ЛССР, перестала существовать как самостоятельная, суверенная государственная единица с момента провозглашения ЛитБела — 17 февраля 1919 г.

Шестое. В научной и учебной литературе очень запутанным является вопрос о границах, территории и численности населения ЛитБела. Исследователи с разной степенью вариаций в состав территории республики включают Минскую, Гродненскую, Виленскую, Ковенскую и часть Сувалковской губерний. Численность населения, которая приводится в научной литературе, колеблется от 4 до 7,5 млн человек. Пока что не обнаружены документы с необходимой информацией, «глухие» же ссылки на материалы архива есть только в работах *И.М. Игнатенко, Н.В. Каменской, С.П. Маргунского и Е.Н. Шкляр*, но и они приводят различные сведения! Нередко складывается впечатление,

что после включения в РСФСР трёх губерний ССРБ остальные этнически белорусские земли вместе с литовскими вошли в литовско-белорусское государственное новообразование. Однако часть Литвы находилась под контролем Литовской Тарибы, а часть белорусских земель уже в конце 1919 г. была оккупирована польскими войсками. Считаем, что данные о границах, территории и численности населения ЛитБел ССР не могут быть приняты в исторической науке без повторной верификации и выявления новых, более репрезентативных источников. Для согласованной позиции при преподавании истории ЛитБел ССР в школах и вузах можно временно руководствоваться данными, которые приведены в «Энциклопедии истории Беларуси». Там утверждается, что в состав государства входили территории Виленской, Минской, части Ковенской и Гродненской губерний с населением около 4 млн человек [*Ціхаміраў 1997*, с. 382].

Седьмое. Когда прекратила своё существование Литовско-Белорусская ССР и в связи с чем?

Литовские историки (*Б.В. Вайткявичус, П.В. Виткаускас, М.В. Тамашунас*) уже в середине 60-х гг. прошлого века пришли к выводу, что ЛитБел ССР прекратила существование фактически в июле 1919 г., а юридически — в начале осени 1919 г.

Позицию, солидарную с литовскими историками, высказал ещё в середине 60-х гг. белорусский историк права В.А. Круталевич. В публикациях *Н.В. Каменской, М.А. Корнатовского, В.Г. Кнорина, К. Новицкаса* также утверждается, что ЛитБел ССР прекратила своё существование в июле 1919 г., после оккупации её территории Польшей. А вот *Ю.П. Бровка, В.М. Игнатовский, Э.Р. Иоффэ, М.В. Искров, С.П. Маргунский, Е.Н. Шкляр, З.В. Пятраўскас* пришли к выводу о том, что ЛитБел перестала существовать 31 июля 1920 г., то есть в связи со вторым провозглашением БССР.

Другие белорусские учёные в оценке этих событий чаще опираются на два положения: ЛитБел прекратила свое существование фактически летом — в начале осени 1919 г., а юриди-

чески — после заключения российско-литовского договора от 12 июля 1920 г., и второго провозглашения БССР — 31 июля 1920 г. Эта дуалистическая позиция закреплена в обобщающих работах, учебных пособиях для высшей и средней школы, а также в «Энциклопедии истории Беларуси».

Историографический анализ позволил сделать однозначный вывод о том, что Литовско-Белорусская ССР прекратила своё существование и фактически, и юридически в начале сентября 1919 г. в связи с захватом её территории польскими войсками и фактическим признанием буржуазной Литвы правительством РСФСР. Оно содержалось в ноте наркома иностранных дел России от 11 сентября 1919 г., направленной Литовской Тарибе с предложением вступить в переговоры о подготовке и подписании мирного договора между буржуазной Литвой и Советской Россией.

И последнее. С начала 90-х гг. в отечественной историографии оценки Литовско-Белорусской ССР резко поменялись. Некоторые исследователи подчёркивают, что сама идея и тем более практика ограничения территории Белорусской ССР и объединения её части с Литовской Советской республикой не соответствовали и не могли соответствовать коренным интересам ни белорусского, ни литовского народов. Так, Ч. Лавринавичус и Р. Микнис советскую государственность Литвы, созданную по инициативе Советской России, рассматривают «как пример фальсификации государственности в истории» [*Laurzinavičius 1991*, p. 87–105] [*Мікніс 1996*] [*Мікніс 1997*]. Однако новые выводы и оценки не всегда имеют под собой фактологический фундамент.

Таким образом, в исторической науке, с одной стороны, имеются значительные достижения и плодотворные результаты; с другой стороны, выявлены проблемные и спорные моменты в освещении историй Беларуси и Литвы в период 1919–1920 гг., что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований.

Источники и литература:

1. *Малыхіна Л. Ю.* Гістарыяграфія Літоўска-Беларускай ССР / Л. М. Малыхіна, У. М. Міхнюк. Брэст, 2005.
2. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў / Рэдкал.: І. І. Антановіч, У. М. Міхнюк, В. К. Ракашэвіч. Т. 1 (1917–1922 гг.). Мн., 1997.
3. *Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І.* Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мн., 2003.
4. *Платонов Р.* Тернистый путь к свободе: К вопросу о становлении белорусской национальной государственности // Неман. 1992. № 10.
5. *Хоміч С.* Фарміраванне тэрыторыі Беларускай Савецкай Рэспублікі (канец 1918–1926 гг.): Аўтарэф. канд. дыс. Мн., 2000.
6. *Хоміч С.* Фарміраванне тэрыторыі БССР (1919–1926 гг.) // Гісторыя: праблемы выкладання. 2000. № 4.
7. *Круталевич В. А.* История Беларуси: Становление национальной державности (1917–1922 гг.). Мн., 1999.
8. Борьба за Советскую власть в Литве в 1918–1919 гг. Вильнюс, 1967.
9. *Ціхаміраў А.* Літоўска-Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 4. Кадэты — Ляшчэня / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. Мінск, 1997.
10. *Laurzinavičius Č.* Tarybinio valstybingumo Steigimas Lietuoje. 1918 m. pabaiga — 1919 m. pirmojipuse // Iš Lietuvosistoriyostyrineimju. V., 1991.
11. *Мікніс Р.* Літва і Беларусь: супольная аўтаномія // Беларуская мінуўшчына. 1996. № 3.
12. *Мікніс Р.* Літва і Беларусь: перыпетыі дзяржаўнасці ў пачатку XX ст. // Беларусіка = Albaruthenica. Мн., 1997. Т. 6. Ч. 2.

Лютик Д.В.

Бои за Гродно в ходе военной операции РККА в сентябре 1939 года

Статья посвящена подробному описанию боев за Гродно в ходе военной операции Красной армии в сентябре 1939 года. На основе архивных материалов представлены данные о частях с советской и польской стороны, а также их потери.

Ключевые слова: День народного единства, Западная Беларусь, Гродно, РККА.

В отечественной исторической науке по отношению к событиям сентября 1939 года в Западной Беларуси сохраняется термин «освободительный поход Красной армии». Однако это понятие более широкое по своему значению и подразумевает не только собственно боевые действия, но и хозяйственные, государственные изменения во вновь присоединённых от Польши областях. Если же говорить лишь о военном аспекте событий сентября в Западной Беларуси, думается, что точнее был бы термин «военная операция Красной армии». Это достаточно обоснованно, учитывая то, что непосредственно перед началом операции и для её проведения был создан Белорусский фронт, в операции участвовали несколько армий, а советские планы предусматривали полноценные боевые действия, с применением авиации, бронетанковых войск и артиллерии. Подтверждением этого являются слова директора Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Республики Беларусь Александра Гордейчика, сказанные 14 сентября 2021 года на пресс-конференции на тему «День народного единства в историческом аспекте»: «…несмотря на различные мнения и оценки событий, связанных с датой 17 сентября

1939 года, бесспорен факт: в результате **военной операции Красной армии** произошло воссоединение искусственно разделенного белорусского народа». [Представитель Академии управления выступил на пресс-конференции «День народного единства в историческом аспекте».]

Город Гродно находился в самом эпицентре событий действий Красной армии и польских войск в сентябре 1939 года в современных границах Беларуси. Именно в Гродно произошли серьёзные бои с частями польской армии.

Пакт Молотова-Риббентропа был подписан между СССР и Германией 23 августа 1939 года. Именно в секретных протоколах, прилагаемых к этому документу, была оговорена сфера интересов СССР и Германии в Польше. К Советскому Союзу отходила Западная Беларусь, с городами Вильно, Брест, Гродно, Белосток, Волковыск, Слоним и др. Для белорусского народа это событие имело судьбоносное решение. Народ, разделённый искусственно в 1921 году, вновь объединялся.

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Германия напала на Польшу. Вечером 17 сентября правительство Польши перешло на территорию Румынии и было интернировано. Уже 2 сентября в 20.00 все пограничные войска Белорусского особого военного округа были приведены в боевую готовность и получили приказ об усиленном режиме охраны советско-польской границы [*Люцік 2009*, с. 163]. На следующий день нарком обороны К. Ворошилов обратился к советскому правительству с просьбой остановить на один месяц демобилизацию из РККА в Ленинградском, Московском, Калининском, Белорусском особом, Киевском особом и Харьковском военных округах. Это предложение было утверждено Политбюро ЦК ВКП(б). 6 сентября в 23.00 командование семи военных округов получило приказ наркома обороны о проведении больших учебных сборов по директиве № 0012161 по плану А. Это значило, что определённые воинские части разворачивались в 10-дневный срок до штатов военного времени [*Люцік 2009,*

с. 163–164]. Таким образом, к середине месяца войска приграничных округов должны были быть готовы к проведению операции на территории Польши.

Для проведения военной операции РККА в восточной Польше (т.е. в Западной Беларуси и Западной Украине) был разработан специальный план. Его должны были реализовать Белорусский и Украинский фронты, образованные из полевых управлений Белорусского и Киевского особых военных округов 11 сентября (приказ № 16633 Военному совету БОВО, № 16634 Военному совету КОВО) [*РГВА Ф. 4. Оп. 14. Д. 2174.* Л. 33].

16 сентября Военный совет Белорусского фронта отдал войскам приказ № 005 о начале наступления 17 сентября [*Мельтюхов 2000,* с.114–115].

Утром 17 сентября советские войска перешли границу с Польшей. Обоснование ввода войск РККА в Польшу 17 сентября было изложено в ноте, вручённой в Москве польскому послу Вацлаву Гжибовскому. В частности, в ней отмечалось: «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили своё действие договоры, заключённые между СССР и Польшей».

Ввод войск не сопровождался формальным объявлением войны Польше со стороны СССР. Советским войскам запрещалось обстреливать и подвергать бомбардировке населённые пункты, а также вести боевые действия против польских войск, если они не оказывают сопротивления. Солдатам разъяснялось, что они идут в Западную Белоруссию и на Западную Украину не как завоеватели, а как освободители украинских и белорусских братьев от гнёта, эксплуатации и власти помещиков и капиталистов.

Сопротивление советским войскам оказывалось лишь в нескольких местах польскими пограничниками. Вечером этого дня маршал Э. Рыдз-Смиглы по радио передал приказ войскам: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий

не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей» [*Дятлов 2014*, с. 195].

Наступление советских войск происходило достаточно быстро. Главную роль в описываемых ниже действиях сыграла ***Дзержинская конно-механизированная группа*** (далее — КМГ) — оперативное объединение механизированных и танковых войск РККА. Группа была чрезвычайно сильным соединением. В ней было 834 танка, что составило более трети от общего числа танков Белорусского фронта и больше, чем в любой из четырёх армий фронта. Численность личного состава КМГ равнялась 65 595 человек [*Мельтюхов 2000*, с. 459].

Командующим группы был назначен комкор И.В. Болдин, человек, которого судьба трижды связывала с Гродно в очень непростые моменты его жизни: в сентябре 1939 года, в июне 1941 года и в июле 1944 года. И именно этот город трижды стал камнем преткновения для судьбы и карьеры успешного советского командира.

Приказом Военного Совета КМГ № 03/ОП от 8.00 19 сентября 15-й ТК, усиленный отрядами 4-й и 13-й сд (мотобатальонами 101-го сп и 119-го сп) [*РГВА Ф. 34912. Оп. 1. Д. 6.* Л. 5], которые передавались в распоряжение командира корпуса, получил задачу овладеть городами Гродно и Сокулка к исходу 19 сентября [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 54]. Штаб Белорусского фронта в 14.00 отдал приказ № 11/оп, по которому к исходу дня город Гродно должен был быть занят одной дивизией из конно-механизированной группы Болдина [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21.* Л. 23]. Вероятнее всего, в приказе имелась в виду 4-я кавдивизия 6-го кавкорпуса комдива Ерёменко, также входившего в КМГ.

Утром 19 сентября в 16-м стрелковом корпусе также была организована механизированная группа. Она состояла из разведывательного и 365-го танкового батальонов 2-й сд, 317-го танкового батальона 100-й сд [*РГВА Ф. 34912. Оп. 1. Д. 56.* Л. 8]. В 15.00 группа получила приказ штаба корпуса к исходу дня овладеть г. Лида, а в дальнейшем развивать наступление на

Гродно [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 53]. К 24.00 группа (в частности, её 317-й тб) заняла Лиду. Интересно, что штаб Белорусского фронта вообще не отдавал приказ об организации группы 16-го СК и не знал о её действиях [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 73].

Таким образом, на Гродно, без взаимодействия друг с другом, начали наступать сразу три группировки — силы 15-го ТК, силы 6-го кавкорпуса и мехгруппа 16-го СК.

В составе 6-го КК, имевшего задачу овладеть районом Зельва — Мосты, находилась танковая группа, состоявшая из 28-го и 31-го танковых полков, под личным командованием командира корпуса комдива Ерёменко. Группа действовала как передовой отряд корпуса. В 7.00 группа во главе с комкором Ерёменко заняла Волковыск без боя [*РГВА Ф. 35086.* Оп. 1. *Д. 505*. Л. 8].

Главная проблема, с которой столкнулись советские войска во время наступления в Западной Беларуси, было не сопротивление польских войск, а очень плохое снабжение топливом техники. Плохая организация железнодорожных перевозок срывала поставки горючего. В частности, железнодорожный узел Минск задерживал горючее из-за медленной сортировки составов. После этого составы приходили на станцию снабжения, которая находилась в г. Столбцы. Однако организация её работы была устроена очень плохо. Машины снабжения стояли в очереди по 2–3 суток. Кроме топлива, часто не поступало масло, которое также было необходимо для техники [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 61]. Как результат, приказ Военного Совета КМГ о занятии Гродно и Сокулки 15-м танковым корпусом выполнен не был.

Утром 20 сентября 15-й ТК всё ещё находился западнее Слоним. Для экстренного решения проблемы доставки и ГСМ заместитель Народного комиссара обороны маршал С. Будённый приказал начальнику штаба Белорусского фронта немедленно обеспечить доставку бензина для КМГ в город Слоним, создав

переливочный пункт в г. Столбцы. Таким образом, для овладения городом Гродно горючее должно было быть доставлено транспортными самолётами [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 78].

Наступление 15-го ТК на Гродно утром 20 сентября всё же началось, но с огромным запозданием. Только после 7.00 часть танков 27-й лёгкой танковой бригады выступила на Гродно, а часть танков 2-й бригады — на Сокулку [*РГВА* Ф. 35086. Оп. 1. Д. 143. Л. 77]. Комкор комдив Петров донёс в штаб Белорусского фронта в 8.00, что на Гродно выступили батальон 27-й лтбр, батальон 20-й мотобригады и батальон мотоотряда 4-й сд, а на Сокулку — танковый батальон, разведбатальон и мотострелковая рота 2-й лтбр [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 78].

Перед бригадами были поставлены следующие задачи:

— 27-я лтбр с мотоотрядом 4-й сд двигаться по маршрутам Дыхоновичи, Вороны, Олекшицы, Индура, Гродно и Шидловичи, Б. Берестовица, Одельск, Гродно, к 17.00 овладеть Гродно и выйти на линию Адамовичи — Колбасино;

— 2-я лтбр к 17.00 занять Сокулка и прикрыть направления Домброва — Сокулка и Волковыск — Сокулка.

Второе направление, по которому советские войска двигались к городу Гродно, проходило через местечко Скидель (в 30 км восточнее Гродно по правому берегу р. Неман). В 6.00 20 сентября штаб 16-го СК получил приказ штаба 11-й армии силами своей мехгруппы овладеть г. Гродно к исходу дня. Интересно, что в ЖБД штаба Белорусского фронта написано о том, что не совсем понятно, зачем был отдан такой приказ. Ведь для овладения Гродно уже был направлен 15-й ТК с мотоотрядом 5-го СК [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 73]. Как видно, действия штаба 16-го СК были совершенно автономными и не координировались со штабом фронта.

В 13.00 передовой дозор механизированной группы 16-го СК (три бронемашины) под командованием ст. лейтенанта Ерошенко достиг Скиделя (30 км восточнее Гродно). В 5 км

юго-восточнее местечка он вступил в бой с двумя польскими кавалерийскими эскадронами из группы ротмистра Вишоватого, расположившимися в Скиделе. По советским документам — в результате боя эскадроны были уничтожены советской разведгруппой. При этом трофеями боя стали 20 винтовок, ручной пулемёт, 5 лошадей с сёдлами. По польской информации — эскадроны отошли по боковой дороге в Скидель после перестрелки с советскими бронеавтомобилями [*Grzelak 2002*, s. 101].

В 14.00 разведывательный батальон мехгруппы 16-го СК достиг Скиделя, где вступил в бой с польскими войсками. Однако населённый пункт оборонял достаточно сильный польский отряд ротмистра Вишоватого, состоявший из пяти эскадронов, поэтому до подхода главных сил советский разведывательный батальон войти в Скидель так и не сумел. Командир 317-го танкового батальона капитан Чернявский получил сведения, что шоссе перед Скиделем было перекрыто крупными польскими силами. Также разведка установила, что Скидель занят отрядом до 500 человек, состоявшим из офицеров, батальона жандармерии и кавалерийского эскадрона. Эти силы заняли круговую оборону и подожгли мост через речку Скиделец (Скиделька) по шоссе. Скидель горел. В местечке происходило подавление антипольского восстания, которое началось 17 сентября, как только местные прокоммунистические активисты получили сообщение о переходе РККА польской границы.

К восставшему Скиделю присоединились ближайшие деревни. В местечке была разоружена полиция. В перестрелке были убиты несколько польских офицеров и повстанцев. 19 сентября из Гродно в Скидель была отправлена карательная экспедиция (по советским документам — эскадрон улан с пехотой, по польским — войска и полиция). Скидель был взят штурмом. Дома участников восстания сжигались, а сами повстанцы расстреливались, при этом к ним применялись пытки и издевательства

со стороны польской армии и полиции. От 26 до 31 повстанца были казнены, от 70 до 200 человек были арестованы и ожидали расстрела. Восстания и организация революционных комитетов проходили и в других местечках и деревнях Гродненщины, например в Лунно, Волпе, Великой Берестовице, Озёрах, Вертелишках, Острино, Дубно, Зельва и др. Часто дело доходило до арестов и расстрелов осадников, полицейских, католических священников [*Люцік 2009,* с. 179–180].

В ночь на 20 сентября в Скидель вошла кавалерийская группа ротмистра Вишоватого. Она состояла из частей 2-го и 10-го уланских полков и различных мелких групп запасных подразделений [*Grzelak 2002,* s. 100].

317-й танковый батальон механизированной группы 16-го СК получил приказ атаковать и взять Скидель. 1-я рота старшего лейтенанта Гриба атаковала через южную окраину м. Скидель с выходом на его западную окраину. 2-я рота атаковала через северную окраину Скиделя. Группа танков Т-26 во главе с командиром батальона атаковала через г.дв. Скидель с переправой у мельницы. Атака местечка с востока через центр позволила танкам ворваться в Скидель по горящему мосту (это были танки капитана Чернявского, капитана Злотникова и лейтенанта Мирского). В 16.00 советская мотопехота переправилась на другой берег речки и завязала бой. Бронемашины переправиться на другой берег не смогли. Мост уже рухнул.

Советские танки вели тяжёлый бой в Скиделе. Поляки активно их обстреливали [*Cygan 2006,* s. 156]. Огневые точки были устроены в подвалах и на чердаках, в домах, за изгородями. На площади польский отряд пытался зайти в тыл танкам, но был уничтожен задним прикрывающим танком. Поляки группами начали отходить на западные и северо-западные окраины.

В 17 часов танковые батальоны окружили Скидель. Танки 1-й роты обошли Скидель с юга и отсекли от шоссе поляков, уходивших из Скиделя. Из оборонявшихся поляков прорвать-

ся смог лишь отряд от 40 человек до роты, который отступил в лес. Бой закончился уже в темноте. В бою помощь советским войскам оказали и местные партизаны. Н. Малишевский приводит в своей книге информацию о том, что капитан Чернявский в своих танках, «нагруженных оружием», прорвался в Скидель и вооружил им жителей, после чего местечко было очищено от поляков. Эта фраза достаточно растиражирована в сети Internet [*Брычков, Никоноров 2020*, с. 28]. Однако архивные документы этого не подтверждают. По словам польского исследователя Ч. Гжеляка — группа Вишоватого понесла серьёзные потери, но разбита не была [*Grzelak 2002*, s. 101]. Виктор Цыган называл потери польских кавалеристов в 4 офицера и 20 рядовых убитыми. В плен было взято до 50 кавалеристов из 2-го уланского полка. Рядовые были отпущены, а 10 офицеров и князь Четвертинский были расстреляны в местечке [*Cygan 2006,* s. 156].

Потери советского механизированного отряда были следующие: подбита одна бронемашина, два танка Т-26 также были повреждены. Ещё у двух машин были разбиты в бою фары. Ранение получил механик-водитель танка Т-38 [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 74]. Мехгруппа не стала продолжать наступление и расположилась на ночёвку в 2 км западнее Скидель.

Атака города Гродно танками 27-й лтбр началась в этот же день, 20 сентября, с 8.20. 27-я лтбр подходила к Гродно в составе 50 танков поэтапно. Следует также заметить, что в подразделениях, вышедших к Гродно, не имелось ни одного плана города. Это делало невозможным нормальное ориентирование в незнакомом городе и постановку боевых задач экипажам. Танки также не имели поддержки пехоты, которая очень сильно отставала.

В Гродно, готовились к боям против немецких войск. Был выработан план, согласно которому предполагалось задержать немцев на подходе к Гродно и при необходимости прикрыть эвакуацию. С запада и юго-запада были устроены оборонитель-

ные позиции. Значительную роль в гарнизоне Гродно играли добровольцы (т.н. харцеры из организации Союз польского харцерства). Они не имели хорошей военной подготовки, но отличались большим воодушевлением и польским патриотизмом. Под командованием Бруно Глебовича харцеры должны были поддерживать огневой контакт с противником и прикрывать отступающих [*Siemiński 1990,* s. 30].

17 сентября город остался и без управления. Гродненский староста Валицкий и президент города Ценьский уехали. Фактически организация обороны города перешла к вице-президенту города Роману Савицкому и майору Бенедикту Серафину. Именно по их инициативе начали копать окопы и делать баррикады на улицах Гродно. В тот же день в городе начались волнения. В гродненской тюрьме вспыхнуло восстание политзаключённых. Часть заключённых во главе с Филипом Пестраком и при помощи гродненских рабочих смогла вырваться, однако они были быстро окружены и брошены обратно в тюрьму. При этом 26 человек были убиты [*Малишевский 2012,* с. 18, 23–24].

18 сентября в город Гродно прибыл командующий 3-м Гродненским корпусным округом генерал Ольшина-Вильчинский. Он не верил в эффективную оборону города, пробыл здесь около трёх часов. Своим приказом он отослал к Сопоцкину и дер. Калеты наиболее боеспособные части, а вскоре выехал туда сам вместе со штабом. Он не назначил никого вместо себя [*Grzelak 2002,* s. 106]. В городе вновь была попытка захвата власти со стороны прокоммунистической части населения. Они засели на площади Батория в щели, подготовленные от налётов авиации, и начали стрельбу. Дежурный взвод 31-го охранного батальона выбил их с площади ценой потери двух бойцов ранеными [*Малишевский 2012,* с. 18–20].

Польский гарнизон Гродно оценивался советским командованием в 3000 человек. Его основу составляли по «Журналу боевых действий 15 ТК» офицеры, полицейские и местные

фашистские организации, солдаты из 81-го, 85-го пп, 29-го ап и 5-го авиаполка.

По польской информации в гарнизон вошли: резервные подразделения 77-го, 85-го и 86-го пп 19-й пд, дивизионный курс школы подхорунжих резерва 19-й пд, запасные части 76-го пп, маршевый батальон 29-й пд капитана П. Корзона, 31-й охранный батальон майора Бенедикта Серафина, отряд подпоручика А. Иглевского (около 200 человек), часть личного состава 5-го авиационного полка из города Лиды, группы жандармерии и полиции, батальон КОП «Сейны». 19 сентября в Гродно из Вильно прибыли группы солдат и 20 сентября 94-я батарея ПВО (две зенитные пушки «Бофорс» калибра 40 мм) и 32-й броневой дивизион. 21 сентября в состав гарнизона вольётся и резервная кавалерийская бригада «Волковыск». Также в гарнизоне было много харцеров (польских скаутов) и добровольцев: от учащейся молодёжи до членов OZN (Obóz Zjednoczenia Narodowego — Лагерь национального объединения). Им раздавали оружие (старые винтовки Лебель или охотничьи ружья) и организовывали в отряды — звенья по 7–8 человек. Всего польские исследователи оценивают гарнизон Гродно в 2–2,5 тыс. человек [*Grzelak 2002*, s. 105].

Для эффективной обороны города из наиболее боеспособных частей были пополнены два батальона (всего 800 человек), имевших стрелковое оружие и 12 станковых пулемётов. Первым батальоном (маршевый батальон 29-й пд) командовал капитан Петр Корзон, а вторым (31-й охранный батальон) — майор Серафин [*Siemiński 1990*, s. 32]. 18 сентября, после получения информации о переходе границы Красной армией, оба батальона были переведены в казармы 81-го пп, которые находились у Старого моста через реку Неман.

Самым удобным путём в центральную часть города с левого берега был шоссейный мост, носивший тогда имя Пилсудского (сейчас это Старый мост), который был забаррикадирован польскими сапёрами и обстреливался пулемётным и орудийным

огнём. Поляки занимали отдельные дома по берегу реки, приспособив их к обороне [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 143. Л. 77*]. На улицах города были устроены баррикады.

Первым подошёл к городу советский 233-й отдельный разведывательный батальон 27-й лёгкой танковой бригады майора Богданова. В батальоне было 12 танков БТ-7, одна бронемашина [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 235*. Л. 6], машина с радиостанцией и санитарная машина. Командир батальона получил задание установить польские силы в Гродно, захватить мост, захватить почту, вокзал и не допустить отхода польских сил по железной дороге на север [*Grzelak 2002,* s. 102]. Как видно, задание достаточно сложное для одного разведывательного батальона, и рассчитано оно было на то, что в городе не окажется польских войск.

В Занеманской (левобережной) части Гродно были какие-то польские вооружённые отряды добровольцев или войск. К сожалению, нам про это пока точно не известно. Действовал здесь и просоветский партизанский отряд из городских жителей в 24 человека, образованный Иваном Лаврентьевичем Индушко. Утром на Индурском шоссе его отряд встретил советскую разведку. Индушко подозвали советские военнослужащие, опросили его, посадили в броневик и велели показывать дорогу к Осовецкому шоссе [*Петр Лидов.* Взятие Гродно. Бои за Гродно в 1939 году глазами советского корреспондента]. Скорее всего, Индушко встретил колонну батальона майора Богданова. Оказывали помощь советским войскам и гродненские евреи. По воспоминаниям Стефана Хотея, одного из участников обороны города: «…А что в Гродно придут Советы, мы и понятия не имели. (…) Тогда никто ничего не знал. Только коммунисты и евреи готовились к приходу Советов. Надевали красные повязки, создавали свою милиции и показывали, как проехать. Говорили, что на другой части берега Нёмана, возле табачной фабрики, они даже поставили приветственную арку Советам» [*Киркевич*].

В Занеманской части города, у железнодорожного моста советские танкисты майора Богданова взяли в плен двух польских солдат. Те не успели сообщить о появлении советских танков. Майор Богданов приказал танковому взводу лейтенанта Чернова (3 танка) форсировать Неман по шоссейному мосту и занять вокзал, а взводу старшего лейтенанта Евсеева (3 танка) разведать северный берег Немана и занять почту и телеграф [*Grzelak 2002*, s. 110–111]. Остальные танки и бронеавтомобиль должны были под командованием Богданова овладеть Занеманской частью города и контролировать железную дорогу на юг.

Советские танки шли через мост, совершенно не подозревая о диспозиции и силах польских войск. Польские солдаты, находившиеся в казармах 81-го пехотного полка (на противоположном берегу реки у моста), совсем не ожидали появления советских танков. Это было настолько неожиданно, что они не успели даже оказать сопротивление. Взвод Чернова проехал мост, баррикады на котором не были связаны цепями. Следом ехал штабной автомобиль ГАЗ-А с радиостанцией. Во время движения по мосту по радио в 9.15 было передано сообщение в штаб 27-й лтбр о занятии моста. Сразу после этого поляки открыли сильный огонь из казарм 81-го полка. Машина с радиостанцией была уничтожена [*Grzelak 2002*, s. 111]. Один из солдат, находившихся в ней, попал в плен.

По воспоминаниям Яна Семиньского, харцера, участника обороны Гродно, утром 20 сентября польские войска были построены на плацу у казарм 81-го полка на завтрак. Вдруг все услышали шум техники на мосту. Там шли танки, которые открыли огонь по казарме. Первой их мыслью было, что это атаковали немцы, потому что шли они с белостокского направления. Однако оказалось, что это были советские танки и бронемашины [*Siemiński 1990*, s. 37–38]. Танки прорвались в город. По воспоминаниям участников обороны, на танках были красные флаги, а в некоторых из них были гродненцы, выступавшие в качестве проводников [*Grzelak 2002*, s. 112].

Из состава польских сил сразу же были организованы группы по 4–5 человек, которые отправились в город для уничтожения советской техники гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Напротив моста было поставлено одно из двух 40-мм зенитных орудий «Bofors», однако оно было занято расчётом и открыло огонь только когда танки уже проехали. Его огонь сделал невозможным последующие прорывы через мост.

Советские танки тем временем ворвались в город. Без прикрытия пехоты они достаточно быстро были сожжены при помощи бутылок с зажигательной смесью. Танки действовали поодиночке, не прикрывая друг друга. Польские добровольцы ждали, пока в танковых пулемётах не заканчивались патроны, и в момент замены боеприпасов подбегали к технике и кидали зажжённые бутылки с жидкостью. Часто бутылки метали из окон домов или с балконов. Первый танк, проехавший мост, был сожжён на улице Мостовая, рядом с казармами 81-го пехотного полка. В него кинули бутылку с зажигательной смесью.

Второй танк был подбит зенитным орудием в направлении улицы Липовая. Бронеавтомобиль (по польским воспоминаниям) был повреждён пулемётным огнём на ул. Липовая, рядом со зданием школы им. Ст. Жеромского. Третий танк был подожжён на перекрёстке улицы Гувера и Доминиканской (экипаж был взят в плен). Один из членов экипажа кричал: «Товарищи, не убивайте, товарищи, не убивайте, мы вас освободить пришли» [*Cygan 2006,* s. 160]. Эта фраза очень важная в контексте тех событий. Для советских танкистов из 27-й лтбр, не встречавших до Гродно серьёзного сопротивления, были шоком случившиеся в считаные минуты события неожиданного боя. Они действительно не были готовы к такому развитию событий. Четвёртый танк подожгли на улице Ожешко, рядом со зданием почты. Вероятно, это был танк старшего лейтенанта Евсеева, который, по советским документам, сгорел возле здания почты на площади

Свободы. Ещё одно орудие «Bofors», которое польские артиллеристы быстро установили у кинотеатра «Apollo», перебило ему гусеницу, после чего гимназисты-харцеры забросали его бутылками с зажигательной смесью. Следовавший за ним танк раздавил эту пушку, но и его закидали бутылками с горючей жидкостью. Впрочем, здесь, вероятно, был всё же один советский танк, который раздавил орудие и, отъехав немного, сгорел. По воспоминаниям Нины Семёновой: «Помню, на перекрёстке современных улиц Ожешко и Социалистической вместе с подружкой мы увидели подбитый советский танк с мёртвыми танкистами. Недалеко от них лежал мой знакомый Владислав Пузановский, который с нами учился» [*Кулевіч 2018*, с. 19]. Про эти же танки вспоминал и Тадеуш Борковский: «На улице Гувера стало польское зенитное орудие, которое сделало в их сторону несколько выстрелов. Танк уехал с ул. Гувера, попал на ул. Доминиканскую, пробил там стену в кинотеатре «Apollo», отъехал назад и поехал в направлении ул. Ожешко. Я был в это время с другой стороны ул. Доминиканской. На углу улиц Почтовой и Ожешко стал какой то гражданский, в возрасте около 30 лет, который бросил гранату или бутылку с зажигательной смесью. Танк загорелся, два раза открывался люк, но сразу же из ближайших ворот звучали выстрелы и Советы заживо в нём сгорели» [*Wrzesień ... 1999*, s. 176]. В этом бою погиб командир батареи ПВО № 94 подпоручик Юзеф Мусял (ppor. Józef Musiał), который и вёл огонь из орудия. Бомбардир орудийного расчёта был ранен, но остался жив. В поединке с советским танком расчёт подпоручика Мусяла добился 8 попаданий, но так и не смог подбить танк.

Ещё один танк польские добровольцы нашли по следам гусениц на Скидельском шоссе у казарм 7-го броневого батальона. Его также сожгли, а экипаж расстреляли [*Siemiński 1990,* s. 38–40]. Два танка укрылись в районе православного и католического кладбищ. Если воспоминания участников событий с польской стороны правдивы, получается, что из левобережной

части города перешли реку больше чем два танковых взвода, как планировалось майором Богдановым первоначально. Есть информация о том, что майор Богданов принял решение вывести все танки обратно за мост и дождаться пехотного прикрытия [*Освобождение Гродно от поляков*]. Однако в польских воспоминаниях нет упоминания о том, чтобы какая-то техника отошла через мост обратно в Занеманскую часть.

По польской информации, были уничтожены все советские танки. Семиньский называл цифру в 6 уничтоженных танков [*Siemiński 1990,* s. 40]. Информация с советской стороны разнится. Так, называется цифра в 4 уничтоженных танка и бронеавтомобиль, 3 танка и 2 бронемашины (все сожжены) [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 235.* Л. 15] или же — 3 танка сожжены, 2 выведены из строя гранатами, но ночью вывезены.

Польская пехота и добровольцы заняли окопы по улице Подольной, недалеко от казарм 81-го полка. В казарме оборону возглавил подпоручик резерва Кузмицкий и подхоружий Бруно Глебович. Оборону в Старом замке организовал подпоручик Саросек. Первую советскую атаку польская пехота и добровольцы выдержали.

Следующими в бой вступили подошедшие в город 113-й танковый батальон (17 танков) майора Ф.И. Квитко и 116-й танковый батальон (19 танков) майора И.В. Полукарова из 27-й лтбр. Чуть позднее прибыл штаб бригады. К 17 часам бригада сосредоточилась в пригороде Гродно [*РГВА Ф. 34912. Оп. 1. Д. 632.* Л. 8]. Часть танков (около 13) начала обстрел польских позиций с противоположного берега [*Grzelak 2002,* s. 120]. По польским воспоминаниям их огонь корректировали прокоммунистические активисты в городе по телефону. Общее число советских танков бригады в Гродно в этом момент могла достигать 65 штук. По танкам и домам, стоящим вдоль левого берега Немана, вело огонь оставшееся орудие «Bofors». Командовал этим орудием подпоручик артиллерии Казимир Носалик (Kazimierz Nosalik).

Вероятно, были предприняты новые попытки прорваться через мост. Это подтверждают потери 27-й лтбр. При занятии позиций для охранения моста был убит ответственный секретарь партбюро 116-го тб 27-й лтбр ст. политрук Григорий Александрович Горновых. По официальной версии он возглавил атаку роты пехоты на мост [*Малишевский 2012*, с. 75]. У советского журналиста Петра Лидова об этом эпизоде говорилось следующее: «…Секретарь партийного бюро части (старший политрук) Григорий Александрович Горновых командовал ротой, которая вечером 20 сентября вела бой у моста через Неман. Горновых был впереди. Он был дважды ранен. Когда кровь струилась из простреленного горла, он прошептал:

— Отомстите, товарищи, за меня… Вперёд, за Сталина… за освобождение трудящихся… — и умер, как большевик…» [*Лидов 1940*, с. 4]. Безусловно, пересказ Лидова очень литературный, однако, скорее всего, Горновых на самом деле возглавлял атаку пехоты для поддержки своих танков.

Во время боя за Гродно был убит командир 113-го батальона 27-й лтбр майор Филипп Иванович Квитко. С обстоятельствами его гибели также есть много вопросов. Так, имеется информация, что его танки завязали бой в районе современных табачной фабрики и стеклозавода. Во время движения по одной из улиц майор Квитко вылез из люка, чтобы подать знак идущим сзади машинам. В этот момент его ранили. По другой информации он был ранен во время атаки моста. Ещё одна версия, встречающаяся в документах: он неосмотрительно вылез из танка в городе и был убит очередью из пулемёта [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 235*. Л. 16]. Раненого Квитко танкисты перенесли в подвал ближайшего дома, и комиссар батальона Калиниченко поехал за санитарной машиной. Однако, когда за комбатом приехали, его уже не было на месте. Уже после боёв за Гродно тело майора Квитко нашли в Новом замке в военном госпитале, куда его перенесли поляки. Рана оказалась слишком тяжёлой, и спасти его не удалось. Таким образом, мы видим, что поляки (по крайней

мере, некоторые с уважением относились и к советским раненым и пытались им помочь.

Потери бригады (по советским донесениям) за 20 сентября составили: 15 убитых и 11 раненых солдат и командиров. Были сожжены 3 танка БТ-7 и автомобиль с радиостанцией. Ещё 6 танков БТ-7 и бронеавтомобиль БА-10 были повреждены. Как видно, бригада понесла очень серьёзные потери в комсоставе.

В Занеманской части также продолжались перестрелки с польскими солдатами, а возможно, и с добровольцами. Здесь партизанский отряд Индушко проводил разведку, предупреждал о польских засадах советских танкистов. «На улице Лелевеля против школы два танка попали в ров. На подмогу пришёл отряд партизан. Улица в этом месте была не мощеная, а почва песчаная. Засыпая ров и вытаскивая машины из ловушки, партизаны под пулемётным огнём работали до вечера. Вечером танки ушли. Партизанам велели дожидаться утра» [*Лидов 1940*].

В 19.00 в штабе КМГ получили кодированную радиограмму от комдива Петрова из Гродно: «Мехгруппа корпуса заняла южную окраину Гродно. Веду уличный бой. Противник оказывает упорное сопротивление. Пехота отстала и её недостаточно для уничтожения противника» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 78].

Штаб Белорусского фронта отдал приказ 4-й кд из 6-го КК выступить на Гродно и захватить город. По частному боевому приказу командующего КМГ Болдина 4-я кд должна была к исходу 21 сентября выйти в район Гродно. Остальные дивизии кавкорпуса должны были достигнуть Большая Берестовица — Свислочь — Мстибов. Кавкорпус начал движение в 20.00 того же дня. 4-я кд двигалась по маршруту Мосты — Скидель — Гродно [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 75], т.е. за мотоотрядом 16-й СК.

Командующий кавалерийским корпусом Ерёменко сам отправился в Гродно во главе мехгруппы для руководства боем

своей дивизии. Однако 4-я кавдивизия смогла выступить только в 23.00 по маршруту Мосты — Дубно — Гродно. В своём дневнике события 20 сентября описывал командир 6-го КК Андрей Иванович Ерёменко: «Утром 20 сентября я получил приказ образовать подвижную группу, возглавить её и овладеть городом Гродно. Группа двигалась через Крынки, т.е. южным маршрутом. Севернее двигалась группа комдива Петрова. Я находился в голове колонны. Не доезжая до Гродно километров 15-ти, я несколько оторвался вперёд и неожиданно встретился со взводом пехоты противника, который быстро принял боевой порядок и залёг по обе стороны дороги. Первым это заметил мой шофёр Горланов. Противник был на расстоянии 250–300 метров. Я сразу же оценил обстановку и приказал шофёру прибавить газу и не останавливаясь ехать прямо на поляков. Противник, по-видимому, растерялся и не знал что делать. Мы проехали через его цепь в закрытой машине «Бьюик». Со мной находился полковой комиссар Щукин, слушатель Академии Генерального штаба РККА. К 16 часам мы были уже у Гродно. Наше появление вызвало огонь со стороны противника, занимавшего оборону по южной, юго-западной и юго-восточной окраинам города. Наша разведка в город проникнуть не могла, посланные по улицам бронемашины были подожжены противником» [*Лидов 1940*].

119-й стрелковый полк 13-й дивизии на автомашинах прибыл в Гродно в 18.00–19.40 в составе 2-го батальона старшего лейтенанта Яковенко. Полком командовал майор Введенский, комиссаром полка был ст. политрук Мусатов [*РГВА Ф. 35086.* Оп. 1. *Д. 143.* Л. 77].

Скорее всего, вечером в Гродно прибыла и часть разведбата 20-й моторизованной бригады. Вслед за ними подтянулись и остальные батальоны бригады. Однако оказалось, что в штатах бригады не имелось никаких переправочных средств. Они не были даже предусмотрены штатом. Поэтому бригада не могла самостоятельно переправиться через Неман. Какое-то участие

в перестрелке вечером-ночью 20 сентября она приняла. Ранения получили комиссар бригады полковой комиссар Михаил Иванович Зинков, командир бригады майор Михаил Григорьевич Авилов, комвзвода Александр Трофимович Авгулов. В «Записке № 23 НКВД БССР в НКВД СССР об обстановке на Белорусском фронте» указывалось: «Попытка частей 20 МСД овладеть засветло 20.9.39 г. Гродно с юго-запада не удалась, благодаря сильному вооруженному сопротивлению фашистской части местного населения, особенно фашистской молодежи, сильный обстрел из домов, чердаков» [*НКВД в Западной Беларуси 2019*, с. 31]. Однако по поводу объективности этого документа есть большие вопросы, т.к. далее в нём говорится, что Гродно был взят 3-м полком 20-й бригады при поддержке танков повторной атакой с северо-запада в 22.00 того же дня. Это неверно. Гродно не был взят вечером 20 сентября, а в составе бригады были батальоны, а не полки.

Комкор-6 Ерёменко уже находился в Гродно. Однако его танковая группа ещё не подошла. Он вспоминал: «В 22 часа член Военного Совета корпусный комиссар Николаев, комдив Петров и я обсудили план действий на 21 сентября. Было решено, что я со своей группой, усиленной мото-пехотной, атакую с юга и наношу главный удар на табачную фабрику, мост и казармы. Комдив Петров со своими частями, усиленными пехотой, атакует с юго-востока. Захваченную часть города используем для организации переправы» [*Лидов 1940*].

Командир 15-го ТК комдив Петров отдал боевой приказ на 21 сентября:

— 119-й сп с ротой танков 27-й лтбр должны переправиться через Неман у ф. Румлёвка, овладеть кладбищем и с 8 утра наступать на Гродно с востока, вдоль северного берега реки в направлении группы церквей — Переселка;

— 20-я моторизованная бригада (без одного батальона) с двумя ротами танков 27-й лтбр занять позиции по южному берегу Немана от ж/д моста до Занеманского и с 8 утра начать

наступать на ю.-з. часть города — Коложа, отрезая пути отступления на юго-запад;

— артподготовка с 7.00 до 8.00.

Командир 119-го сп майор Введенский получил приказ комдива Петрова овладеть городом [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 497*. Л. 17]. Константин Владимирович Введенский командовал полком один год, имел опыт войны в Испании. Для выполнения приказа командующего корпусом он отдал приказ 2-му сб (командир старший лейтенант Яковенко, начштаба старший лейтенант Насонов) начать переправу. Уже вечером пехотой 119-го сп была проведена разведка во главе с командиром 5-й роты младшим лейтенантом Касимом Муратовичем Шайхуддиновым и добровольцами. Им помогли переправиться местные жители при помощи лодок. Шоссейные мосты через Неман были разрушены. Целым оставался лишь железнодорожный мост. Переправа была найдена в районе городских кладбищ. Пулемётная рота заняла позиции по левому берегу, а 5-я рота 119-го полка начала переправу. Первым Неман форсировал 1-й взвод 5-й роты младшего лейтенанта Тимофея Головащука на брёвнах. Левее кладбища, на лодках, поданных рабочими города, переправлялись 4-я и 6-я роты. Их переправа проходила уже под польским огнём с католического кладбища [*Лидов 1940*]. Последней через реку переправилась пулемётная рота.

Сразу по окончании переправы командир батальона ст. лейтенант Яковенко сам повёл 4-ю роту в атаку на кладбище, огороженное каменной стеной. Поляки вели активный пулемётный огонь и применяли гранаты. Здесь Яковенко вместе с мл. лейтенантом Гермолитом, отделенным командиром Бадриаддиновым, красноармейцем Козловым были ранены гранатой. Радист Голушкин был убит. Командование батальоном принял его начальник штаба ст. лейтенант Носонов [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 497*. Л. 18]. В результате атаки, к которой присоединилась и 5-я рота, кладбища (воинское, католическое и православное) взять не удалось. Хоть по документам ЖБД штаба Белорусско-

го фронта указывалось обратное. 6-я рота, наступавшая левее 4-й и левее кладбищ, к 21 часу достигла района жандармского управления. 4-я и 5-я рота вели бои у кладбищ, а 2-я пулемётная рота прикрывала правый фланг [*РГВАФ 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 79–80]. Поляки удерживали в своих руках и артиллерийские казармы (бывшие казармы царской 5-й воздухоплавательной роты), находившиеся рядом с кладбищами и составлявшие основу обороны.

В ЖБД штаба Белорусского фронта по поводу ночной атаки кладбищ отмечалось: «Необходимо отметить, как крупный недочёт — не нужная, ничем не вызванная личная храбрость командиров батальонов, выразившаяся в движении вперёд всех во время наступления и атаки. Командиры батальонов, в частности ст. лейтенант Яковенко, вместо того, чтобы с КП управлять всем батальоном, шёл в атаку в голове взвода, теряя управление другими подразделениями батальона. Вести в атаку на кладбище взвод лично командиру батальона необходимости не было. Личный состав батальона, в т.ч. и 4 рота, как кадровая рота, была воспитана в неустрашимости, в храбрости, в ненависти к врагу ещё в мирный период учёбы и сомневаться, что рота в решительный период атаки заколеблется, не приходилось» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 81]. Интересным дополнением к этой истории является рассказ П. Лидова: «Минувшей ночью Данилов (ответственный секретарь комсомольского бюро полка. — *Авт.*) уже побывал в городе. Ему было приказано отыскать и вынести из боя раненого Яковенко. Этот приказ Данилов выполнил, рискуя жизнью. Он доставил к Яковенко врача, организовал усиленную охрану дома, где лежал раненый комбат, и вернулся за санитаром. Продвигаясь ползком среди кустов, Яковенко снесли на плаще к реке и уложили в лодку. Вёсел не было. Младший лейтенант Борисов бросился в воду и поплыл, толкая лодку впереди себя. Яковенко доставили к самолёту и через несколько часов он был уже в Минске. Хирурги спасли ему жизнь». Как видно, раненого комбата бойцы оставили после атаки кладбища и отступили.

Комполка специально послал на его поиски Петра Данилова. Интересно и то, что Яковенко поместили вначале в доме, также находившемся на территории, не контролируемой 119-м полком, а уже потом перевезли через реку.

Когда к Гродно прибыли 1-й и 3-й батальоны 119-го сп, им также была поставлена задача: 1-й батальон должен был форсировать Неман у офицерских дач и занять позиции правее 2-го батальона. 3-й батальон должен был с утра 21 сентября действовать в направлении моста, форсировать реку по нему и очистить дома по Правонабережной улице.

1-й стрелковый батальон (капитан Александр Голубчиков) форсировал Неман в двух местах — напротив водокачки и по мосту северо-западнее лагеря. Поляки обстреливали переправу двух взводов 1-й роты. Обеспечив прикрытие, батальон переправился через реку по железнодорожному мосту [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 497.* Л. 178]. Полковая батарея 76-мм пушек (капитан Кудрявцев) начала обстрел замков, костёла и домов. Во время боя рота связи установила хорошую связь со 2-м батальоном за рекой. Пулемётные роты трёх батальонов заняли оборону с востока, от возможной атаки с высот и рощи в 1 км восточнее Гродно [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 80]. 119-м полком были сняты все дозоры и секреты поляков. При этом до взвода кавалерии и 30 офицеров, оказавших сопротивление, «были все уничтожены» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 81].

Вечером танки 27-й лтбр с берега Немана продолжали обстреливать здания на Правонабережной улице на противоположном берегу. К ним присоединилась и артиллерия 119-го полка. 4 танка перешли через Неман для поддержки пехоты. Ночью два танка были сожжены [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 81]. Чеслав Гжеляк писал, что ночью все советские танки были выведены из города из-за опасения быть сожжёнными и для заправки топливом.

Вечером подкрепления пришли и к полякам. Это была группа кавалерии «Волковыск» генерала Вацлава Пшездецкого, основу

которой составляла резервная кавалерийская бригада «Волковыск» (101-й и 102-й резервные уланские полки, 103-й пеший резервный полк шволежеров) полковника Э. Холдута-Тарнасевича. Генерал Пшездецкий принял командование обороной Гродно у полковника Седлецкого. Свой штаб он расположил на вокзале. Генерал, повторяя приказ Верховного главнокомандующего, приказал готовиться к отступлению из города в Литву. В городе он распорядился ввести патрулирование, возвести новые противотанковые баррикады на обоих мостах и усилить окопы. Также он распорядился передвинуть батальоны подполковника Блюмского к кладбищам, где накапливался 119-й советский полк [*Grzelak 2002*, s. 124–125]. Жители перегораживали улицы, копали рвы через дороги. Так, ров был выкопан на перекрёстке по ул. Подольной.

Ночью обе стороны предприняли несколько атак через реку. Уланы 102-го полка (эскадрон подпоручика Глуского и эскадрон поручика Вышинского) атаковали через Старый мост и очистили территорию перед ним на противоположном берегу на расстоянии до 500 метров от моста [*Siemiński 1990,* s. 41]. Группа подпоручика Шумского, вооружившись гранатами, пробралась к расположению советских войск и устроила ночную атаку. Никто из группы назад не вернулся.

Также ночью поляки на нескольких лодках форсировали Неман и уничтожили в предместье Фолюш советские дозоры. Советские солдаты форсировали Неман выше Гродно по течению, однако были отбиты и с потерями отошли.

21 сентября 15-й ТК (27-я лтбр) со 119-м сп и 20-й моторизованной бригадой продолжал бой за Гродно. Танковая бригада к этому моменту насчитывала 80 танков и 15 бронеавтомобилей. Планировалось танки придавать пехоте небольшими группами. В 1.00 командир 119-го сп отдал приказ батальонам окопаться на занятых позициях и занять круговую оборону. Против советских сил на этом участке находились польские солдаты из батальона подполковника Блумского.

Между позициями 1-го и 2-го стрелковых батальонов 119-го полка имелся разрыв. По советской информации здесь занимал оборону отряд поляков силой до 5 рот. По информации Ч. Гжеляка, поляки двумя ротами просочились между позициями советских батальонов [*Grzelak 2002,* s. 125]. 2-й стрелковый батальон всю ночь вёл перестрелку. До 6.00 поляки безуспешно атаковали правый фланг батальона. Во время одной из атак был убит лучший снайпер-пулемётчик Михно. Кстати, наличие польских войск в тылу батальонов 119-го полка было упущением советской разведки (штаба 119-го сп и штаба 15-го ТК). В последующем польские атаки в тыл и на правый фланг сильно помешают атакам 119-го сп.

В 6.00 119-й полк атаковал. 1-й батальон — в направлении кладбища и дальше — по направлению к костёлу. 2-й батальон — вдоль Немана в направлении центра. 3-й батальон атаковал с южной окраины города очищая прибрежную улицу (в советских документах — Правобережную) [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 87].

В 7 утра началась артподготовка батареями 119-го полка и 20-й мотобригады по пунктам польской обороны (зданиям, казармам у моста, костёлам и окопам) с левого берега Немана. Батареи располагались на открытых и полузакрытых позициях.

Авиация Белорусского фронта провела разведку над городом. Наличие польских войск было установлено в северо-западной окраине города — до полка пехоты и полка конницы. В 10.20 в городе шёл бой. Самолёт был обстрелян с земли [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 356*. Л. 13].

Утром, около 9 часов, атаку через мост предприняла группа 20-й моторизованной бригады. Атака не увенчалась успехом. В бою были потеряны два бронеавтомобиля БА-20. Один был подбит огнём польской зенитки, второй был подожжён горючей смесью [*Sowieckie samochody panzerne 1998*, s. 51]. Около 11 часов поляки двумя просочившимися ротами атаковали правофланговый 1-й батальон 119-го сп с тыла, со стороны высоты с кустами.

При этом пульрота 1-го батальона была окружена у фольварка. КП батальона также был под угрозой окружения. Командир батальона приказал собрать взвод связи и имевшийся на КП пулемёт 3-й пульроты для отражения атаки. Этими действиями удалось вызволить из окружения пулемётную роту и отбить польскую атаку [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 497*. Л. 19–20]. Правый фланг 2-го батальона также был атакован поляками ещё ночью. Командир батальона запросил помощь танками(в этот день полк действовал при поддержке роты танков, которые перешли Неман ещё утром по отремонтированному восточному мосту).

К 11 часам 2-й и 1-й батальоны начали бой, по словам П. Лидова, за лютеранское кладбище, откуда вёлся сильный пулемётный и ружейный огонь (имеется в виду Воинское кладбище по современной улице Белуша). Также поляки расположили пулемёт в старом, ещё царском пороховом погребе, находившемся у дороги (по современной ул. Белуша, сейчас не сохранился) и обстреливали подходы к кладбищам. 4-я и 5-я роты обошли кладбище и атаковали при поддержке танков. Вероятнее всего, танки перешли реку по железнодорожному мосту.

Положение в 1-м и 2-м советских батальонах 119-го полка было очень серьёзным. Ситуацию спас подошедший в это время к городу с востока мотоотряд 16-го СК [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 88]. Интересно, что в ЖБД 119-го полка нет ни слова об этом, а все заслуги по занятию Гродно приписываются исключительно себе.

Мотоотряд 16-го СК подошёл к Гродно со стороны Скиделя. После 9 утра передовой дозор мехгруппы 16-го СК вступил в бой с польским охранением в 7 км восточнее Гродно. Польская оборона проходила по дер. Большая Каплица — высота 163 — г. дв. Понемунь. Интересно привести слова командующего мехгруппой 16-го СК комбрига Анатолия Николаевича Розанова о том, как она вступила в бой. По его словам, разведка группы в составе бронероты и мотороты разведбата 2-й сд в 10 км от Гродно со стороны Скиделя отбила у поляков танк,

принадлежавший 15-му ТК. По рассказу старшего лейтенанта из его экипажа, Розанов узнал о том, как разведбат 27-й лтбр ворвался в город 20 сентября и что 4 танка были при этом сожжены. Что командир разведбата был ранен, а комиссар взят поляками в плен и теперь оставшиеся танки отошли в южную часть города и стоят там без бензина [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 239*. Л. 22]. После этого он отдал приказ атаковать позиции поляков.

В 9.30 разведывательный батальон встретил организованное сопротивление на высотах в 3 км восточнее Гродно. В бой вступили броневики, моторота разведбатальона и две танковые роты 317-го отб 100-й сд. 1-я танковая рота атаковала южнее шоссе, 2-я рота — севернее дороги, в направлении казарм. Танковая атака дала результат. В результате боя поляки были отброшены. Через 1,5–2 часа танки группы Розанова сбили поляков с высот восточнее Гродно и те начали отходить к городу. Сам Розанов, описывая бой восточнее Гродно, отмечал, что «противник, в большинстве уничтоженный огнём и весом танков поспешно, откатился на восточную и юго-восточную окраину г. Гродно, где у противника была подготовлена вторая линия обороны» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 239*. Л. 22].

В 11.10 группа комбрига Розанова повела наступление на город. В разведку капитан Чернявский из 317-го отб послал три танка по Лидскому шоссе под командой лейтенанта Мирского. Они должны были раскрыть систему обороны города и ворваться в центр, к костёлу на площади. 1-я танковая рота ст. лейтенанта Гриба действовала также по шоссе и далее в северных кварталах города. 2-я рота ст. лейтенанта Самарского наступала по Скидельскому тракту и далее в направлении вокзала.

Отходящие к городу польские части попали под огонь 4 пулемётов пульроты 1-го батальона 119-го сп. В результате поляки начали спешно отступать на север [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 88]. В г. дв. Понемунь была уничтожена группа польских офицеров до 250 человек.

В 11.40 мехгруппа вышла к позициям 2-го батальона 119-го полка, который наступал с юга на север. Розанов отмечал, что к этому моменту ситуация во 2-м батальоне майора Введенского была очень неприятная: «батальон до нашего подхода нёс очень большие потери, т.к. потеряв до 50% комсостава никем не управлялся. Я как командир мотомехгруппы вынужден был вмешаться и восстановить порядок» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 239*. Л. 22]. Этот батальон потерял 7 человек убитыми и 25 ранеными. Были убиты комбат, политрук роты, командир взвода и 4 командира отделений. Как видно, поляки вели огонь по комначсоставу, который выделялся формой. Раненым из 119-го полка, лежащим на улицах без всякой помощи из-за нехватки медицинского состава и перевязочных средств, была оказана помощь средствами медперсонала мотомехгруппы. По поводу высоких потерь полка сказано в «Отчёте 101-го сп», где отмечалось, что имела место неорганизованность и плохая выучка бойцов.

Розанов приказал пехоте 119-го полка действовать совместно с его машинами. Группа Розанова продолжала наступать вместе со 2-м батальоном 119-го сп, теперь уже в западном направлении. В 13.20 бронеавтомобили и танки Розанова при поддержке пехоты начали уличные бои [*РГВА Ф. 35086.* Оп. 1. *Д. 495*. Л. 10]. С востока поляки создали сильные узлы обороны в казармах 7-го броневого батальона и казармах 29-го полка лёгкой артиллерии (бывшие казармы 5-й воздухоплавательной роты), а также вдоль улицы Иерусалимской. Здесь шли тяжёлые бои. Советские атаки в направлении Иерусалимской улицы фланкировались пулемётным огнём из казарм броневого батальона. Однако со стороны кладбища советской пехоте удалось прорваться к артиллерийским казармам и занять часть ул. Иерусалимской [*Grzelak 2002,* s. 127]. Здесь у поляков не было столько пулемётов, и местность так хорошо не простреливалась. Дополнительное препятствие для обороны создавала большая стена ограждения кладбищ. Поляки организовали контратаку силами батальона, вероятно Б. Серафина, от железнодорожного

моста. Им удалось выбить пехоту 119-го сп с кладбища и улицы, однако захватить опять казармы они не смогли.

В документах КМГ участие группы Розанова в боях за Гродно описаны как инициатива командующего КМГ. Именно он якобы принял решение привлечь мотомехгруппу 16-го СК к боям за город и своим приказом направил её на с.-в. окраину Гродно. Конечно же, Болдин узнал о прибытии группы Розанова к Гродно не сразу и отдал ей приказ задним числом. Интересно, что там же упоминалось, что при этом о действиях группы Розанова в Гродно не был поставлен в известность командир 15-го ТК. Это могло привести к столкновению между своими же частями. Такие случаи бывали во время боевых действий Белорусского фронта в сентябре 1939 г. в Беларуси.

До железной дороги пехота 119-го полка следовала за танками группы Розанова. Однако после пересечения полотна и входа в кварталы пехота откатилась назад и советские танки остались одни. За несколько часов танки подавили польское сопротивление и расстреляли пулемётные позиции в домах. Танки активно обстреливались поляками из пулемётов и винтовок, как обычными пулями, так и бронебойными. Пушек, как уже отмечалось выше, у поляков не было, кроме одной зенитки у казармы 81-го пп. Они активно применяли бутылки с зажигательной смесью. Вероятно, к этому времени к танкам подошла и пехота 2-го батальона 119-го стрелкового полка. П. Лидов описывал, что в боях в городе был убит пулемётчик Наппо Навишвили, отличился пулемётчик А. Драница, который занял позицию против здания почты у парка, на перекрёстке улиц Ожешко и генерала Орлич-Дрешера. Также, по его словам, к солдатам присоединились вооружённые гродненские комсомольцы (бывшие члены КСМЗБ). Также Лидов пересказывает приказ комполка майора Введенского командиру 2-го батальона, после того как тот доложил о бое с засевшими в одном из домов поляками: «Отберите десять смельчаков и дайте им хорошего командира. Пусть обойдут дом без выстрела, взберутся на чердак и сбросят оттуда

сволочь живьём!.. Передайте бойцам мой приказ: в 50 метрах от себя не оставлять ни одного живого противника. В плен не сдаваться. Отличившихся представьте к награждению» [*Лидов 1940*].

К 16.00–16.20 группа Розанова и два батальона 119-го полка заняли почту, телеграф, электростанцию, бензохранилище и бензоколонку (находилась на площади Батория). Здесь же заправились танки мехгруппы. Сопротивление ещё оказывалось из костёла, госпиталя и военного городка [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 495*. Л. 11].

В бою в городе был подбит и сожжён с экипажем танк Т-38 из 317-го отб (мл. лейтенант Алексанов и мехвод Комаров). В танке Самарского из этого же батальона слетела гусеница. Под польским огнём мехвод Ягодкин вылез из танка и устранил аварию. Танк лейтенанта Мирского вышел к казармам 81-го польского полка, где попал в засаду и был подожжён. Мехвод Корнийчук направил танк к небольшим деревьям и их листьями сбил пламя. По-видимому, танки 317-го отб вели перестрелку с польской зениткой у моста. Об этом есть упоминание в «Описании боевых действий» танкового батальона. Также в этот день был убит мл. лейтенант Е.И. Алексеев, служивший в том же танковом батальоне. Среди потерь 59-го разведбата значатся 4 человека убитыми.

Одновременно с боями 119-го сп и мехгруппы 16-го СК продолжались атаки Гродно со стороны Старого моста. Командующий КМГ комкор Болдин назначил начальником левого боевого участка командира 6-го КК комкора А.И. Ерёменко. Объектами атаки были табачная фабрика и мосты через Неман. Силы, привлечённые для атаки, состояли из зенитных установок 15-го отдельного зенитно-пулемётного эскадрона, бронемашин и танков 15-го ТК (27-я лтбр), а также прибывших днём 21 сентября в южную часть города танков 35-го тп 6-й кд 6-го КК [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 505*. Л. 9]. 4-я кд всё ещё не подошла к городу.

Первая атака бронетехники и пехоты, организованная комкором Ерёменко была встречена сильным польским пулемётным огнём. Она быстро захлебнулась. Тогда комкор Ерёменко решил лично возглавить атаку бронемашин и танков [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 90]. Он сел в бронеавтомобиль (водитель Герасим Семёнович Топор, помощник башенного стрелка ст. лейтенант К.И. Заморин) из 31-го тп 11-й кд, выехал вперёд и повёл за собой танки и пехоту. Это решение командира корпуса нельзя назвать разумным. Как писалось выше, непосредственное участие в атаке даже командира батальона считалось неоправданным и никому не нужным геройством. К тому же, по заявлению самого Ерёменко, он «впервые лично участвовал в танковой атаке», поэтому не точно представлял возможности техники — танков и бронеавтомобилей. Поляки активно обстреливали бронемашину с комкором, двигающуюся первой. После часового боя, представлявшего собой перестрелку танков и польских пулемётов через мост, бронемашина Ерёменко была подбита. Механизмы поворота башни вышли из строя, стрелять было невозможно. Бронемашина с комкором, а за ней и все танки, участвовавшие в атаке, отошли в укрытие. Атака закончилась. Сам Ерёменко потом вспоминал, что его машина была подбита, а экипажи стоявших сзади в колонну танков на протяжении 20 минут не понимали в чём дело, «… пока командир танкового полка, следовавший несколько сзади, сообразил, что с моей машиной что-то случилось». Никто не подумал заранее, что радиосвязи в танках нет, а в бою может случиться самое непредвиденное.

Видя, что мост взять не удалось, Ерёменко принял решение продолжить атаку. Он пересел в другую бронемашину из 31-го тп 11-й кд (водитель Александр Павлович Карабан, помощник башенного стрелка Ермолаев) и вновь выехал в атаку. Бронемашина смогла дойти только до бетонных заграждений на мосту. Танки вновь выехали к спуску к мосту и открыли огонь. Перестрелка продолжалась 1,5 часа. После этого в бронема-

шине загорелся от перегрева двигатель. Он перестал работать. Ещё 20 минут экипаж с Ерёменко вёл огонь, пока не закончились боеприпасы, прицел не был разбит, а пулемёт испорчен. Из-за сильного огня подойти к бронемашине для её эвакуации было невозможно. Водитель смог направить бронемашину на спуск и на ходу завёл двигатель, отъехал задним ходом около 100 метров, после чего двигатель вновь заглох. Однако здесь к бронемашине смог подойти танк, который взял её на буксир. При эвакуации комкор Ерёменко подобрал раненого советского бойца, лежавшего на дороге. Советские пехота и танки вновь отошли от моста.

Комкор Ерёменко решил возглавить третью атаку, на этот раз на танке БТ-7 (водитель С.П. Елисеев, помощник башенного стрелка С.И. Новиков). По воспоминанию Ерёменко, теперь он не поехал прямо на мост, а двинулся по набережной улице. Разрушив два ряда проволочных заграждений, танк въехал на мост сбоку. На мосту он стал разрушать препятствия. Это не сделали другие танки, потому что танкисты боялись, что препятствия были заминированы. Одновременно танк комкора вёл пулемётный и орудийный огонь. С берега танк Ерёменко поддерживали своим огнём 5 танков. Бой продолжался 2,5 часа. Не разрушенным остался только последний ряд препятствий — бетонные тумбы. В результате обстрела из пулемётов и орудий (в отчёте заявляется даже о польских 37-мм пушках, которых в Гродно у поляков не было) танк был подбит — пулемёт был выведен из строя, был пробит бензобак. Все члены экипажа, включая и самого Ерёменко, получили ранения. Уже в темноте танк отошёл на сборный пункт. Атаки Старого моста закончились неудачей. Позднее, по прошествии 30 лет, Ерёменко, вспоминая о боях в Гродно, многое преувеличивал. Так, по его словам, именно его 6-й кавкорпус сыграл главную роль в боях за Гродно. Также, по его словам, в первой атаке он использовал танк БТ-5, тогда как таких танков в корпусе не было вообще, а атаковал он на бронеавтомобиле.

Интересно привести воспоминания Яна Семиньского, бывшего харцера, участника обороны Гродно, в составе 31-го охранного батальона оборонявшегося в окопах по ул.Подольной: «После отхода зенитного орудия через шоссейный мост на Немане начали наступать сильные танковые части. Командование Советской армии подтянуло две танковые бригады. Танки окружили Гродно, обстреливая город из предместий, не рискуя проводить рейды в центр города. Один из тяжёлых танков занял огневую позицию на предмостном перекрёстке, откуда разил пулемётным огнём обороняющихся на этой позиции с тыла» [*Siemiński 1990,* s. 41]. По его воспоминаниям, этот танк достаточно долго вёл обстрел. Его нельзя было подбить из пулемётов подпоручика резерва Кузмицкого, установленных в оконных проёмах казармы. А подобраться с бутылками с бензином не позволяло открытое пространство. Вполне возможно, что это был танк Ерёменко. Также есть информация о том, что капитан Лопяновский, командир эскадрона 101-го уланского полка, из единственного имевшегося противотанкового ружья повредил танк на мосту [*Малишевский 2012*, с. 94].

3-й батальон 119-го полка с утра наступал с юга, вероятно совместно с мехгруппой Ерёменко, вдоль левого берега Немана (по Левонабережной). Очищая дома и пулемётные позиции по берегу. Во время продвижения по улицам батальон оказался зажат огнём с обеих сторон. Манёвр был невозможен из-за высокого забора. На помощь пришли танки, которые сломали забор и вызволили батальон. В этом бою был тяжело ранен временно командующий батальоном ст. лейтенант Будник. К 12 часам батальон вышел к табачной фабрике и железнодорожным путям [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 497.* Л. 20]. 8-я правофланговая рота вышла к польским окопам. В 14.00 пехота 3-го сб 119-го полка с танками вышли к костёлу. Отсюда вёлся сильный пулемётный огонь. Танки обстреляли храм. В костёле в плен были взяты 6 польских солдат [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 497.* Л. 20]. Также там был

склад из более 300 велосипедов, оружия и продовольствия. 3-й батальон укрепился в костёле до утра.

Результатами этого боя было занятие табачной фабрики, костёла. Пётр Лидов писал, что был захвачен и железнодорожный мост. Это подтверждает предположение о том, что поляки, вероятно, до 21 сентября удерживали позиции в форштадте. Танк Ерёменко уничтожил почти все пулемётные позиции по правому берегу — около 20 (так в документе). Вероятно всё же, здесь мы имеем дело с преувеличением. Один танк, пусть и под командованием комкора, сделал больше, чем десятки танков 27-й бригады.

20-я мотобригада на протяжении дня овладела юго-западной частью города, но переправиться на северный берег не смогла из-за польского сопротивления из домов со стороны моста, табачной фабрики и окопов по берегу [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 235*. Л. 48].

Командир мехгруппы 16-го СК Розанов доложил комдиву Петрову об успехах своих войск: «Город Гродно взят. Почта, телеграф, банк, электростанция, железнодорожная станция захвачены и мною были выставлены караулы за счёт 5 р 101 сп (так в тексте, нужно — 119-го сп. — *Авт.*), т.к. своей пехоты не хватает. Танки и броневики расположились в городе, вдоль реки Неман». Комдив Петров на это мне ответил буквально: «Как же город взят, а идёт стрельба!» Я ответил, что стрельба идёт за Неманом (в южной части города), где действует 101 сп (без 2 батальона), но в городе я распоряжаюсь, не зная о Вашем присутствии и в частности гродненским бензином заправил машины, назначил директора электростанции, почты и т.д.» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 239*. Л. 23]. Как видно из воспоминаний, Розанов первоначально не знал, что командующий 15-м ТК находится в Гродно, в Занеманской части. Комдив Петров ответил на это: «Из города танки вывести, т.к. Вас сожгут». Видно, что польское сопротивление заставило советское командование в лице Петрова опасаться действий бронетехникой

в чужом городе. Также комкор-15 посчитал, что для полной очистки города ему необходимо около 5 тыс. человек и горючее для техники. К утру он рассчитывал заправить 16 танков БТ и при помощи спешенных кавалеристов из 4-й кд (к ночи ожидалось прибытие 4-й кавдивизии) прочесать город. Поэтому на ночь был получен приказ вывести все войска из города [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 89].

С наступлением темноты польское сопротивление ещё оказывалось из Старого замка, казарм 81-го пп, зданий профессионального училища (современное кафе «Веранда»).

Город был почти полностью захвачен. В боях отрядом 16-го СК было убито более 200 польских солдат, расстреляно 29 офицеров. Ещё 600–700 человек были взяты в плен [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 495*. Л. 11]. В казарме, по информации Лидова (не ясно, про какую именно казарму шла речь), было захвачено в плен 85 человек [*Лидов 1940*].

Всего за 21 сентября советскими войсками в плен в Гродно было взято 38 польских офицеров, 28 младших офицеров, 1477 рядовых. Было убито офицеров — 320, младших офицеров — 30, рядовых — 194 человека. Трофеями стали: 50 револьверов, 514 винтовок, 20 ручных пулемётов, станковых — 126, миномётов — 1, зенитная пушка — 1. Винтовочных патронов 86 200 шт. Советской стороной отмечалось, что польские солдаты активного сопротивления в бою не принимали, стремясь разбежаться при первой возможности. Сопротивлялись только офицеры, полицейские и добровольцы.

Группа Розанова в боях потеряла: убитыми — младший лейтенант и 5 бойцов, ранеными — капитан (командир разведбатальона), 2 младших командира и два бойца. Сожжён танк Т-38 с экипажем.

К 21 часу была занята восточная и центральная части города Гродно. В северо-западной окраине поляки продолжали оказывать сильное сопротивление, «занимая дома жандармами и офицерами». К 18 часам советские войска и танки были

выведены из центральной части Гродно по приказу комдива Петрова, в своих руках оставив только южную часть города. По инициативе Розанова и командира 3-го батальона 119-го сп караул был оставлен в костёле (вероятно, на площади) и других занятых зданиях. Также Розанов оставил в городе броневики для патрулирования. Все войска отошли на восточную окраину.

Мотоотряд 4-й сд (два батальона 101-го сп и артиллерийская батарея) прибыл к Гродно по левому берегу Немана в ночь на 22 сентября. В штабе Белорусского фронта по этому поводу отметили: «В бою за Гродно участвовал также и 101 сп, который в ночь на 22.09.39 прибыл к Гродно. Но откуда и почему, по имеющимся документам определить нельзя. Известно то, что 101 сп 21.09.39 должен был выдвинуться согласно приказа командующего группой в р-н Гайновка и находиться там до особого распоряжения. Но известно, что 21.09.39 он оказался под Гродно, стал вести бой с восточной окраины, способствуя выталкиванию противника из Гродно» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 89–90]. Это несколько странно, т.к. по документам 15-го ТК мотоотряд 4-й сд ещё ранее получил приказ двигаться вместе с 27-й лтбр к Гродно. Вероятнее всего, не все документы получали в штабе фронта. К исходу дня к северо-восточной части города подошла 4-я кд [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 143*. Л. 77].

Батальоны 101-го сп получили приказ форсировать Неман и овладеть высотами и рощей в 1,5 км восточнее Гродно и, прикрывая 119-й полк с востока, наступать на северную окраину Гродно, в направлении ж/д вокзал — г. дв. Станиславово, препятствуя отступлению поляков на север. Описание боя 101-го полка, подписанное командиром полковником Пименовым, на редкость объективное и правдивое. Приведём его фрагмент: «Бой под Гродно и в самом Гродно был не совсем поучителен. Противник был слабый и малочисленный, недостаточно организованный, по-видимому, имел мало времени для организации. Силы, которые оказывали сопротивление полку 21.9.39 года,

эта пехотная часть численностью до 200 человек, собранная наспех из уходивших солдат и офицеров Польской армии, это видно из того, что солдаты при первой возможности сдавались, но офицеры дрались до тех пор, пока не были уничтожены, правда часть из них ушла в лес. У противника было несколько женщин. Артиллерии, танков и других средств борьбы, кроме винтовок, пулемётов и гранат, у них не было». Также в докладе описывалось, что у поляков не было связи и управления, наблюдения и круговой обороны. Поляки заняли высоты, складки местности, здания. Огонь они вели с больших дистанций, и поражаемость огнём была невысокой. В 101-м полку были ранены 2 человека.

Ночь с 21 на 22 сентября в городе прошла спокойно. На советские караулы, оставленные в городе комбригом Розановым, никто не напал.

22 сентября в 12 часов была назначена общая атака города Гродно. В ней должны были принять участие все имеющиеся силы: 4-я кд, 101-й и 119-й сп, 15-й ТК. 4-я кд должна была одним кавалерийским полком атаковать со стороны вокзала северную часть города. Остальными частями обойти город с севера и с запада, отрезая путь отхода полякам. 101-й сп направлялся в центральную часть города. 119-й сп — в южную Занеманскую часть города. 20-я моторизованная бригада занимала южную часть города. Мотомехгруппа Розанова оставалась с восточной окраины города в резерве. По распоряжению Болдина она должна была вступить в бой на участке 101-го сп.

Перед самой атакой было установлено, что поляки оставили город. Комкору Болдину об этом доложили в 9.00. В ЖБД штаба Белорусского фронта по этому поводу есть интересная фраза: «Жители с красными флагами ожидают прихода в город частей РККА» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 99]. Часть польских войск начала отступать из Гродно ещё в районе 13 часов 21 сентября. Остальные отступили ночью. Отход прикрывали, по советской информации, остатки 85-го пп, 77-го пп, 89-го ап, 5-го

авиаполка, местные фашистские организации и полиция. То, что польский гарнизон смог скрытно отступить, а советские войска даже не знали об этом, говорит о том, что разведка вообще не проводилась. В этом большое упущение штаба 15-го ТК. Штаб Белорусского фронта назвал работу разведотдела штаба корпуса «неудовлетворительной» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 100]. Интересно, что в ЖБД 15 ТК написано, что польское сопротивление было сломлено уже к исходу 21 сентября, а остатки польских войск ночью бежали в Сопоцкин и Сувалки. О том, что польское отступление из города было неожиданностью для советского командования, и о планировании атаки Гродно утром 22 сентября ничего не сказано.

Комбриг Розанов доносил о событиях того утра: «…ровно в 8.00 занял исходное положение для прочёсывания. Т.к. в 9.00 казаки не пришли (имеется в виду 4-я кд. — *Авт.*) для прочёсывания я отправился снова к комдиву Петрову, но на командном пункте встретил комкора Болдина, в момент, когда он ставил задачи по атаке города. Я доложил комкору Болдину, что город занят и нет надобности его атаковать, да ещё с артстрельбой… Тогда комкор Болдин, обращаясь к комдиву Петрову и майору Введенскому, так сказал: «что вы мне морочите голову» и, обращаясь ко мне, ещё раз спросил: «Вы были в городе и уверены в правильности вашего доклада?» Я подтвердил правильность доклада, указав при этом, что только что из города и меня никто не обстрелял. Тогда комкор Болдин назначил мне свидание на телеграфе в 12.00» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 239*. Л. 23].

Советские части начали занимать город. 101-й сп получил приказ очистить центральную часть города. Были собраны командиры батальонов и рот, батарей и танковой роты для инструктажа об особенностях в уличном бою. Корреспондент П. Лидов так описывал вступление частей РККА в город: «Настало 22 сентября… Комкор Болдин приказал вступить в город. Прямо по дороге через мост Пилсудского пошли танки и бронемашины. Остальные части под прикрытием зенитных пулемётов и про-

тивотанковых пушек двинулись обходом справа, через мост, находившийся выше по течению Немана… в районе имения Друцк по обеим сторонам Лидского шоссе войскам представилась картина недавнего боя. Защищая подступы к городу, поляки залегли в канавах вдоль дороги и на межах огородов. Защитники речи посполитой польской так и остались лежать здесь цепями, с перекошенными лицами, с запекшейся на мундирах кровью. Сейчас снайперы первого батальона могли убедиться в своей меткости: большинство белополяков были поражены в голову. Проходившие мимо жители надвигали четырёхугольные фуражки — «рогатывки» на омерзительные лица трупов. При входе в город поперёк улицы лежала откормленная лошадь. Круп её был пробит насквозь снарядом противотанковой пушки. Следы разгрома противника вели к кладбищу» [*Лидов 1940*].

В отдельных местах возобновилась перестрелка с небольшими группами поляков. Её вызывали выстрелы с чердаков. Для ликвидации сопротивления от мотомехгруппы Розанова был выделен взвод бронемашин. В частности, он уничтожил орудийным огнём на колокольне костёла группу из 14 человек, которые были вооружены зенитной пушкой, двумя станковыми и несколькими ручными пулемётами (в советских документах явное преувеличение — зенитной пушки здесь никак не могло быть). Похожий случай приводится в «Отчёте действий 101-го полка». Из костёла и рядом стоящих домов был открыт огонь. Два танка, действовавшие на этой улице, открыли беспорядочную стрельбу. Указать им цель у пехоты не было возможности. Выехавшая на улицу грузовая машина с пушкой была расстреляна. Ранение получили оба водителя. Машина была подбита. Пушка была установлена и открыла огонь и сбила пулемёт. Командир 1-го батальона запросил поддержки артиллерией: 122-мм гаубица произвела два выстрела по костёлу. Пехота 119-го полка также проводила зачистку города. П. Лидов писал в своей статье: «Подразделения двинулись вниз по улице, обыскивая дома, дворы, сараи, погреба и сады. То и дело выводили тех, кто пытался

отстреливаться. Дома, где сопротивление было особенно сильным, забрасывали гранатами. Так части прочесали весь город, очищая его от последних остатков вражьей нечисти» [*Лидов 1940*]. В случае сопротивления польские солдаты уничтожались. 1-й батальон начал продвигаться по улице к госпиталю и арсеналу. Пулемётная рота попала под огонь с трёх сторон. Танки вырвались вперёд, и добраться до них под огнём было почти невозможно. Тем не менее удалось показать танкистам цели и они расстреляли пулемётные гнёзда. В уничтожении польских пулемётов приняла участие и 45-мм пушка. Полк освободил из плена танковый экипаж.

К исходу дня город Гродно (по ЖБД 15-го ТК — к 14 часам) был окончательно очищен от польских войск. Результатом перестрелок в этот день было ранение 7 красноармейцев из 101-го полка. Других потерь за 22 сентября в частях РККА в Гродно в документах не фиксируется.

В 12.00 часов командующий КМГ И. Болдин назначил начальников гарнизонов города: в северной части Гродно им был назначен комбриг Розанов, в южной части — комдив Петров [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 99]. По словам комбрига Розанова, Болдин в здании DOK-3 в тот же день сказал ему об этом назначении: «Ну, брал Гродно и будешь начальником гарнизона. Сейчас по распоряжению командарма Ковалёва входите в моё распоряжение». Интересно, что Розанов доносил в штаб Белорусского фронта о том, что уже через несколько дней Болдин отрицал участие группы 16-го СК во взятии Гродно [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 239*. Л. 21, 24], вероятно, приписывая все лавры победителя себе и своей КМГ.

Группа 16-го СК оставалась в Гродно и разместилась в казармах польского 7-го броневого батальона. Все три батальона 119-го сп сосредоточились в берёзовой роще в 4 км западнее Гродно. Здесь они провели ночь и часть следующего дня.

Уже 22 сентября в городе были отмечены случаи расправы с поляками. Так, лейтенант Дубовик из взвода связи 101-го сп

4-й сд получил приказ отконвоировать из города 80 пленных польских солдат. Отойдя с колонной пленных на 2 км от города, он произвёл собственное дознание, после чего расстрелял 29 человек [*Мельтюхов 2001*, с. 374]. Всего за день было расстреляно до 300 человек.

Польские потери

Бои за Гродно носили достаточно ожесточённый характер и продолжались несколько дней. В ЖБД Белорусского фронта по поводу польских потерь отмечалось следующее: «Противник понёс большие потери. Большое количество людей было подавлено нашими танками на восточной окраине города. Захвачено около 1000 пленных» [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486*. Л. 100].

П. Лидов в своей статье написал следующее: «противник потерял: убитыми — 1 капитана, 306 офицеров, 68 подофицеров и капралов; пленными — 500 младших офицеров и 1.000 солдат. Нам досталось 176 станковых пулемётов, 2.545 различных винтовок, 1.000 ручных гранат, 360 артиллерийских снарядов, 98.000 патронов, 124 револьвера и 45 сабель — не считая прочего военного снаряжения и имущества» [*Лидов 1940*].

По советской информации польские потери равнялись: 644 человека убитыми, 1543 пленными. Было захвачено 514 винтовок, 50 револьверов, 146 пулемётов, 1 зенитное орудие, 1 миномёт [*Люцік 2009*, с. 191].

Советские потери

Советские документы называют нам следующие, и, к сожалению, не точные, данные о потерях в боях за Гродно.

Потери 15-го ТК в этих боях составили: убито 22 или 23 человека, ранено 39 (47) человек, сожжено 4 танка и одна бронемашина Ба-10. Подбито 12 танков БТ-7 и 2 бронемашины.

Потери 27-й лтбр за период боевых действий составили: 19 убитых, 27 раненых, пропали без вести 4 человека. Сгорело 3 танка, подбито 10. Подбита 1 бронемашина, 1 легковая машина

с рацией 5-АК [*РГВА Ф. 34912. Оп. 1. Д. 632.* Л.10]. Однако, вероятнее всего, это не совсем точная информация. Нам известно, что разведывательный батальон бригады в первом же бою потерял сожжёнными 3 танка и 2 бронеавтомобиля.

Потери 20-й моторизованной бригады: убито 3 человека, ранено — 20 человек. Один Ба-10 сожжён и один подбит.

Потери 119-го стрелкового полка: убито 24 человека, ранено 113 человек [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 143.* Л. 77–78] (по ЖБД штаба Белорусского фронта — 27 убиты, в т.ч. 4 человека младшего комсостава, 80 человек были ранены, в т.ч. 1 — старшего комсостава, 9 среднего, 10 младшего) [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 101].

Потери отряда 16-го СК (за 20 сентября) — 6 убиты, в т.ч. 1 средний командир. Ранены — 1 старший командир, 2 младших командира, 2 красноармейца. Танк Т-38 из танкового батальона 100-й сд был сожжен вместе с экипажем (командир взвода мл. лейтенант Александров Георгий Иванович [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 235.* Л. 41], мл. командир, механик водитель Т-38 Кормаков Пётр Фёдорович [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 316.* Л. 13]). По ЖБД 11-й армии мотомеханизированная группа потеряла в боях за Гродно 10 человек убитыми и 3 человека ранеными. Был сожжён танк Т-38 из танкового батальона 100-й сд и подбиты два танка Т-26 и одна бронемашина [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 495.* Л. 5]. Однако эта информация неверна. Танки Т-26 и бронеавтомобиль относятся к потерям отряда в бою за Скидель. Есть также данные о том, что отряд потерял 25 убитых и 110 раненых.

Потери 101-го стрелкового полка составили 4 человека ранеными [*РГВА Ф. 35086.* Оп. 1. *Д. 143.* Л. 77–78]. Как видно, данные также не совсем точны. По данным ЖБД штаба Белорусского фронта только 101-й сп 22 сентября потерял ранеными 7 человек, о чём упоминалось выше, а общие потери полка названы в 9 раненых красноармейцев [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486.* Л. 100].

Итого советские войска потеряли в боях за Гродно:

— убитыми 52/53 человека,

— ранеными166/174 человек,

— в боях сожжены 4/5 танков (БТ-7 и один Т-38), 2/3 бронемашины, автомашина с радиостанцией,

— подбиты 12 танков и 3 бронемашины (польские историки Ч. Гжеляк и В. Цыган приводят цифры: 47 убитых, 156 раненых; сожжены 4 танка и бронеавтомобиль, подбиты — 12 танков и 2 бронеавтомобиля [*Grzelak 2002,* s. 352]).

Встречающаяся часто в литературе цифра советских потерь — 47 убитых и 156 раненых [*РГВА Ф. 35086. Оп. 1. Д. 239.* Л. 13]. Также эти цифры приводит Мельтюхов [*Мельтюхов 200*0, с. 126], не учитывая потерь отряда 16-го СК и 101-го сп.

Несмотря на накопленный пласт исторических исследований, в боях за Гродно в сентябре 1939 года всё ещё остаются белые пятна, но архивная и поисковая работа позволяет свести их к минимуму.

Источники и литература:

1. *Брычков А.С., Никоноров Г.А.* Проигравший требует репараций: как сражалась Польша в 1939 г. Вестник Полесского Государственного университета. 2020. № 1.
2. *Дятлов В.В.* Боевое применение артиллерии в походе Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. // Вестник ИрГТУ. № 1(8).
3. *Киркевич А.* Забытый еврейский погром в Гродно/ Электронный ресурс. Режим доступа: https://belisrael.info/?p=21790. Дата доступа: 25.12.2021.
4. *Лидов П.* Взятие Гродно // «Свабодная Беларусь». 1940. № 84.
5. *Люцік З.* Беларускі фронт. Вайсковая аперацыя Чырвонай арміі (верасень 1939) // ARCHE. Пачатак. 2009. № 8.
6. *Малишевский Н.* Бой за Гродно в сентябре 1939 года глазами участников и очевидцев. Мн., 2012.
7. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000.

8. НКВД в Западной Беларуси. Сентябрь — декабрь 1939 г. Документы и материалы. Сост.: В.Д. Селеменев, А.Р. Дюков, А.Ф. Великий и др. Минск; Москва, 2019.
9. Освобождение Гродно от поляков/Русский портал. Электронный ресурс. Режим доступа: https://pynop.com/grodno.htm. Дата доступа: 25.12.2021.
10. Российский Государственный Военный Архив (далее — РГВА). Ф. 4. Оп. 14. Д. 2174.
11. РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 6. Исторический формуляр 13 стрелковой дивизии 10 армии Западного особого ВО.
12. РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 56. Исторический формуляр 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии.
13. РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 632. Исторический формуляр 27 отдельной танковой бригады.
14. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Боевые приказы и приказания штаба фронта.
15. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 143.
16. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 235. Отчёт о действии АБТВ и Артиллерии Белфронта.
17. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 316. Описание боевых действий 100-й сд.
18. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 356.
19. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486. Журнал боевых действий штаба Белорусского фронта за операцию 1939 г. по освобождению Западной Белоруссии от панской Польши.
20. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 495. Журнал боевых действия 11-й армии.
21. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 497. Л. 18. Журнал военных действий 119 Стрелкового полка 13 Стрелковой дивизии.
22. РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 505.
23. *Лидов П.* Взятие Гродно. Бои за Гродно в 1939 году глазами советского корреспондента. Электронный ресурс. Режим доступа: https://harodnia.com/be/uczora/hrodna-1920–1944/

551-petr-lidov-vzyatie-grodno-boi-za-grodno-v-1939-godu-glazami-sovetskogo-korrespondenta. Дата доступа: 25.12.2021.
24. Представитель Академии управления выступил на пресс-конференции «День народного единства в историческом аспекте». Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.pac.by/press-center/news/predstavitel-akademii-upravleniya-vystupil-na-press-konferentsii-den-narodnogo-edinstva-v-istoriches/. Дата доступа: 25.12.2021.
25. *Cygan W.* Kresy we krwi. Lodź, 2006.
26. *Grzelak C.* Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowieckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1998.
27. *Grzelak C.* Płonące Kresy. Wilno, Grodno, Kodziowce 1939. Warszawa, 2002.
28. *Siemiński J.* Walczące Grodno. Białystok,1990.
29. Sowieckie samochody panzerne. Vol. 2. Warszawa, 1998.

Грибова С.В.

Отношение к коллаборационизму в среде белорусских татар во время Великой Отечественной войны

Представители этнической группы белорусских татар — предки которых были поселены на этих землях еще во времена ВКЛ, безусловно, внесли вклад в Победу над Германией, принимая участие в различных формах антифашистского сопротивления во время Великой Отечественной войны. Однако сталинский режим — перегибы в религиозной и национальной политике, индустриализация и насаждение колхозов, чистки в армии и госаппарате — вызвал негативный настрой у части населения. Пострадали от этого и местные татары. Кстати, антисталинизм, а также лозунги создания своего национального государства были основными мотивами у многих представителей тюркско-мусульманских народов СССР, которые в той или иной степени сотрудничали с немецкими оккупантами. Особую актуальность для мусульманских народов приобрел и религиозный мотив, поскольку в России и СССР гонения против ислама в отдельные периоды были масштабными и жестокими. Данное обстоятельство и придало атрактивность исламу, который становился символом борьбы за национальное освобождение или даже определяющим фактором этнического самосознания [*Гилязов 2000*, с. 46]. Нужно, безусловно, брать в расчет и пропагандистские меры германских властей, что также подталкивало населения оккупированных регионов, в том числе БССР, к сотрудничеству с ними. Таким образом, феномен коллаборационизма во время войны — это в высшей степени сложное и неоднозначное явление. Для характеристики мотиваций и оценки этого процесса необходимым является представление о конкретных политических, социальных и психологических

реалиях каждой отдельно взятой страны, представители которой в определенной степени сотрудничали с оккупационной властью.

Количество мусульман, граждан СССР, в вооруженных силах Германии в 1941–1945 годах составляло примерно 290–305 тысяч человек, в том числе «туркестанцы», северокавказцы, азербайджанцы, поволжские и крымские татары [*Романько 2004*, с. 253]. Действовали отдельные мусульманские легионы. Нет сведений о создании военного формирования непосредственно из белорусских татар в составе боевых частей германских вооруженных сил. Однако все же сохранились данные о сотрудничестве некоторых представителей данной этнической группы с вермахтом и о нахождении их в войсках СС. Кроме того, есть примеры участия местных татар в политической коллаборации.

Представители татарского населения, ориентированные на сотрудничество с новой властью, группировались в основном вокруг муфтия Якуба Шинкевича. Он был избран на эту должность в 1925 году на Мусульманском съезде в Вильно. 10 октября 1939 года после подписания советско-литовского договора, по которому Вильнюс и близлежащие территории отходили к Литовской республике, муфтий вместе с небольшой частью деятелей выдал декларативно пролитовское обращение от имени татарско-мусульманской общины, в которой выражал стремление к сотрудничеству с литовской властью. Однако обращение вызвало протест и негативное отношение большинства татар [*Tyszkiewicz 1998*, s. 143]. Муфтият продолжал свою деятельность и во время установления в Литве советской власти (с 21 июля 1940 года до 22 июня 1941 года). После занятия гитлеровскими войсками Виленщины, в начале 1942 года, германские власти позволили создать в Литве муфтият, главой которого был назначен Якуб Шинкевич. Правда, он был не очень доволен ограниченностью географических границ муфтията территорией Литвы. Я. Шинкевич высказывал пожелание объединить под

своим руководством мусульман Беларуси и Польши и попросил одного из эмигрантских лидеров тюркских народов Алимджана Идриси, который в то время был ответственным сотрудником Министерства иностранных дел Германии, но продолжал активно участвовать в религиозной жизни, посодействовать в Берлине в решении этого вопроса [*Гилязов 2000*, с. 307]. В июле 1942 года Я. Шинкевичу было разрешено распространить свою деятельность на сторонников ислама в Беларуси.

Якуб Шинкевич позже все же был утвержден на должность муфтия «Остланда». Он стал руководителем всех мусульман, проживающих на территории, занятой гитлеровцами, к востоку от Генерал-губернаторства и Восточной Пруссии, и был подчинен Великому муфтию Иерусалима *Амину аль-Хусейни*, которого германские власти назначили «вождем» всех мусульман Великой Германии. Основание муфтията «Остланда» стало для гитлеровцев также формальным поводом для организации мусульманских национальных военных формирований при германской армии. Муфтий «Остланда» Якуб Шинкевич помогал пропагандировать идею создания таких легионов [*Chazbijewicz 1997*, s. 94–96].

Оккупационные власти предлагали сотрудничество и некоторым активным татарским деятелям. Известно, например, что Леон Крычинский, который с 1938 года возглавлял Центральную раду Культурно-просветительского союза татар Речи Посполитой, являлся главным редактором «Татарского ежегодника», судьей окружного суда в Гдыне, отказался от такого предложения. Ротмистр Ельяшевич, которому оккупанты хотели поручить командование кавалерией из представителей турецко-мусульманских народов СССР, также не принял его. Однако Якуб Шинкевич и некоторые его единомышленники заняли иную позицию. Кстати, Я. Шинкевич во время учебы в Берлинском университете дружил с будущим министром пропаганды Третьего Рейха Йозефом Геббельсом. С точки зрения

польского историка Яна Тышкевича, в значительной степени благодаря ему муфтий и принял предложение о сотрудничестве [*Tyszkiewicz 1998*, s. 146]. Однако вряд ли его нужно было долго приглашать, так как на основании документальных материалов становится понятным, что сам Якуб Шинкевич был активным инициатором совместной работы с гитлеровцами, о чем свидетельствуют его усилия по созданию прогерманской молодежной организации из местных татар — Союза татарской молодежи (СТМ) [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*].

В августе 1942 года Генеральный комиссар Вильгельм Кубе позволил представителю муфтия в Генеральном округе Беларусь (ГОБ) Али Мустафовичу А. Смайкевичу и заместителю муфтия Бари Халецкому составить подробные списки татар, желающих сотрудничать с оккупационной властью. Потом их планировалось использовать в военно-политических и экономических целях Рейха. В. Кубе также подчеркнул, что проверка и анализ этих списков в более поздний срок помогут решить вопрос о целесообразности использования татарского населения в военно-экономической жизни ГОБ [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*, л. 60].

Усадьба представителя муфтия в Генеральном округе Беларусь Али Смайкевича по улице Колхозной, 51 в Минске стала местом локализации татарских сил, которые лояльно относились к новой власти. С осени 1943 года в доме А. Смайкевича постоянно проводились встречи татарской молодежи. Здесь было организовано изучение немецкого языка, работа хорового и драматических кружков. Позже для этой цели германские власти выделили помещение, которое стало клубом татарской молодежи, где собиралось около двадцать человек.

Что касается личности А. Смайкевича, то судьба его была сложной. Шестого ноября 1938 года он был арестован органами НКВД. От него требовали компрометирующих данных на брата Сулеймана, которого ранее обвинили как агента поль-

ской разведки. Через месяц Али Смайкевича отпустили, а в его личном деле появилась отметка, что он был завербован и стал сотрудником третьего отдела НКВД. После оккупации Минска Али Смайкевич определенное время занимал должность заместителя по административно-хозяйственной части санитарно-эпидемиологической станции Отдела здравоохранения Минской городской управы [*ГАМО Ф. 688 Оп. 2 Д. 6*, л. 20]. Его назначения на должность заместителя муфтия в Минске добивался от оккупационных властей Я. Шинкевич, но и сам А. Смайкевич проявлял лояльность к новой власти.

20 августа 1943 года Якуб Шинкевич обратился с официальной просьбой к В. Кубе помочь организовать экскурсионную поездку для молодых татар в Рейх.

Данная поездка состоялась, но гораздо позже — в мае 1944 года. В Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) хранится материал, в котором содержится просьба о выдаче необходимых сопроводительных документов на имя Х. Якубовского, А. Шагильдевича, Л. Конопацкой, Т. Мухарского, И. Гембицкого, А. Смайкевича, А. Александровича для поездки в Германию, которая должна была состояться с 7 по 30 мая 1944 года [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*, л. 3].

Для выявления татарского населения, которое лояльно относилось к новой власти, а также для организации работы в направлении сохранения национальных традиций и исламской веры, мусульманские лидеры создали татарские комитеты (кстати, подобного рода комитеты были созданы в Крыму, первый — бахчисарайский, в ноябре 1941 года, а затем во всех городах и поселках Крыма). Их, по информации, которая базируется на данных НАРБ и помещена в работе белорусского историка Александра Ковалени «Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць» [*Кавaленя 1999*, с. 167], в конце февраля 1944 года насчитывалось три: в Минске, Клецке, Ляховичах. Однако член клецкой татарской

общины Хасень Александрович на страницах татарского ежеквартального журнала «Байрам» однозначно утверждает, что никаких комитетов в Клецке и Ляховичах во время войны не существовало и об их организационной деятельности в клецкой татарской общине с количеством на тот момент около двухсот человек, а в Ляховичах еще вдвое меньшей, и где информация распространялась очень быстро, ничего не знали. Хасень Александрович утверждает, что здесь не собиралось никаких собраний и не проводилось никакой организационной работы [*Александрович 1999*, с. 25]. Возможно, что данные комитеты существовали только на бумаге.

Одним из направлений деятельности муфтията было создание Союза татарской молодежи (СТМ). Обращения муфтия Я. Шинкевича в генеральный комиссариат Беларуси с просьбой разрешить создание мусульманского молодежного Союза дали положительные результаты. Это в значительной степени было связано с тем, что календарь войны достиг уже 1944 года, когда Красная армия развернула наступление по всему фронту. Руководству ослабленного Рейха не приходилось выбирать помощников. В этих условиях германское руководство разработало новую оборонительную концепцию, которая допускала возможность, даже необходимость, компенсации больших личных потерь германской армии силами народов, проживающих на оккупированных территориях. Начала реализовываться идея использования молодежи захваченных стран для вспомогательной службы в армии. Данная вербовка должна была происходить добровольно, в связи с чем, ее успех зависел от умелой пропаганды, в чем должны были участвовать и местные союзы молодежи.

Так, в феврале 1944 года в Вильнюсе состоялись переговоры между Я. Шинкевичем, его заместителем Бари Халецким, обербанфюрером Шульцем — главой молодежного отдела ГОБ, представителем СД о создании СТМ. Перед встречей с муфтием

в его штаб-квартире по улице Сираковского Шульц встречался с городским комиссаром Вильнюса Гингстом, который заверил Шульца в том, что муфтий Якуб Шинкевич вполне надежный и может быть использован в необходимых политических целях Рейха. Договоренность о создании СТМ была достигнута. Главой Союза Я. Шинкевич предложил назначить своего заместителя Бари Халецкого, у которого должны быть два помощника — начальники штабов СТМ: один в Генеральном округе Беларусь, второй в Генеральном округе Литва. Штаб-квартиру СТМ решили разместить в Вильнюсе. Все служебные документы по созданию новой молодежной организации было поручено подготовить Бари Халецкому с дальнейшим представлением их в отдел молодежи ГОБ для детальной разработки.

Восьмого марта 1944 года состоялось совещание, на котором присутствовали представители оккупационных властей и муфтията. На этом заседании обсуждался вопрос о пропагандистских работах в татарском молодежном союзе. Было решено начинать ее с печатного издания. Однако сегодня нет сведений о том, была ли реализована данная пропагандистская акция [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*, л. 27].

В марте 1944 года началась работа над Положением о СТМ и другой необходимой документацией. Было подготовлено и направлено на рассмотрение генеральному комиссару письмо с приблизительными расходами по штабу СТМ в Беларуси, сумма составляла 1410 марок в месяц [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*, л. 6]. Молодежный татарский союз, согласно разработанному проекту, был организован по примеру подобных организаций, однако имел и некоторые особенности. Туда принималась молодежь от шести до двадцати лет, но его членами могли стать и люди старшего возраста. Вступление в СТМ было добровольным, однако выйти член мог только с разрешения фюрера союза. СТМ разделялся на три группы в зависимости от возраста: младшую, куда входили дети от шести до десяти

лет, среднюю — подростки одиннадцать–четырнадцать лет, старшую — молодежь пятнадцать–двадцать лет. Кроме того, молодежный союз был разделен на женскую и мужскую части, каждая из которых состояла из *отделений* — это низовая единица, условием создания которой было наличие шести девушек или парней. Свыше двенадцати членов организации составляли *группу* СТМ.

Во главе СТМ стоял молодежный фюрер, который осуществлял общее руководство организацией, представлял союз во всех учреждениях и судах, занимался вопросами приема, а также выхода из союза, издавал распоряжения и приказы, обеспечивал проведение собраний и совещаний руководящего состава союза, объявлял благодарности, взыскания и т.д. В структуре предусматривались заместители фюрера — начальники штабов, в чьи функции входили контроль за всеми структурными частями союза, предложения на назначение и увольнение руководителей отделений и групп, подготовка служебных и учебных планов для подразделений союза, выпуск внутренних распоряжений, приказов. В качестве помощника для заместителя фюрера была предусмотрена должность адъютанта. Для женской части СТМ руководителем назначалась женщина, которая подчинялась фюреру союза и являлась постоянным советником начальника штаба и фюрера по вопросам, связанным с организационной деятельностью в женской части союза [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*, л. 8–10].

СТМ был рассчитан на татарскую молодежь, которая проживала на территории Литвы и Беларуси. На должность начальника штаба союза в ГОБ муфтий Я. Шинкевич предложил Хусейна Мухаремовича Якубовского. Организационный центр союза в ГОБ было решено разместить в Барановичах, где местные оккупационные власти должны были выделить Якубовскому квартиру и два служебных помещения со всем необходимым для работы оборудованием. В составе сотрудников штаба на 27 апреля 1944 года значатся следующие лица: Адам Мустафович

Александрович (1929 года рождения), Ибрагим Александрович Мурза-Мурзич (1916 г.р.), Хасан Мустафович Александрович (1924 г.р.), Адам Шегидевич (1924 г.р.), Эльмира Алиевна Александрович (1926 г.р.) [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*, л. 7]. Х. Якубовский вместе с женой Тамарой Богушевич, уроженкой Клецка, по заданию генерального комиссара был направлен для встреч с татарами, проживавшими в Барановичах, Новогрудке, Клецке, Слониме, Ляховичах и Ивье для пропаганды идей союза и подбора помощников для его организации. В НАРБ содержатся документы, свидетельствующие о том, что во время основания СТМ его руководители неоднократно добивались от оккупационных властей права иметь при себе оружие.

Заседание, где было официально объявлено об учреждении СТМ, прошло в литовском городе Олита 19 мая 1944 года (Олита — официальное название литовского города Алитус до 1917 года, который входил в Виленский округ. В феврале 1944 года Виленский округ был включен в ГОБ). На нем вместе с представителями германской оккупационной власти присутствовали и молодежные татарские лидеры. Муфтий татар-мусульман выступил здесь с приветственной речью [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*, л. 13–14]. Надо отметить, что на одном из собраний татарской молодежи в Минске начальник штаба союза в ГОБ Хусейн Якубовский высказывался достаточно радикально: «Воинствующий татарский народ должен объединиться для строительства Новой Европы» [*Кавaленя 1999*, с. 170–171].

Через несколько дней после официального объявления о создании СТМ, а именно 13 мая 1944 года, руководителем молодежного отдела ГОБ Шульцем было утверждено Положение о Союзе, где были прописаны его организационные моменты и структура (подробнее проект Положения приводился выше по тексту). Шестого июня данный документ был подписан и генеральным комиссаром ГОБ [*НАРБ Ф. 385. Оп. 2. Д. 5*, л. 85, 96].

Кроме работы с молодежью, организация вербовала молодых татар в «помощники противовоздушной обороны» — «флакхильферы» («Flakhelfer», официальное название Luftwaffenhelfer — помощники военно-воздушных сил). Решение о военной подготовке в Германии молодого поколения (сначала только мужского пола) и использование его для усиления германских военно-воздушных сил было принято в начале 1944 года. В «флакхильферы» набиралась молодежь в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, которая еще не подлежала призыву в армию. Безусловно, в рядах «флакхильферов» абсолютное большинство составляла немецкая молодежь, однако через некоторое время из-за значительных потерь гитлеровской армии, как уже отмечалось, и с целью компенсации людских ресурсов в ней германское военно-политическое руководство приняло решение присоединять к немецкой молодежи и представителей других национальностей, в том числе с оккупированных Германией регионов. Как известно, позже все «добровольные помощники» были подчинены ведомству Генриха Гиммлера, то есть их перевели в состав СС.

С победой Красной армии над Германией СТМ прекратил свою деятельность, просуществовав около двух месяцев. Разумеется, что за такой короткий срок реальной деятельности он так и не развернул.

К положительной стороне деятельности муфтията нужно отнести спасение караимов от уничтожения, запланированного германскими властями. Муфтият по приказу гестапо с целью сравнения расовых черт евреев и караимов проводил так называемое «исследование рас», в результате чего была представлена информация о тюркском происхождении караимов, что спасло их от уничтожения [*Chazbijewicz 2011*, s. 10].

В июне 1944 года муфтий Якуб Шинкевич вместе со своими единомышленниками получил разрешение от оккупационных властей на выезд с семьей в Вену. А также он смог вывезти еще около ста человек других национальностей. После окончания

войны он переехал в Египет, откуда в 1952 году отправился в Соединенные Штаты Америки, где и жил до своей смерти в 1966 году [*Czerwiński 2013*, s. 19]. Судьба главы СТМ в ГОБ Хусейна Якубовского сложилась более трагично. В конце 1944 года он был арестован органами НКВД, отправлен в ссылку, умер в 1989 году.

Нет точных данных о количестве татар, которые бы по идеологическим мотивам сотрудничали с оккупационным режимом. Однако можно утверждать, что массовой коллаборации среди татарского населения Беларуси не наблюдалось, идеи сотрудничества с врагом не были популярными в татарской среде, так как не существовало реальной основы, на которой они могли бы базироваться.

Во-первых, отсутствовала государственно-национальная идея, которая могла бы объединить татарское население, вокруг которой их можно было бы сплотить, проводить агитацию, вдохновлять на определенные действия. Воевать за «Новую Европу» и «Великую Германию» в ней татарское население вряд ли бы пошло — это было слишком абстрактное понятие. Такая идея для татарской молодежи не была близкой и понятной. Надежных связей с крымскими татарами у татар, проживающих на территории БССР, не было, поэтому и о стремлении к объединению с ними тоже разговор вести нельзя. Характерным в этом смысле является пример, когда в конце зимы — весной 1944 года в Узде и окрестных деревнях дислоцировался батальон эсэсовца Оскара Дэрливангера, в котором служили представители ряда народов СССР, в том числе крымские татары, карачаевцы, однако не засвидетельствовано ни одного факта сотрудничества с ними узденских татар [*Лыч 2007*, с. 30–31]. Можно также обратить внимание на то, что ивьевские татары игнорировали факт пребывания в Юратишках, что около Ивья, батальонов Первого Восточно-мусульманского полка СС, который был сформирован из военнопленных красноармейцев среднеазиатских национальностей. Первый батальон в составе шестисот человек был

переправлен сюда с территории центральной Польши 14 марта 1944 года с целью укрепления Юратишковского гарнизона для борьбы с партизанами [*Памяць 2002*, с. 163–164]. Интересно отметить тот факт, что около сорока человек данного батальона под руководством капитана Тураева в конце марта 1944 года перешли на сторону партизан, в состав партизанской бригады А.Г. Морозова «Неуловимые», действовавшей в этом регионе [*Из разговора с Валентином Антоновичем Врублевским*]. 14 июня 1944 года полк был отправлен на фронт.

Во-вторых, надо иметь в виду, что татары были в большей степени заняты своими повседневными исконными занятиями (что им было необходимо для того, чтобы выжить в условиях военного лихолетья): огородничеством и кожевенным делом, которые требовали много времени и усилий. Большая часть татар не интересовалась политическими проблемами.

Необходимо также отметить и относительную немногочисленность татарской общины на землях Беларуси, что, в свою очередь, также не способствовало созданию и развертыванию реальной деятельности СТМ. Можно обратить внимание на то, что организация молодежного татарского союза — это проявление амбиций только отдельных мусульманских деятелей, оторванных фактически от реальной жизни, националистические идеи которых формировались еще в межвоенный период под влиянием польской политики «прометеизма», **проводимой польским государством (особенно активно с 1926 года) для нейтрализации СССР, как сильного соседа, путем расчленения его на отдельные государственные образования из нерусских народов, в том числе, безусловно, и татарско-мусульманских, под протекторатом Польши. Данные обстоятельства способствовали развитию в среде польской татарской элиты идеологии панисламизма, пантюркизма и татарского национализма (под контролем польского государства)**. Также нужно учитывать попытки германских вла-

стей использовать татарско-мусульманское население в своих пропагандистских целях.

С другой стороны, территория Беларуси была ареной борьбы за власть представителей коллаборационистских кругов из числа поляков и белорусов, поэтому татары, даже при желании, вряд ли смогли бы с ними конкурировать. Тем более что можно отметить раскол в татарской среде, так как некоторые представители татарской общины участвовали в белорусском националистическом движении.

Таким образом, учитывая вышеперечисленные факторы, можно отметить, что массовой коллаборации с Германией во время войны в татарской среде не наблюдалось, а попытки мобилизовать татарское население на сотрудничество по идеологическим мотивам с немецким режимом отдельных мусульманских лидеров во главе с муфтием Якубом Шинкевичем не принесло реальных результатов.

Источники и литература:

1. *Гилязов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюркско-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Казань, 2000.
2. *Романько О. В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004.
3. *TyszkiewiczJ.* Zhistoriitatarowpolskich 1794–1944. Pultusk, 1998.
4. *ChazbijewiczS.*TatarypolskO-litewscywlatachIIwojnyswiatowej // Meandrycywilizacyjne, kwestienarodowoscioweipolonijne. T. II. 1997.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 385. Оп. 2. Д. 5.
6. Государственный архив Минской области. Ф. 688. Оп. 2. Д. 6.
7. *Каваленя А.А.* Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Мінск, 1999.

8. *Александрович Х. М.* О союзе татарской молодежи в период фашистской оккупации Беларуси // Байрам. 1999. № 4.
9. *ChazbijewiczS.*JakubaSzynkiewiczapostać tragiczna // Przegląd-Tatarski. 2011. № 2.
10. *Czerwiński G.* Sprawozdania z podróży muftiego Jakuba Szynkiewicza. Źródła, omówienie, interpretacja. Białystok, 2013.
11. *Лыч Л. М.* Татары Беларусі на пераломах сацыяльна-палітычных эпох (XX — пачатак XXI ст.). Мінск, 2007.
12. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Іўеўскага раёна; рэдкал.: Г. К. Кісялеў [і інш.]. Мінск, 2002.
13. Из разговора с Валентином Антоновичем Врублевским (1931 года рождения), жителем городского поселка Юратишки, 12 августа 2015 года.

Киенко Д.Г.

Коменданты партизанских аэродромов в Беларуси, подготовка аэродромов и посадочных площадок, практика их использования

Увеличение потребностей и объемов грузоперевозок в интересах снабжения партизан выявило необходимость более системного подхода к вопросу обеспечения безопасных условий посадки и взлета в ночных условиях на неизвестные площадки. Планирование вылетов требовало достоверных сведений о погодных условиях и их динамике в районе целей. Эти факторы выявили необходимость иметь подготовленных партизан, которые бы отвечали за организацию приема грузов, систему подготовки посадочных площадок и метеонаблюдение.

Ключевые слова: аэродром, коменданты, авиаперевозки, партизаны.

10 августа 1943 г. Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) направил командиру 1-й авиационно-транспортной дивизии ГВФ (АТД ГВФ) генерал-майору авиации Казьмину М.П. группу партизан в количестве 12 человек для прохождения обучения и получения специальной подготовки с последующим занятием должностей комендантов партизанских аэродромов и посадочных площадок. Вместе с ними в штаб 1-й АТД убыл в качестве куратора от штаба партизан, майор Полосухин П.П., который был наделен полномочиями по всем вопросам подготовки и дальнейшей выброски обученных людей на парашютах в немецкий тыл. 15 августа была начата их подготовка на базе 1-й авиадивизии [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 3. Д. 83.* Л. 54].

Обучение включало в себя 50 часов лекций и практических занятий по изучению оборудования аэродрома на базе действующего батальона аэродромного обеспечения и аэродромной службы, которая в тот период обеспечивала вылеты 1-й АТД, еще 30 часов были посвящены обучению метеонаблюдению и составлению метеосводок, 38 часов было отведено на парашютную подготовку и тренировочные прыжки. Теория и практика прыжков были необходимы для того, чтобы коменданты аэродромов, как говорится, «на своей шкуре» испытали и знали нюансы выброски грузов и людей в ночных условиях, знали и видели, что происходит в самолете в ночных условиях в момент подхода к точке выброски, и представляли себе все то, что видит и испытывают десантируемый контингент.

5 сентября все 12 курсантов закончили подготовку, девять из них совершили по три парашютных прыжка, и приказом начальника БШПД Калинина П.З. всем девятерым присвоено название спортсмена-парашютиста, выданы нагрудные значки [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 3. Д. 83*. Л. 55–56].

После окончания курсов 11 сентября все они получили следующие назначение:

Трещилов В.С. — Брестская обл., площадка Сикорского
Картавищенко А.С. — Барановичская обл., площадка Шупени
Трошев Л.А. — Пинская обл., площадка Клещева
Козинцев М.В. — Полесская обл., площадка Бакуна
Белан В.Ф. — Могилевская обл., площадка Мовчанского
Гапон Н.В. — Гомельская обл. площадка Кожар
Овсянников В.Н. — Минская обл., площадка Филипских
Кулинич И.П. — Минская обл., площадка Паромчика
Слабко И.Л. — Минская обл., площадка Титкова
Яскевич П.З. — Витебская обл., площадка Медникова
Туранин В.В. — Витебская обл., площадка Охотина
Беляев Г.А. — Гомельская обл., площадка Балыкова [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 3. Д. 83*. Л. 55].

Коменданты аэродромов и площадок являлись достаточно самостоятельными единицами в партизанской иерархии. Согласно инструкции, регулировавшей их деятельность, они являлись представителями Белорусская штаба партизанского движения и подчинялись непосредственно командиру соединения либо бригады в зоне которой находился их аэродром (площадка), таким образом, они являлись полновластными начальниками на вверенных им аэродромах (площадках) и на свое усмотрение могли решать многие вопросы, особенно касательно обеспечения сохранности получаемых грузов. Однако эта «власть» была лишь в момент приема самолетов, в то время как в остальное время они были «нахлебниками» при бригадах, это особенно остро чувствовалось в тех местах, где самолеты появлялись раз в год или в несколько месяцев, что было характерно для регионов Западной Беларуси. Если в центральной и восточной части страны, где аэродромы жили активной жизнью и принимали самолеты постоянно, их коменданты пользовались уважением и были «полезными людьми», то на западе это было совершенно не так.

Коменданты аэродромов наравне с командованием бригады или соединений, на территории которых они располагались, несли полную ответственность за безопасность самой площадки, организацию посадок и взлетов самолётов, регулярные изменения посадочных сигналов и их наличие, а также правильное их расположение при приёме самолётов. Они обеспечивали безопасность нахождения самолетов на площадке во время разгрузки и погрузки, а в случае оставления их на дневку надежное прикрытие бойцами партизанских отрядов возможных путей подхода противника и маскировку самолётов. В обязанности входило сообщение через радиостанции ежедневных метеосводок, а также передача пересылаемых документов и грузов.

В период отсутствия готовых площадок или перемещения бригад в обязанности комендантов ходил поиск приемлемой

местности для приема самолетов. За основу брались возможности посадки самолетов Ли-2, поэтому размеры искомых площадок должны были быть не менее 1200 на 400 м с твёрдым грунтом и ровной и без каких-либо препятствий территорией. Подходы к площадке должны были быть без леса, или же при его наличии лес вырубался в зоне подхода на посадочном курсе.

Помимо обязательного расположения посадочных костров, схема которых всегда согласовывалась перед вылетом самолёта и могла представлять собой «квадрат», «конверт» (прямоугольник с одним костром в центре), «Г-образное» расположение костров и т.д., необходимо было по возможности также обозначить направление захода для посадки. Это могли быть или дополнительные костры, выложенные по линии захода, или выстрел сигнальной ракетой в направлении захода. Все это делалось для того, чтобы летчики, не видя четкой границы аэродрома, в ночных условиях могли более точно сориентироваться по краю летного поля. Однако выстрелы осветительными или сигнальными ракетами, обоснованные в документах теоретически, практиковались лишь осенью 1943 г. Практика их применения почти сошла на нет и прекратилась зимой 1944 г., так как яркий свет, пусть и запущенный вдоль полосы, был виден немецким ночным истребителям, так как яркая ракета все равно поднималась над лесом, а высоты 2500–3000 м, на которой находились истребители, было вполне достаточно, чтобы увидеть место посадки с очень большого расстояния, таким образом, «на местах» теория была опровергнута практикой.

При посадке и взлёте самолёта идеальным было наличие по периметру площадки, которая зачастую скрывалась в ночной темноте, людей с обычными бытовыми фонарями или лампами, пусть даже с керосиновыми. Во время взлета лётчик визуально ориентировался на костры, но он также должен был видеть край и представлять себе размеры самой площадки для ориентиро-

вания, именно поэтому были необходимы световые ориентиры на краю. В Беларуси имелись несколько случаев, когда именно из-за того, что летчики не видели кромки леса и дальних границ аэродрома, они не прекращали взлет и в момент отрыва и набора высоты терпели аварии и катастрофы, цепляясь за деревья на взлете. Следует признать, что обозначение края аэродрома при взлете транспортных Ли-2 и С-47 партизаны производили далеко не всегда, ограничиваясь лишь кострами по линии взлетной полосы. Все случаи падений самолетов в результате взлета произошли на площадках, где крайне редко (всего по одному-два раза) за весь период войны садились самолеты, летчики взлетали с незнакомых площадок, и не видя их границы в темноте. Учитывая вышесказанное, нужно так же отметить, что аварии при взлете помимо ограничения видимости, происходили и в результате перегрузки самолетов, которые требовали более длительного процесса разгона.

Безопасность самолетов, которые по тем или иным причинам оставались на земле, в дневное время обеспечивалась в первую очередь агентурной разведкой, которая находилась в ближайших гарнизонах противника и могла предупредить о выходе подразделения противника в сторону партизанской площадки или аэродрома. Помимо этого, партизаны старались в радиусе нескольких километров выставить посты и секреты на подступах к площадке, а в отдельных случаях обеспечивали минирование или завалы на лесных дорогах. В районах площадок сосредотачивали выделенные группы для возможной круговой обороны посадочной площадки и охраны непосредственно самолетов на местах стоянки.

Все эти нормы были обязательными, но выполнялись далеко не всегда, так как на некоторые площадки (особенно в центральной и западной части Беларуси) самолеты производили посадки крайне редко, требуемой «системы» обеспечения как таковой не было, а должность «коменданта аэродрома» была номинальной.

Несколько другой ситуация была в восточных районах Минской, а также в Витебской и Могилевской областях, где приемы самолётов велись на регулярной основе. Такие «аэропорты» как Бегомль и Селявщина имели постоянный «аэродромный» штат, а их прикрытие обеспечивалось не столько выделенными силами, сколько самим наличием крупных отрядов в округе, которые своей дислокацией и базами обеспечивали безопасность.

С осени 1943-го и особенно весной 1944 г. ввиду участившихся атак немецкой авиации на выявленные партизанские аэродромы и посадочные площадки стали выставлять так называемые группы огневого заслона, имевшие в своем распоряжении подготовленные к бою противотанковые ружья, пулемёты и винтовки.

После того как партизаны в результате атак немецкой авиации несколько раз теряли полученные грузы, в целях предосторожности и возможных бомбежек со стороны противника или вынужденного отхода полученный груз категорически запрещалось держать в районе площадки, все его запасы требовалось немедленно сдавать адресатам. Однако это происходило далеко не всегда, зачастую комендант аэродрома раздавал полученный груз на свое усмотрение, или это делал командир бригады (соединения), или же груз складировался для последующей раздачи.

Так, например, начальник оперотдела БШПД Рыжиков И.И., занимавшийся отправкой самолетов и грузов, еще 27 апреля 1943 г. сообщал: «На все грузы, отправленные в бригады, пишутся накладные и количество груза. К мешкам прикрепляются бирки, но нашими накладными и бирками хозяева площадок не руководствуются, кладут их в карман, а груз распределяют по своему усмотрению. Мы уже имеем несколько жалоб из Бегомля, бригада «Железняк» груз или недодает, или совершенно не выдает» [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 5.* Л. 34].

Подобные случаи имели место и в россонской партизанской зоне на Витебщине, об этом 27 июля 1943 г. также сообщалось

в штаб: «Охотин и Василевич не обеспечивают нормальной работы аэродрома в Селявщине. Аэродром зарос травой, несвоевременно убирается площадка. В результате имело место повреждение самолета от не убранных мешков и сброшенных противником мин. К пребывающему самолету допускаются посторонние лица. О случаях аварии, невозвращении самолетов и полученном грузе не доносят. Направляемый груз присваивается, накладные игнорируются. Прошу отправить уполномоченного ответственного на аэродром Селявщина». Калинин, получив телеграмму, наложил резолюцию: «Продолжается зимняя практика. Необходимо дать срочные указания и навести порядок» [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 11.* Л. 83].

Как видим, подобные примеры были одним из факторов, который заставили вводить должность и готовить кадры комендантов.

В случае, если по различным причинам какое-либо соединение получало на свою площадку груз «сверх ожидаемого», то он просто «терялся».

Подтверждением факта получения груза были бирки, которые прикреплялись к парашютным мешкам. При нахождении мешков, которые по биркам опознавались как «не наши», бирки партизанами просто срывались, а «ничейный» груз быстро распределялся по «своим», доказать, что бирка была на мешке, а не пропала по пути, было невозможно.

После приемки груза обязательным требованием было сообщение через радиостанцию в ближайший сеанс связи о факте приема с указанием количества принятых мешков, что тоже было не всегда. В шифротелеграммах БШПД, адресованных командирам бригад и соединений, зачастую можно увидеть гневные требования штаба с напоминанием «о немедленном сообщении о фактах приема грузов» и «обвинениях в безответственности» со стороны получателя.

Наиболее известной в партизанских кругах стал случай, когда в начале мая 1943 г. был потерян весь склад с таким трудом

и риском доставленного имущества на аэродром в зоне ответственности П.А. Жуковича (погибшего 15 июня 1944 г. во время блокады района и наступления немецких войск в партизанскую зону. — *Авт.*). Про его безответственное отношение к посадочной площадке и приему грузов было известно, при забросках грузов в район Бегомльской зоны представитель БШПД Рыжиков, отправлявший самолеты с советской территории, дважды просил П.А. Жуковича сообщать ежедневно о количестве и состоянии севших планеров и подобранных мешков, состоянии и обстановке в районе площадки, но Жукович этого не сделал. Он даже не сообщил о бомбежке немецкой авиацией 2 мая самой площадки, располагавшейся рядом с Бегомлем, а 3 мая и самой «столицы партизан» — местечка Бегомль. Когда на этот аэродром в ночь на 4 мая были отправлены очередные самолеты, оказалось, что партизаны на земле не жгли сигналов, а на месте не было людей для приема груза. В результате первые два самолета с планерами, не обнаружив посадочных костров, возвратись, не выполнив задание. Следующие семь планеров и два самолета совершили посадки благодаря сигналам, зажжённым случайными людьми, оказавшимися на площадке. Дежурного и людей на приеме груза не было, когда командование стало анализировать ситуацию и искать причину, то оказалось, что сообщение из штаба БШПД на аэродром вылета, запрещавшее посадку в Бегомле, было получено на аэродроме вылета за полчаса до взлета, когда самолеты с 13 планерами были загружены и находились на старте, а экипажи проложили маршруты к своим целям. Пришлось «на ходу» весь загруженный согласно потребностям груз перенаправлять на совершенно другой аэродром в совершено другой зоне — Селявщину. На Бегомль были отправлены только два самолета с посадкой за планеристами, которые сели там несколькими днями ранее [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 5. Л. 279*]. Вывезенные планеристы, пробывшие в отрядах несколько дней, рассказывали, что «командир бригады «Железняк», ответственный

за площадку, насытившись вооружением и боеприпасами, перестал интересоваться площадкой, доставленным грузом и находившимся там летным составом и оставил площадку на произвол судьбы. После бомбардировки площадки и местечка Бегомль бойцы бригады разбежались в панике [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 5.* Л. 280; *Ф. 1450. Оп. 23. Д. 4.* Л. 541]. Площадками при таком положении пользоваться было нельзя, и, для того чтобы продолжить их использование, штаб БШПД поставил на вид и «повесил» личную ответственность за обеспечение площадок в Бегомле на комбрига бригады «Железняк» Титкова и комиссара Манковича. Меры ответственности запоздали, на следующий день, 4 мая, немецкие самолеты применили выливные контейнеры с горючей смесью по окраине леса и посадочной площадке, после чего сбросили зажигательные бомбы. Огневой вал высотой три метра захватил полосу 3 км, вызвав сильнейший лесной пожар. В результате в 2 км от посадочного поля взорвался оборудованный склад с принятым грузом [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 5.* Л. 299]. Руководство, узнав о потере груза и самом факте его наличия в виде склада, а не розданного в отряды, виновным назначило руководство бригады [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 5.* Л. 2].

Возвращаясь к теме «перераспределения», нужно признать, что в большинстве случаев все присвоение грузов шло с согласия или по прямому указанию командования бригады, в зоне ответственности которой находился аэродром или площадка, а коменданты к этим фактам имели лишь косвенное отношение, но ввиду того, что формально они являлись представителями штаба и с их молчаливого согласия и ведома «перераспределялись» грузы, то и ответственность лежит на них.

Изучение партизанских документов касательно доставки грузов показывает, что примерно в 10% случаев сброс по различным причинам осуществлялся не на площадке цели, а вне их. Причиной сброса «не туда» были как ошибки экипажей в определении своего местоположения и целей, так и невозмож-

ность сброса на основную площадку по причине отсутствия огней или ошибки штурмана в выходе на цель. Груз старались «не везти обратно», и он мог быть сброшен на вторую (запасную) цель, а там «пусть партизаны сами разбираются». Однако если запасная цель не была опознана или не найдена, то груз привозили обратно.

Сказать, в каком отношении груз терялся, ввиду того, что сбрасывался по различным причинам над территорией, контролируемой противником, трудно, так как «отчетных» документов с немецкой стороны по этому вопросу не имеется. По мнению автора ошибочный сброс грузов и «прием» их полицейскими и военными формированиями составлял не более 10% от общего объема. Такие случаи отмечались в шифротелеграммах партизан, так, например, 20 июля 1943 г. они сообщали: « По данным нашей разведки в ночь с 3 на 4 июня был сброшен груз с двух самолетов на территорию деревни Прича Лесниченского района, без сигналов с земли. Груз подобран полицейскими деревни. Такие случаи не единичны. Прошу проверить. БАЛЫКОВ, ФИЛИМОНОВ»[*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 8*. Л. 83].

В другом случае радиостанция из соединения Коржа сообщала, что «в ночь на 16 февраля 1944 г. над площадкой прошел самолет, но груз не выбросил. На следующий день разведкой отряда было обнаружен один парашютный контейнер с грузом северо-западнее д. Рудня в районе г. Микашевичи. Охрана противника на ж.д. Микашевичи — Лунинец жгет костры. Видимо, летчик принял их сигналы за наши. Уточните у летчика, на какие сигналы и где он сбросил груз» [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 78*. Л. 187].

Крайне редко самолеты долетали в Западную Беларусь, тем ценнее были любые доставленные грузы, получаемые в Липичанской пуще, у слияния реки Щара с рекой Нёман. Так, 19 февраля 1944 г. командир щучинского межрайонного соединения А.С. Шупеня доносил в БШПД: «При выброске группа тов.

Веселова НКГБ принята на мою площадку благополучно, за исключением зама Веселова Донского, который получил перелом позвоночника. Питание рации, генератор, патроны ППШ захвачены партизанами ген. Капуста. Прошу сообщить Цанава о выброске груза и дать указание Капуста о прекращении захватничества» [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 60*. Л. 426].

Площадки (аэродромы в значительно меньшей степени ввиду того, что они находились под контролем местных бригад) становились ареной противостояния и прямого самозахвата полученных грузов. Это были не единичные случаи, например, 14 мая 1944 г. командир бригады Сокольчик сообщал в штаб БШПД: «У меня с Карабанем была одна площадка на двоих, несмотря на это весь груз, доставленный самолетом 27 апреля, Карабань забрал себе. Только по распоряжению Ганенко его разделили пополам, после чего Карабань ушел, выбрав себе другую площадку [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 65*. Л. 199]. В ночь на 10 мая Карабань на свою площадку получили 30 автоматов, 20 карабинов 4 пулемета, тол, гранаты (цифры неточны, так как приводятся Сокольчиком со слов других партизан, бывших на площадке Карабаня. — *Авт.*). В ночь на 12 мая я на свою площадку получил исключительно патроны, без гранат, оружия и тола. На мое предложение разделить ранее полученный груз Карабань категорически отказался несмотря на то, что у него на полученное оружие не хватало людей. Этим он срывает выполнение моего задания, так как с ничтожным и плохим вооружением без тола, рации и типографии мне трудно пройти в свой район и развернуть работу среди населения. Прошу заставить Карабаня выделить мне половину полученного оружия и тола» [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 65*. Л. 199].

Из-за аэродромов и площадок были столкновения не только на уровне белорусских отрядов и бригад, но и на уровне партизанских движений Беларуси и Украины. Так, за три дня до начала операции «Багратион», 19 июня 1944 г. Комаров —

псевдоним командира Пинского соединения Коржа — сообщал в БШПД: «Несмотря на ряд предупреждений командованию 1-й Украинской партизанской дивизии в ее полках и батальонах, расположенных в центре нашей партизанской зоны, не прекращается сильное пьянство и нетактичное поведение ее бойцов и командиров по отношению к партизанам моего соединения. Командование не принимает никаких мер. Батальон т. Шамайко оставшийся в районе моей площадки, нарушает установленные правила посадочной площадки. 16 июня начштаба батальона Морозов грозил коменданту моего аэродрома, что если костры не будут зажжены по его желанию, то он выдвинет батальон и будет жечь костры сам. Об этом Шамейко был мной предупрежден. Несмотря на то, что в ночь на 18 июня после того, как на аэродром была сброшена бомба, мною было дано приказание костры потушить. Увидев, что костры погашены, партизаны батальона открыли стрельбу из автоматов по команде и дали 8 автоматных очередей. Прошу привлечь виновных, на аэродром никого не пускаю и самолетов не принимаю» [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 57*. Л. 489].

Наличие самолетов на площадках и слабого контроля со стороны коменданта давало возможность улететь в советский тыл, для этого нужно было или договориться с экипажем, или при спешной загрузке самолета спрятаться среди вывозимых грузов. Так, например, в Москву улетел партизан Василий Быков из бригады им. Сталина, вслед за ним ушла срочная шифротелеграмма: «Прошу арестовать партизана Быкова Василия из бригады им. Сталина как самовольно улетевшего в советский тыл без документов в ночь на 20 июня. Блохин, Старовойнов» [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 108*. Л. 195].

Одной из серьезных проблем, которая выявилась перед комендантами аэродромов помимо «зайцев», была и проблема взяток для продвижения очереди на вылет. Ввиду крайне ограниченного количества аэродромов, с которых осуществлялся вывоз грузов и пассажиров на «Большую землю», и есте-

ственной невозможности лично контролировать организацию «очереди», коменданты, с согласия командования бригады, а зачастую и с их непосредственного направления во временное подчинение тех или иных людей, для контроля посадки и обеспечения вылета.

«Спрос» рождал не только «предложения», но иногда и прямые «требования». Так, за возможность «подвинуть» очередь на вылет, или же, наоборот, «гарантировать» вылет того или иного человека в советский тыл, на фоне длительного ожидания или отсутствия прямого указания командования, возникали желания «подзаработать». Как пример можно привести случай, который стал известен командованию БШПД от «Стулова и других», что работниками аэродрома Новоселье Малиновским и Срибло с вылетающих в советский тыл берутся взятки всякими ценностями и вылетает первым тот, кто дал большую взятку. Например, у Плешкова отобрали билет за то, что он не хотел подарить им револьвер, у Букашина отобрали часы. Требовалось срочно и негласно проверить эти сведения и в случае их подтверждения арестовать и наказать виновных [*НАРБ Ф. 1450. Оп. 23. Д. 111.* Л. 496].

Системный подход в обеспечении авиаперевозок в контексте приема грузов и самолетов стал реализовываться лишь осенью 1943 г. — менее чем за год до освобождения территории Беларуси. В короткий срок удалось подготовить группу специалистов и забросить ее к партизанам для выполнения задачи. Подготовленные специалисты взяли на себя наиболее ответственные задачи, став комендантами аэродромов, в то время как. Качественная подготовка и оборудование аэродромов и площадок повысили безопасность посадок самолетов и сохранность выброшенных грузов.

Источники и литература:

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ) Фонд 1450. Оп. 3. Д. 83.

2. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 4.
3. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 5.
4. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 8.
5. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 11.
6. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 57.
7. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 60.
8. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 65.
9. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 78.
10. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 108.
11. НАРБ Фонд 1450. Оп. 23. Д. 111.

Бабук А.В.

Владимир Высоцкий и Беларусь: рецепции в родословной, биографии, кинематографическом и поэтическом творчестве

Владимир Семенович Высоцкий является одним из самых узнаваемых артистов и поэтов оттепели 60-х и поздней советской эпохи. Его родословная, фильмы и песни имеют непосредственную связь в том числе и с белорусской землей. Автор статьи освещает эти связи и их влияние на творчество Высоцкого.

Ключевые слова: В.С. Высоцкий, Беларусь, В.Т. Туров, Великая Отечественная война, «остранение», «мир глазами героя», нарратив.

О связи В. С. Высоцкого и Беларуси написано множество воспоминаний, исследований, научных и газетных статей, публицистических эссе. Это работы В. М. Киени [*Киеня 1996*], А. З. Линкевича и В. К. Шакало [*Шакало 2020*], а также целая серия исследований, объединенных названием «Владимир Высоцкий. Белорусские страницы» [*Владимир Высоцкий1999*] и не только. В 2018 году, в год 80-летия со дня рождения артиста, состоялись Международная научно-практическая конференция «Владимир Высоцкий — поэт, актер, певец» в г. Гродно [*Автухович 2019*] и Белорусско-Российская общественно-практическая конференция г. Гомеле[*Шакало 2019*], в которых приняли участие потомки поэта, а также поэты, писатели, ученые, изучающие творчество В. С. Высоцкого и пишущие о нем книги. Все эти работы и мероприятия посвящены культурным и историко-биографическим исследованиям, связанным с поисками взаимосвязи личности поэта В. С. Высоцкого и Беларуси. Целью

данной статьи является систематизация этих имеющихся исследований для представления отражения Беларуси в творчестве Высоцкого как актера и поэта.

Родословная из Беларуси

Род В. С. Высоцкого берет свое начало в Высоко-Литовске — небольшом еврейском городе, расположенном в Брестской области, на самой западной точке Республики Беларусь. Когда-то здесь располагалось большое еврейское поселение. Именно в этот город, расположенный в западной части Российской империи, в конце XIX в. переселяется мещанин Шлиом (Семен), получивший фамилию от названия данного города — «*Высоцкий*» (рис. 1).

Из воспоминаний Ирэны Высоцкой, двоюродной сестры артиста, известно, что Семен Высоцкий был преподавателем русского языка, а также имел специальность стеклодува. Во время Первой мировой войны он умер от сахарной болезни в 1915 г. в Днепропетровске, куда был эвакуирован в дни наступления войск кайзеровской Германии под Брестом летом этого же года [*Высоцкая 2013*, с. 75].

В 1889 г. у Семена Высоцкого рождается сын Вольф (Владимир) — дед знаменитого артиста — человек аристократического духа, привлекательный внешней, достаточно темпераментный и страстный, что и сказалось на его дальнейшей жизни. Вольф Высоцкий обучался сначала на токаря, затем поступил в коммерческое училище Брест-Литовска (современного Бреста), Люблина (Польша) и затем подал документы в Киевский коммерческий институт на экономический факультет, по окончании которого поступил в аспирантуру и стал кандидатом экономических наук. В 1919 г. поступил также на юридический факультет Киевского университета. В Киеве в браке с Ириной Алексеевной Высоцкой (Дора Евсеевна Бронштейн), косметологом и медсестрой по профессии, 17 июня 1916 года рождается Семен Высоцкий (1916–1997), который переезжает в Москву для учебы в политехникуме связи и навсегда связывает свою жизнь с военным делом [*Зубрилина 1998*, с. 13]. В 1937 году Семен Высоцкий женится на Нине Максимовне Серегиной и переезжает с ней в тот самый «*дом на Первой Мещанской в конце*» [*Высоцкий 1994* т. 5, с. 47] — дом № 26 на Первой Мещанской улице (сейчас это проспект Мира) в г. Москве, где 25 января 1938 года суждено было родиться будущему артисту Владимиру Высоцкому.

Белорусская земля вдохновляет

С белорусской землей артиста Высоцкого связывает не только генезис родословной, но и его творческая карьера. Он неоднократно в Беларуси выступал с концертами, писал песни для фильмов киностудии «Беларусьфильм», такие как «Война под крышами», «Сыновья уходят в бой», и сам снимался в военном фильме «Я родом из детства», съемки которого проходили в г. Гродно в 1965 г. Все вышеназванные фильмы связаны с именем Виктора Турова — белорусского кинорежиссера и близкого друга Высоцкого, который специально приглашал знаменитого артиста в БССР для съемок в военных фильмах. Причем при-

глашение Высоцким было получено по инициативе самого же артиста, который всем сердцем полюбил белорусского режиссера с момента их знакомства. Именно Туров входил в число тех друзей, о которых Высоцкий охотно упоминал в своих публичных выступлениях. Их дружба продолжалась вплоть до самой смерти артиста.

Кроме Гродно, Высоцкий бывал в Бобруйске, Бресте, Новогрудке, Слониме, Минске. В г. Бобруйск и Слоним он приезжал также для съемок фильма «Я родом из детства» летом 1965 г. В Бресте впервые Высоцкий появился в 1947 году еще ребенком. Тогда он пересекал границу со своим отцом, который уже в звании майора с новой супругой Евгенией Степановой, мачехой маленького Владимира, в товарном вагоне ехал на оккупированную советскими войсками территорию Восточной Германии (Германская Демократическая Республика как государство образовалось только через два года. — *А. Б.*) для прохождения воинской службы. Уже во взрослом сознательном

возрасте Высоцкий впервые появился в Бресте на концерте как автор-исполнитель своих песен во время Первого всесоюзного слета участников похода по местам революционной, боевой и трудовой славы[*Цыбульский 2005*, с. 216]. В этом городе он также несколько раз пересекал границу для совершения поездок в Западную Европу, куда он ездил для отдыха со своей последней супругой Мариной Влади. Останавливался в Бресте артист, как правило, в гостинице «Буг», расположенной недалеко от железнодорожного вокзала. По инициативе руководства в этой гостинице была создана мемориальная комната, а также в первозданном виде с мебелью 70-х годов прошлого столетия сохранен номер 209, в котором четырежды останавливался советский артист: 13 сентября 1970 г., 18 апреля 1973 г., 16 мая 1976 г. и 9 июля 1978 г (рис. 2). В Новогрудок летом 1968 г. артист приезжал вместе с Мариной Влади для съемок в фильме «Сыновья уходят в бой», проходившие на озере Свитязь [*Владимир Высоцкий 2020*, с. 136–144] с участием белорусского писателя Алеся Адамовича, по мотивам повести («Партизаны») которого снимался фильм. Минск Высоцкий также посещал во время съемок фильмов Виктора Турова и вместе с гастролями московского Театра на Таганке, в котором служил актером на постоянной основе. Однако больше всего посещение белорусской столицы запомнилось зрителям летом 1979 года, когда артист приезжал специально для концертов со своей авторской песней. По свидетельству очевидцев на этом концерте Высоцкий пел более 50 минут «без перерывов и разговоров» [*Шакало 1999*, с. 68], а в конце с ним случился приступ на почве алкогольного отравления, после которого он улетел в Москву и, оказавшись на грани жизни и смерти, был в срочном порядке госпитализирован.

На белорусскую землю Высоцкий также приезжал для собственного успокоения, оздоровления и получения творческого вдохновения «в минуту жизни трудную». Именно для этих целей он посещал Беларусь в 1970-е годы с Мариной Влади

(рис. 3), которая его опекала после очередного приступа: «Твое выздоровление продолжается в Белоруссии. Один из друзей — Виктор Туров, у которого ты снимался в партизанах, — привозит нас в деревню, уцелевшую в войне, где мы останавливаемся у милой бабки. Изба крошечная, зато есть хороший огород, а коза дает достаточно молока, чтобы каждое утро ты выпивал его, еще теплого, большую кружку. Мы проводим дни в прогулках по окрестностям. Витя показывает нам места, где четверть века назад шли жестокие сражения…» [*Влади 1989*, с. 29]. «Обугленные развалины деревень», «партизанские стоянки, поросшие травой» — это то, что видел Высоцкий во время прогулок по сожженным фашистами белорусским деревням.

Вдохновение, которое черпал Высоцкий на белорусской земле, касается не только гастролей и киносъемок, но и поэтического творчества. Так, в перерыве на съемках фильма «Я родом из детства» в апреле-мае 1965 г. Высоцкий написал «Песню о сентиментальном боксере», которая изображает боксера, преодолевшего себя и победившего соперника в тяжелой схватке на ринге. Прототипом противника в этой песне является реальный персонаж актер Борис Буткеев, который действительно зани-

мался боксом и которого обокрали во время гастролей Театра на Таганке в Сухуми в 1966 г. [*Крылов 2010*, с. 188]. Бытует мнение, что Высоцкий создал эту песню целенаправленно, чтобы утешить своего коллегу:

Удар, удар, ещё удар,
Опять удар… И вот —
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот [*Высоцкий 1994*, т. 1, с. 199].

Преодоление героем самого себя и своих слабостей изображается автором с помощью литературного приема иронии, который используется с целью обыгрывания клише советской журналистики того времени о том, что «*бокс не драка, это спорт Отважных*» [*Высоцкий 1994*, т. 1, с. 200].

В первоначальной черновой редакции песня изображает героя, одержавшего победу путем преодоления своих сентиментальных переживаний под вдохновением и положительным влиянием опытного спортивного тренера:

Мой тренер махал, а мне это — я знал,
Как мертвому, значит, припарка.
Он, видно, шептал, полотенцем, маша,
Что жить хорошо и жизнь хороша… [*Шакало 1999*, с. 117].

Однако в окончательную редакцию песни вошел текст, где лирический герой, проявив немного терпения и выдержки, в итоге одержал на боксерском ринге победу, а противник физически сам себя истощил:

Вот он ударил — раз, два, три —
сам лишился сил,
Мне руку поднял рефери,
Которой я не бил.
Лежал он и думал, что жизнь хороша.
Кому — хороша, а кому — ни шиша! [*Высоцкий 1994*, т. 1, с. 200].

Песни Высоцкого, написанные для Виктора Турова, звучали не только в кинокартинах о Великой Отечественной войне. Так, песня «Белый вальс», созданная специально по заказу для «Точ-

ки отсчета» — фильма о советских военнослужащих воздушно-десантных войск, по каким-то неизвестным причинам не звучала. Но в этой кинокартине в исполнении супруги Марины Влади звучат написанные от женского лица песни Высоцкого «Мы вас ждем», «Песня о двух красивых автомобилях», а также «Затяжной прыжок» в непосредственном исполнении самого автора.

Существует также поверие, что неоднократные поездки Высоцкого в Беларусь стали поводом для возникновения неоконченной песни *«Экспресс Москва-Варшава. Тринадцатое место…»*, касающейся разговора лирического героя с попутчиком майором, который ехал служить в армию под Берлин. Можно предположить, что мотивом песни стали воспоминания о совместном путешествии еще маленького Владимира Высоцкого с отцом Семеном Владимировичем в Германию.

Кроме того, именно путешествие по Беларуси привело к появлению в творчестве В. С. Высоцкого стихотворения *«Ожидание длилось…»*, которое возникло под влиянием вдохновения от первой поездки артиста за рубеж вместе с супругой Мариной Влади — *«единственной женщиной рядом»* [*Высоцкий 1994*, т. 4, с. 45]. Лирический сюжет стихотворения был навеян долгим ожиданием женитьбы и предстоящей совместной поездки, поскольку Высоцкого, как известно, долго не пускали за рубеж. Однако, пользуясь своими знакомствами в дипломатических кругах, Марина Влади с большим трудом помогла Высоцкому открыть визу в Западную Европу, благодаря которой артист смог побывать по ту сторону «железного занавеса». На время этой поездки в 1973 году приходится пик гастрольной деятельности артиста [*Раззаков 2004*, с. 170], Высоцкий посетил четыре страны — Беларусь, Польшу, Германию и Францию. Об этом свидетельствуют следующие строки вышеупомянутого стихотворения:

Ожидание длилось,
а проводы были недолги —
Пожелали друзья:
«В добрый путь! Чтобы всё — без помех!»

И четыре страны
предо мной расстелили дороги,
И четыре границы
шлагбаумы подняли вверх.
Тени голых берез
добровольно легли под колёса,
Залоснилось шоссе
и штыком заострилось вдали [*Высоцкий 1994*, т. 4, с. 43].

И в этом смысле для Высоцкого Беларусь ассоциировалась с дорогой и путешествием, на что указывают в том числе и строки такого стихотворения как «*Дороги… Дороги…*»:

Ах, дороги узкие —
Вкось, наперерез!
Версты белорусские
С ухабами и без [*Высоцкий 1994*, т. 4, с. 59].

Так Беларусь для Высоцкого в геолокационном смысле стала «окном в Европу», куда он благодаря усилиям Марины Влади стал ездить для зарубежных гастролей, совместного отдыха и покупки своей знаменитой машины Mercedes-Benz W116, на которой он проездил до января 1980 г. (сейчас этот автомобиль находится в музее Высоцкого в Екатеринбурге — *А. Б.*). В. С. Высоцкий был настоящим русским человеком, который любил быструю езду и ездил «*без запретов и следов, // об асфальт сжигая шины*» [*Высоцкий 1994*, т. 2, с. 219]. Недаром в репертуаре поэта имеются песни об автомобилях и автолюбителях.

Высоцкий и Великая Отечественная война

Великая Отечественная война — это проблематика, через которую является вся антропология и идентичность современного белорусского народа. Можно сказать, что идентичность семьи Высоцких тоже произрастает из событий Великой Отечественной войны, чему способствовал ряд причин.

Во-первых, в Высоком, откуда начинается родословное гнездо знаменитого артиста согласно архивным данным, с лета 1941 по январь 1942 г. находилось еврейское (Высочанское) гетто, организованное фашистами (рис. 4). Там было убито около 320 евреев, а более 3600 евреев находилось в качестве узников [*Адамушко 2001*, с. 12–13]. Не исключено, что среди этих узников могли быть и далекие родственники В. С. Высоцкого.

Во-вторых, все близкие родственники артиста имеют отношение к этому событию, о чем он сам неоднократно рассказывал на своих концертах: так, Семен Высоцкий, отец артиста, был оборонцем Москвы и освободителем Донбасса, Львова, Праги и других городов; дядя, Алексей Высоцкий, служил артиллеристом и дошел до Берлина; Нина Максимовна, мать Высоцкого, после начала войны «занималась составлением карт для действующей армии» [*Зубрилина 1998*, с. 17] путем перевода с немецкого языка на русский; Александра Владимировна Высоцкая, жена брата Семена Владимировича и тетя артиста, служила на фронте медиком и получила тяжелые ранения летом 1942 г. во время перевозки раненых из санчасти; бабушка Высоцкого Ирина Алексеевна, проживала в 1941–1942 гг. в оккупированном немцами Киеве (она вынуждена была выправить документы и стать Дарьей Алексеевной Семененко, чтобы скрыть от фашистов свое еврейское происхождение. — *А.Б.*).

В-третьих, онтогенез и взросление будущего артиста проходили в обстреливаемой немцами Москве, поэтому Высоцкий хорошо помнил, как вместе со взрослыми носил на чердак своего дома запасы песка и воды, с помощью которых тушили зажигательные бомбы, сбрасываемые на Москву немецкими самолетами, о чем свидетельствуют следующие строки песни «Баллада о детстве»:

Да, не все то, что сверху — от Бога,
И народ «зажигалки» тушил:
И, как малая фронту подмога, —
Мой песок и дырявый кувшин… [*Высоцкий 1994*, т. 5, с. 48].

Маленький Владимир также хорошо помнил, как в 1941 году провожал отца на фронт, когда родители посадили его с отцом в поезд, а затем под предлогом погулять по перрону попросили выйти, в результате чего он с отъезжающим на фронт отцом так и не успел попрощаться. Сердце маленького ребенка было переполнено обидой, когда глаза увидели, как поезд тронулся, и отец в это время махал платком, прощаясь с сыном и будто видясь с ним в последний раз.

Приезд Высоцкого в БССР для съемок в военных фильмах Виктора Турова заключается в интересе артиста к личности самого Виктора Турова, у которого было довольно тяжёлое детство. Как сообщает сам Высоцкий в одном из своих выступ-

лений, «на его глазах казнили отца немцы, он был партизаном. Потом их угнали с матерью в Германию, когда ему было семь лет. Потом он в девятилетнем возрасте полгода добирался через всю Европу, пацаном, и дошёл до своего родного Могилёва, и встретил там мать. И вот у него сохранилось это удивительное восприятие, детское восприятие военных лет, конца войны…» [*Фонограмма выступления 1970*]. Именно детское восприятие войны стало основой сюжета фильма «Я родом из детства», где Высоцкий играет капитана-танкиста, который вернулся домой раненый после войны, пролежав какое-то время в госпитале. Фильм снимали в Гродно на месте современной улице Молодежной, где расположен Бригитский монастырь (рис. 5).

Тема Великой Отечественной войны рупором проходит через все поэтическое творчество Высоцкого. Она принесла артисту известность и создала полярность в советской культуре несмотря на господствующую в то время цензуру. «Братские могилы», «Высота», «Холода, холода…», «Сыновья уходят в бой», «Аисты», «Песня о новом времени», «Он не вернулся из боя», «Песня о земле», «Штрафные батальоны» — это все песни Высоцкого, которые звучат в военных фильмах Виктора Турова.

Слушая истории еще живых очевидцев событий, гуляя по обугленным деревням, снимаясь в военных фильмах и зная о том, что в Великой Отечественной войне погиб каждый третий белорус, Высоцкий черпал вдохновение для своих песен именно на белорусской земле, вне зависимости от месторасположения, *«будь то Минск, будь то Брест»* [*Высоцкий 1994*, т. 1, с. 172]. Неслучайно именно в Беларуси у Высоцкого рождаются темы «большинства песен военного цикла» [*Влади 1989*, с. 30], как справедливо отмечает Марина Влади в своих воспоминаниях. Так, например, песня *«Аисты»* символично описывает внезапно нарушенный покой, который прерван окончанием мирной жизни и началом войны. Символом этой внезапно оборвавшейся мирной жизни, как замечает сам Высоцкий, являются аисты (*«буслы»* по-белорусски. — *А. Б.*), которые больше не вьют гнезда на крышах домов [*Киеня 1996*, с. 28]:

Небо этого дня ясное,
Но теперь в нём броня лязгает.
А по нашей земле гул стоит,
И деревья в смоле — грустно им.
Дым и пепел встают — как кресты.
Гнёзд по крышам не вьют аисты [*Высоцкий 1994*, т. 2, с. 49].

С воспоминаниями о событиях Великой Отечественной войны на Беларуси косвенно связана также песня Высоцкого *«Солдаты группы "Центр"»*, лирическими героями которой являются немецкие солдаты-оккупанты, гордо шагающие и на-

ступающие по советской территории в 1941 г. Согласно плану Барбаросса группа армий «Центр» под командованием генерала-фельдмаршала фон Бока ставила своей целью «уничтожение основных, наиболее мощных сил Советов, их моторизированных и танковых бригад, рассредоточенных в треугольнике Брест — Вильнюс — Смоленск» [*Карелл 2003*, с. 11], когда группа армий «Юг» сосредоточила свои усилия на том, чтобы овладеть Киевом и Западной Украиной (рис. 6). Высоцкий бессознательно в этой песне упоминает Украину, а не Беларусь, поскольку поэт действительно предполагал, что по территории Украины шагали немецкие солдаты, которые относились не только к группе армий «Юг», но и к группе армий «Центр». Однако, когда правда Высоцкому была открыта, он не стал редактировать песню с целью сохранения ритма семантического

ареола метра в стихотворении, образно напоминающем движение затвора в оружии немецкого солдата:

По выжженной равнине —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр» [*Высоцкий 1994*, т. 1, с. 158].

Художественный прием в поэтике Высоцкого

Изучая биографию и творчество Высоцкого не только как артиста, но и как поэта, стоит сказать несколько слов о специфике особого литературного приема, который он использовал в своих песнях и стихотворениях и о котором он сам неоднократно рассказывал на своих концертах и во время интервью. При погружении в архитектонику образных песен Высоцкого о Великой Отечественной войне у читателя (слушателя) создается впечатление, будто автор действительно сам участвовал во всех боевых сражениях и операциях, упоминаемых в песнях:

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих…
Всё теперь — одному, только кажется мне —
Это я не вернулся из боя [*Высоцкий 1994*, т. 2, с. 203].

Причем использование этого приема касается не только военных песен, но и тех, в которых лирическими героями становятся представители иных различных занятий и профессий — ученые, спортсмены, шахтеры, подводники и т.д.:

Нас тянет на дно, как балласты,
Мы цепки, легки, как фаланги,
А ноги закованы в ласты,
А наши тела — в аквалангu.
В пучину не просто полезли,
Сжимаем до судорог скулы,
Боимся кессонной болезни
И, может, немного — акулы [*Высоцкий 1994*, т. 2, с. 111].

Своеобразие поэтического приема В. С. Высоцкого заключается в том, что он как автор должен был «влезть в шкуру персонажей» [*Влади 1989*, с. 29], в которых сам участия не принимал, что он справедливо отметил во время встречи с Генеральном Секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым. Такое «сживание» поэта со своим лирическим героем достигается за счет феноменологии используемого литературного приема, именуемого «остранение», когда автор ведет повествование от первого лица, в роли которого выступает какая-то вещь, или животное («Золотой осел» Апулея), или протагонист («Исповедь» Ж.-Ж. Руссо), о котором говорится в произведении, тем самым делая это произведение «странным», необычным. Вот как, например, лирический нарратив героя Высоцкого произрастает из повествования от имени самолета в знаменитой песне «ЯК-истребитель»:

Я — «ЯК» — истребитель, мотор мой звенит,
Небо — моя обитель.
А тот, который во мне сидит,
Считает, что — он истребитель.
В этом бою мною «юнкерс» сбит, —
Я сделал с ним, что хотел.
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел! [*Высоцкий 1994*, т. 2, с. 87]

Использованный Высоцким прием в науке получил название «мир глазами героя», когда сам автор посредством остранения предоставляет читателю возможность самому пережить «ощущение вещи как видение, а не как узнавание» [*Шкловский 1929*, с. 13], т.е. осмыслить все события изнутри, полностью, экзистенциально погружаясь в них (еще при жизни поэта песни Высоцкого называли песнями-монологами. — *А. Б.*). При этом сам же прием остранения исключает автора-исполнителя как посреднический фактор, поскольку осуществляет диссоциацию не только читателя (слушателя) с реальностью, который экзистенциально переживает воспринимаемые им

поэтические мотивы и образы, но полностью погружается в мир главного героя за счет непосредственного восприятия, достигаемого путем чтения произведения, написанного от первого лица. Такая нарратологическая особенность песен Высоцкого, имеющая интенциональный характер, приводит к тому, что читатель (слушатель) отождествляет в том числе и самого автора с теми героями, от лица которых ведется повествование, о чем сам поэт заявляет на фонограмме своего знаменитого выступления в передаче «Монолог» цикла телепередач «Кинопанорама» 1980 г. выпуска [*Кинопанорама 1980*].

Еще одним приемом Высоцкого является наличие яркого контраста, выраженного в антагонизме противоположных по своей сути образов войны и мира, рая и ада, жизни и смерти, взлета и падения, изначально присутствующих в стилевом поэтическом единстве «блатных» и военных песен. Такая дихотомия, как колеблющийся над бездной маятник, раскачивающий жизнь лирического героя то в одну, то в другую сторону словно линия электрокардиограммы активно бьющегося сердца, проходит через все творчество поэта:

Я признаюсь вам, как на духу:
Такова вся спортивная жизнь —
Лишь мгновение ты наверху
И — стремительно падаешь вниз [*Высоцкий 1994*, т. 2, с. 261].

Это образное колебание поэтического маятника, в свою очередь, выражено с помощью театрализованной маски, созданной, как пишет С. М. Шаулов, сперва в «блатных» песнях, а затем заставляющей героя вернуться к своему прошлому и заново пережить его, через него обратиться к истории народа, страны и общества [*Шаулов 2001*, с. 113]. И тем самым, на наш взгляд, автор с помощью своих мотивов и образов, используя остранение, пытается коснуться в том числе и истории Великой Отечественной войны. В этом символично качающемся маятнике образно выражена не только поэтика, но и сама жизнь

Высоцкого, которая внезапно оборвалась на 43-м году, в июле 1980 г.

Таким образом, Высоцкого с Беларусью связывают родословные, историко-культурные, геолокационные, поэтические и экзистенциальные узы. Родословные узы выражаются в происхождении его рода из городов, расположенных на юго-западе современной Беларуси — Высоко-Литовска и Бреста. Историко-культурная взаимосвязь Высоцкого с Беларусью обеспечивается тем, что его род и семья прошли через тяжелые испытания Великой Отечественной войны, что в значительной степени отразилось как на его карьере как актера, так и на его поэтическом творчестве, поскольку он приезжал в Беларусь как для съемок в военных кинофильмах Виктора Турова, так и для осуществления гастролей. Геолокационные узы Высоцкого связывают с Беларусью путешествиями, которые он осуществлял за границу транзитом через белорусскую землю как в детстве с отцом, так и во взрослой жизни с Мариной Влади для гастролей и отдыха. Тесная связь белорусского народа с темой Великой Отечественной войны побудила Высоцкого сочинять военные песни именно во время поездок по территории Беларуси. Погружение Высоцкого в тематику сочиняемых им песен, поэтически передаваемых с помощью литературного приема остранения и «мир глазами героя», является настолько глубоким, что заставляет читателя (слушателя) сживаться с лирическим героем, отождествлять самого автора с лирическими героями и самостоятельно экзистенциально переживать описываемые в песнях события.

Источники и литература:

1. *Адамушко В. И.* Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 / В. И. Адамушко, О. В. Бирюкова, В. П. Крюк, Г. А. Кудрякова. — Минск: Национальный архив

Республики Беларусь, Государственный комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, 2001.
2. Владимир Высоцкий / Сост. В. К. Шакало. — Минск, 2019.
3. Владимир Высоцкий. Беларусь. Любовь с первого взгляда. Минск, 2020.
4. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы / Сост. В. К. Шакало, А. З. Линкевич. — Минск, 1999.
5. Владимир Высоцкий: поэт, актер, певец: сб. науч. ст. / Под ред. Т. А. Автухович. — Гродно, 2019.
6. *Высоцкая И. А.* Мой брат Владимир Высоцкий. У истоков таланта. М., 2013.
7. *Высоцкий В. С.* Собрание соч. в 7 т. М., 1994.
8. *Зубрилина С. Н.* Владимир Высоцкий: страницы биографии. Ростов-н/Д., 1998.
9. *Карелл П.* «Барабаросса»: от Бреста до Москвы. Смоленск, 2003.
10. *Киеня М. В.* Владимир Высоцкий и Беларусь. Гомель, 1996.
11. Кинопанорама. Монолог. Высоцкий. 1980 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=n8j3gt35Fd8. Дата доступа: 25.09.2021.
12. *Крылов А. Е.* Высоцкий как энциклопедия советской жизни. М., 2010.
13. *Раззаков Ф. И.* Владимир Высоцкий. По лезвию бритвы. М., 2004.
14. *Скобелев А. В.* Владимир Высоцкий: мир и слово. Уфа, 2001.
15. Фонограмма выступления. Усть-Каменогорск, Казахстан. Строительно-дорожный институт, 14.10.1970 г.
16. *Цыбульский М. И.* Жизнь и путешествия В. Высоцкого. Ростов-н/Д., 2005.
17. *Шкловский В. Б.* О теории прозы. М., 1929.

Почобут Н.А.

Музеефикация памятников археологии в культуре Беларуси XX — начала XXI века

Музеефикация памятников археологии в Беларуси рассматривается автором как феномен культуры 2-й пол. XX — нач. XXI ст. Он получил своё наибольшее развитие в 1970–1990-е гг. в ходе создания ряда филиалов областных музеев и историко-культурных заповедников на основе сохраненных in situ уникальных памятников археологии. В начале 2000-х гг. продолжилось осуществление уже ставших традиционными проектов музеефикации и появление комплексов на основе памятников археологии, выполняющих главным образом культурно-образовательные и рекреационные функции.

Ключевые слова: музеи, Беларусь, музеефикация, археологическое наследие.

Благодаря музеефикации (созданию музея) археологический памятник сохраняет свое научное значение, продолжает изучаться и приобретает социальные функции — документирует явления, образовывает, воспитывает, поскольку становится доступным широкому кругу людей. Культурный потенциал таких сохраненных для общества объектов объясняется особенной специфической средой соприкосновения с культурой ушедшей.

Появление археологических музеев in situ в Беларуси — это явление, принадлежащее исключительно XX–XXI столетиям. Оно зародилось в 1930-е гг. и получило наибольшее развитие в конце 1970-х и в 1980-е гг. В истории отечественного музей-

ного строительства музеефикация археологических памятников проявилась в создании целого ряда оригинальных проектов: Старый замок в Гродно (1939, 1951), музей «Берестье» (1982), археологический музей в Витебске (1982–1992), Софийский собор в Полоцке (1987), церковь в Турове (2005), «Духовской круглик» в Витебске (2007), археологический музей в Мстиславле (2016), комплекс «Город радимичей» в аг. Радомля (2014), археологический музей «Верхний город» в Минске (2018), археологический комплекс в аг. Каменюки (2020). На протяжении многих лет велись исследования и разрабатывались проекты музеефикации Минского замчища (1957–2009), городища Замэчак в Заславле (1977–1996), территории неолитических шахт в г. п. Красносельский (1965–1984). Основной экспозиции этих музеев выступали памятники археологии. В 2009 г. разработан проект «Минское замчище. Национальный историко-археологический центр», вызвавший дискуссию и отложенный для переработки.

Подробная характеристика проектов археологических музеев БССР в контексте истории белорусской археологии и охраны археологического наследия изложена нами в специальной монографии[*Почобут 2019*]. Обрисуем лишь типы проектов и новые музеи, которые появились после провозглашения Республики Беларусь. Так, Гродненский государственный историко-археологический музей стал первым музеем этого профиля (1945) в Беларуси и первым отечественным музеем, осуществившим музеефикацию памятника вскрытого архитектурной археологией — древнерусской церкви XII века на бывшем детинце Гродно. После завершения археологических исследований под руководством заведующего сектором Древней Руси ИИМК АН СССР Н. Н. Воронина, над ней был построен в 1949 г. павильон и обеспечена научная консервация (1951), что только отчасти воплотило изначально поставленные масштабные задачи по музеефикации [*Почобут 2019*,

с. 94]. На территории детинца летописного Менска (замчища) в 1946–1951 гг. были вскрыты городская деревянная застройка, остатки ранее неизвестного каменного храма, а в 1957 г. утвержден архитектурный проект постоянного павильона над ним (автор архитектор Л. Н. Погорелов). В 1950-е гг. в городе Минске по итогам раскопок В. Р. Тарасаенко, археолога Института истории АН БССР, было сформулировано предложение о создании музея in situ. К сожалению, к этой идее власти не пожелали в то время прислушаться и построили на важнейшем историческом месте столицы Дом физкультуры спортивного общества «Трудовые резервы» (1957) с подземным бассейном. [*Почобут 2019*, с. 79].

Первым в СССР опытом музеефикации восточнославянского города периода XIII в. и наиболее успешным проектом в Беларуси стал Археологический музей «Берестье». Автор идеи, создатель музея — П. Ф. Лысенко, сотрудник Института истории АН БССР. Музей «Берестье» открылся в 1982 г. Его общая экспозиционная площадь составила 1300 м^2. В СССР открытию музея придавалось большое пропагандистское и политическое значение, поскольку в польской историографии зачастую отрицалось древнерусское, восточнославянское происхождение Бреста. Проводимые Петром Фёдоровичем многолетние исследования 1969–1982, 1992 гг. подтвердили существование города, упомянутого в «Повести временных лет» под 1019 г. Основной экспозицией стал археологический раскоп площадью 1118 м^2 с законсервированными ремесленным кварталом конца XIII в. — 28 жилых и хозяйственных построек, 2 улицы, частокол, остатки глинобитных печей. Рядом с ним в витринах демонстрируются археологические находки XI–XIV вв. (1200 экспонатов), рассказывающие о жизни средневекового славянского города [*Лысенко 2012*].

По примеру «Берестья» в 1980-е гг. строился «Археологичский музей деревянных построек древнего Витебска» — филиал Витебского областного краеведческого музея площадью

240 м^2. Музей работал в незавершённом виде в течение семи лет. В музейном комплексе предусматривалось строительство двух капитальных музейных павильонов: «Древний Витебск XIII–XIV вв.» — на территории Верхнего замка и «Оборонительный вал XII в.» — над оригинальным укреплением древнерусского времени (автор проекта павильона архитектор Е. К. Колбович). Создатель музея и автор раскопок, открывший для широкого круга зрителей средневековый Витебск, — Л. В. Колединский (Институт истории АН БССР). Возведенный 8 октября 1982 г. музейный павильон представлял собой легкую деревянную конструкцию с двухскатной кровлей, приподнятой над современной поверхностью, был электрифицирован, обеспечен водооткачивающим механизмом. Он позволял посетителям вместе с экскурсоводом ознакомиться с исторической топографией, планировкой и застройкой, материальной культурой, хозяйством и бытом витеблян. В музее экспонировались 11 построек [*Колединский 2014*].

Самым масштабным по планируемым под музеефикацию площадям и наименее результативным с точки зрения практики был проект Музея древнего Минска (1980-е гг., авторы Л. Д. Поболь, Г. В. Штыхов, Институт истории АН БССР). Он предполагал восстановление исторической ландшафтной ситуации периода Высокого Средневековья при впадении р. Немиги в р. Свислочь, сохранение под куполом огромного археологического раскопа, создание модели храма конца XI – начала XII в. в натуральный размер и реконструкцию въездных ворот детинца, а также строительство капитального здания для хранения и экспонирования коллекций. В начале 2000-х гг. ведущие институты страны разработали и представили свои концепции реконструкции исторического центра Минска. Победил проект 2009 г., выполненный УП«Минскпроект», заказчиком которого выступила КУП «Минская спадчина». В 2013 г. Министерство культуры приняло решение о необходимости доработки концепции музеефикации. Проект предусматривал создание исто-

рико-археологического музейного комплекса вдоль р. Свислочь от станции метро «Немига» до Дворца спорта на проспекте Победителей. Комплекс мог состоять из трех основных частей: археологического музея на правом берегу Свислочи, напротив Троицкого предместья; модели города Менска XII в. на месте здания Республиканского центра физического воспитания учащихся и студентов; торговой и рекреационная зоны на пл. 8-го Марта [*Минское замчище 2009*, с. 3–8].

С 1988 по 1996 г. в историко-культурном заповеднике «Заславль» делались попытки подойти к организации археологического музея. Первый проект Музея истории древнего города содержал подобную идею использования реконструктивно-археологического моделирования для музеефикации городища в Заславле. Концепция принадлежала археологу Ю. А. Заяцу из Института истории АН БССР. Она предусматривала восстановление въездной башни и оборонительных сооружений древнерусского города Изяславля. Идея археологической музеефикации не была претворена в жизнь, был создан музей истории ремёсел на основе богатейших археологических коллекций из раскопок городов Беларуси [*Казлоўскі 2011*].

Музей истории архитектуры Софийского собора в Полоцке организовывался с учётом необходимости музеефикации древнейшего храма Беларуси. Он открылся в 1987 г. благодаря работе коллектива архитекторов, исскуствоведов, археологов: П. А. Раппопорт, В. А. Булкин (ленинградские специалисты), В. Г. Слюнченко, мастерские Министерства культуры БССР, и научных сотрудников заповедника. Музей объединил далекие по времени памятники XI, XV–XVIII вв. Экспозиция состоит из двух основных разделов: «Архитектура и художественное убранство древнего храма» на площади верхнего и нижнего залов и «Архитектура и художественное особенности Софийского собора XV–XVIII вв.» в верхнем зале [*Почобут 2019*, с. 84–86].

В 1970-е гг. мог появиться музей «Древние шахты Белоруссии» на месте крупного кремнедобывающего комплекса конца каменного века и эпохи бронзы (3,5–1,2 тыс. лет до н. э.) возле г. п. Красносельский Волковысского района Гродненской области. Красносельские шахты являются единственными глубокими подземными выработками в Восточной Европе. Проект музея был создан сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Н. Н. Гуриной в 1970 г., отличался акцентом на мероприятия по обеспечению туристической инфраструктуры. Реализацию его остановило лишь отсутствие методики консервации меловых стенок шахт [*Почобут 2012*, с. 230–231].

После распада Советского Союза все разрабатываемые в нашей республике проекты были свернуты, существенные изменения произошли только в начале 2000-х годов. К 1000-летию Туровской епархии и 1025-летию древнего Турова было приурочено полное открытие остатков храма XII в. с возведением музейного павильона. Церковь была известна по исследованиям М. К. Каргера в 1962–1963 гг. Раскопки в 2005 г., проведенные для полного раскрытия сохранившихся объемов этого памятника под руководством доктора исторических наук профессора П. Ф. Лысенко, позволили создать новый туристический объект, отдел Туровского краеведческого музея. Известно, что храм функционировал с 1170-х гг. по 1230 г. и был разрушен Карпатским землетрясением. Открытие музеефицированного объекта состоялось в сентябре 2005 г. В пределах павильона находится объем трехнефного трехапсидного шестистолпного храма, экспозиция музея иллюстрирует историю княжеского центра — Турова IX–XIII вв. Проект здания разработал ПИКП «Полесьепроект»в Мозыре [*Лысенка 2011*, с. 355]. В 2007 г. в Витебске был сдан в эксплуатацию выставочный зал городского Центра культуры «*Духовской круглик*». Первый этаж занимают остатки каменной «Нарожной» башни и оборонительных стен XIV века, открытые в 1984 г. археологами

М. А. Ткачёвым и Т. С. Бубенькой. Какое-либо восстановление каменной башни было отклонено экспертами Министерства культуры из-за плохой сохранности аутентичных остатков, отсутствия иконографических сведений и исторических описаний. Остановились на возведении новодела башни, которая имеет 5 уровней и музеефицированный объект. Проект исполнен архитектором Р. Ляденко.

На Замковой горе в Мстиславле, на правом возвышенном берегу р. Вихра, в 2014–2016 гг. под руководством археолога доктора исторических наук И. А. Марзалюка создан археологический музей. В экспозицию входит павильон над открытыми и законсервированными по методу археолога Л. В. Колединского сооружениями средневековой застройки. Среди аутентичных археологических объектов внутренние дубовые конструкции оборонительного вала детинца Мстиславля, относящиеся к XI в., участок уличной мостовой, дворовые вымостки и срубные постройки XIII века. В ходе музеефикации были созданы в натуральную величину реконструкции построек хозяйственного назначения и жилой дом XII — начала XIV вв., который выполняет функции павильона над археологическим раскопом. Руководствуясь данным, полученными известным российским археологом Л. В. Алексеевым, который исследовал Мстиславль более 20 лет, воссоздана восьмиугольная башня-ротонда конца XV– XVI вв. Открывает комплекс въездная трехъярусная брама и «городни» с галереями [*Кулягин 2019*].

Следует упомянуть о музеефикации в 2014 г. исторического поселения радимичей в агрогородке Радомля Чаусского района Могилевской области. Под руководством Л. В. Колединского были возведены три полуземлянки радимичей, соответствующие периоду X — начала XI вв. В интерьере срубов установлены полати, лавы, воссозданы глинобитные печи. На территории культурно-образовательного комплекса под открытым небом размещены реконструкции объектов капища. Ежегодно он становится местом проведения этнопраздника

«В гости к радимичам», посвященного эпохе Средневековья, стал туристическим брендом района [*Уникальный опыт 2019*]. Подобным по форме работы является созданный в Беловежской пуще возле аг. Каменюки Археологический музей под открытым небом (2020). Реконструкции жилищ и подворий иллюстрируют стоянки и поселения ряда археологических культур каменного, бронзового и железного веков по примеру тех, которые хорошо исследованы в Беларуси и на сопредельных территориях.

В Минске на пл. Свободы над вскрытыми остатками здания бернардинского монастыря создан Археологический музей «Верхний город» на основе объектов раскопок *in situ*. Исследователи — археологи Ю. В. Колоссовский и А. В. Войтехович Института истории НАН Беларуси. Раскоп 2007 г. был разработан на глубину 3 м, включая самый ранний культурный пласт XII в. Построен типичный музей средневекового города, отражающий развитие населенного пункта с XII по XIX в. В экспозиционных залах в 2019 г. воссозданы торговые ряды, мастерские ремесленников, гостиный двор, пекарня, монашеская келья. В музее размещены и материалы многолетних раскопок советского времени на детинце Минска. Научно обоснованным и, безусловно, наиболее перспективным для осуществления на территории исторического центра г. Минска является разработанный в 2013 г. «Эскизный проект реставрации жилых и гражданских зданий на Нижнем и Мясном рынках», в который включены в том числе модели археологических объектов: брама, оборонительный вал и застройка минской крепости XII–XIII вв. Проект предложен Белорусским добровольным обществом охраны памятников истории и культуры. Предусматривает воссоздание планировочной структуры и застройки улиц, старейших минских рынков согласно сохранившимся нарративным источникам. Авторы — председатель совета общества этнолог А. В. Астапович, архитекторы А. С. Вантух, А. С. Лари.

В заключение отметим, что музеефикация памятников археологии — феномен культуры XX — начала XXI столетий. В музейной сфере Беларуси данное явление поспособствовало появлению музеев средневекового города (Брест, Витебск, Минск, Мстиславль), музеев сакрального памятника (Гродно, Полоцк, Туров), культурно-образовательных археологических комплексов (Радомля, Каменюки).

Источники и литература:

1. *Казлоўскі В. І.* Музеефікацыя гарадзішча «Замэчак»: гісторыя пытання, актуальнасць, прапанова па архітэктурным вырашэнні // Старажытныя гарады. Праблемы даследавання, музеефікацыі, захавання помнікаў і гістарычных тэрыторый: матэрыялы канф. Заслаўе, 2011.
2. *Калядзінскі Л.* Верхні замак Віцебска: археалагічнае вывучэнне і праблема захавання (канец XIX — канец XX стст.) // Arche Пачатак. 2014. № 3: Віцебскія гісторыі.
3. *Кулягин С.* Хранитель памяти (интервью Игоря Марзалюка, 17.12.2015 г.) / БЕЛТА (https://www.belta.by/interview/view/hranitel-pamjati-4548/).
4. *Лысенко П. Ф.* Научное, культурное и государственное значение археологических исследований древнего Берестья // Брестчина : история и современность : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Брест, 29–30 июня 2012 г. Брест, 2012.
5. *Лысенка П. Ф.* Тураўскі кафедральны сабор // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. Мінск, 2011. Т. 2: Л–Я.
6. Минское замчище. Юго-восточная часть. Национальный историко-археологический центр. Архитектурный проект. Демонстрационные материалы. Авторский коллектив: Богласов С.Г., Никитин В.Д. // Архіў УП «Мінскпраект». 09.004.0.00.
7. *Почобут Н. А.* Музеефикация кремнедобывающих неолитических шахт в Беларуси // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы

навук. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. — Віцебск, 2012.
8. *Почобут Н. А.* Сохранение и изучение археологического наследия в музеях БССР (1944–1991 гг.). Гродно, 2019.
9. Уникальный опыт «Живой археологии» в Чаусском районе, 23.08.2017 г. (http://www.chausynews.by/?p=22232).

Демянюк А.К., Кулинок С.В.

«Без пяти мгновений — век…» (К 95-летию Национального архива Республики Беларусь)

В настоящее время Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) — это не только ведущее и крупнейшее архивное учреждение в нашей Республике, это еще и один из центров большой научной и исследовательской работы, особенно по вопросам, связанным с историей Великой Отечественной войны. Основные вехи истории архива написаны работниками и исследователями [*Наша история*… 2007; *Пройденный путь*… 2017, Хранители документальной памяти… 2019, 2021; *Центральный государственный архив*… 1967], но мы продолжаем ежедневно творить и хранить историю.

28 мая 1927 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР законодательно оформили создание Центрального архива Октябрьской революции БССР (ЦАОР БССР). С этого момента ведет отсчет своей истории НАРБ.

Коллектив архива в те годы состоял из 4 человек. В соответствии с возложенными функциями ЦАОР БССР должен был хранить документы центральных, государственных, профессиональных, кооперативных, общественных организаций и учреждений Беларуси, действовавших с февральской революции 1917 г. Формирование фондов будущего архива началось еще в 1922–1926 гг. В архивохранилище № 2 Центрархива БССР, расположенном в церкви Святого Духа бывшего мужского православного монастыря, концентрировались документы учреждений и организаций, функционировавших с первых лет советской власти.

Уже на 1 октября 1927 г. в ЦАОР БССР хранилось более 161 тыс. дел, в том числе документы народных комиссариатов просвещения, земледелия, внутренних дел, финансов, продовольствия, юстиции, Высшего совета народного хозяйства, Центрального статистического управления, учебных заведений, Белгосиздата, ряда военных частей и организаций и др.

Уже в первые годы существования архива определились основные направления его деятельности — комплектование, научно-техническая обработка, учет, обеспечение сохранности и использования документов. С 1 октября 1927 г. по 31 декабря 1930 г. в архив поступило 92,9 тыс. дел и 4,3 тонны россыпи. Производились разборка, подшивка и инвентаризация принимаемых документов. Параллельно началось использование документов. Уже в 1927–1928 гг. первые исследователи пришли в читальный зал.

В связи с приграничным положением белорусской столицы ЦИК БССР в августе 1929 г. принял постановление о переводе ЦАОР БССР из Минска в Могилев. Переезд проходил в сложных условиях и был осуществлен в 1930–1932 гг. В Могилеве архив располагался в бывших зданиях Богоявленского монастыря и Станиславовского костела.

К середине 1930-х гг. в архиве были сконцентрированы архивные материалы наркоматов, центральных учреждений и организаций БССР и архивные материалы учреждений, организаций и предприятий 50 районов Беларуси. Кроме того, при ЦАОР были созданы архив кинофотодокументов и секретный архив.

В июле 1938 г. ЦАОР БССР был реорганизован в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Белорусской ССР (ЦГАОР БССР). В довоенный период большую часть рабочего времени архивистам приходилось посвящать решению технических задач (приему, размещению, описанию, каталогизации архивных фондов). По мере приведения в порядок документов расширялось их использование. Архивисты выявляли документы по истории

революционного движения, гражданской войны, социалистическому строительству, публиковали статьи, написанные на основе архивных документов в центральной республиканской и местной периодике. Передача в сентябре 1938 г. ЦГАОР БССР, как и всей архивной отрасли, в систему НКВД БССР значительно ограничила возможности архива в использовании документов.

Несмотря на трудности и испытания, с которыми пришлось столкнуться, уже в довоенные годы ЦГАОР БССР стал ведущим архивным учреждением республики, на его стеллажах размещалось более 850 тыс. дел, объединенных в 2318 фондов. В марте 1941 г. принято решение о перебазировании ЦГАОР БССР в г. Минск, но начало Великой Отечественной войны помешало его выполнению.

Внезапное нападение немецких войск и отсутствие плана эвакуации не позволили вывезти документы ЦГАОР БССР в глубь страны. В здании архива, располагавшемся в Братской церкви, сгорела значительная часть материалов, а оставшаяся часть подверглась расхищению. Станиславовский костел, где хранился основной комплекс документов ЦГАОР, зимой 1941–1942 гг. по приказу немецкого командования был передан верующим. В срочном порядке началась перевозка архивных фондов в другие помещения (сарай и клуб швейников по ул. Ленина). Дела складывались в общую кучу. Отведенные под архив помещения не обеспечивали сохранность документальных материалов — они находились в хаотическом состоянии, намокали, многие дела превратились в листовую россыпь.

Весной 1943 г., в целях выявления интересовавших оккупантов документов и их вывоза из Могилева, архивные фонды подверглись сортировке. В январе—феврале 1944 г. они были вывезены в Ригу, где сотрудники штаба А. Розенберга и отдела культуры рейхскомиссариата «Остланд» осуществляли дополнительный отбор документов, тщательно изучали их, классифицировали. Наиболее ценные готовили к отправке в Герма-

нию, а не представлявшие интереса отправляли на бумажные фабрики.

ЦГАОР БССР возобновил свою деятельность в январе 1944 г. в Гомеле, а после освобождения в июле столицы Беларуси переехал в Минск. Работу пришлось начинать фактически с нуля: не хватало квалифицированных кадров, производственных площадей, оборудования, мебели. Ущерб, причиненный оккупантами документальному богатству ЦГАОР БССР, как и всем центральным государственным архивам Беларуси, был колоссален. Погибла большая часть документов, весь научно-справочный аппарат к ним, почти не сохранился библиотечный фонд. Основной задачей архива в первые послевоенные годы являлась организация учета сохранившихся документов, их первичная научно-техническая обработка. Необходимо было переместить в Минск материалы архива, остававшиеся в Могилеве (30 тыс. дел), и вернуть из Риги документы, вывезенные немцами (50 тыс. дел).

Работники архива занимались поисками и сбором находившихся в хаотическом состоянии документов центральных учреждений, хранившихся до войны в ведомственных архивах. Были найдены материалы Верховного Совета БССР, Совнаркома БССР, Госплана БССР, ряда наркоматов, Академии наук БССР и др.

Во второй половине 1944 г. ЦГАОР принял комплекс документов оккупационных учреждений и организаций, воинских и военизированных формирований, белорусских коллаборационистских структур, действовавших на территории Беларуси в 1941–1944 гг. Это фонды Генерального комиссариата Беларуси, гебитскомиссариатов, районных и городских управ, Белорусской народной самопомощи, Белорусской центральной рады, Союза белорусской молодежи и др. Учитывая, что трофейные документы использовались для розыска и наказания военных преступников, была проведена большая работа по их систематизации и переводу на русский язык.

В ноябре 1944 г. сотрудники ЦГАОР выехали в Ригу для организации перевозки принадлежавших архиву документов в Беларусь. В июле 1945 г. реэвакуированные документы прибыли на станцию Минск-Товарная и затем были помещены «навалом» в здании бывшей синагоги по ул. Немиге, 1б. На 1 января 1946 г. в архиве насчитывалось 239 фондов, включавших 153 214 единиц хранения, и 3324,5 кг россыпи.

Главной задачей архива было обеспечение сохранности документов. Особенно это касалось документов, находившихся по ул. Немиге, 1б, условия и режим хранения которых совершенно не соответствовали установленным нормам. В связи с тем, что они располагались в штабелях при отсутствии воздуха и смены температур, создавались условия для загнивания документов, особенно в зимнее время. Чтобы ослабить этот процесс, в архиве в весенне-летний период организовывалась просушка документов.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в архиве велось засекречивание архивных документов. Так, фонды ЦИК БССР и СНК БССР были засекречены, потому что там хранились личные дела А. Червякова, В. Игнатовского и других «врагов народа»; сведения о лицах, лишенных избирательных прав, переписка по выборам в местные Советы и др.; фонд НКВД БССР из-за хранившихся в нем личных дел иностранных подданных и лиц, желавших выехать за границу; фонд Главного управления милиции БССР содержал списки на работников милиции, ранее служивших в полиции, и т. д. Завершена эта работа была в 1952 г. По оценкам современных исследователей в ЦГАОР БССР было засекречено до 50% документов.

Для улучшения качества проводимых в архиве работ, разрешения методических вопросов, рассмотрения и рецензирования подготовленных методических пособий в марте 1953 г. создана методическая комиссия.

Для организации и проведения работ по выявлению документов в народно-хозяйственных и научных целях в августе

1954 г. в архиве создана группа по использованию документальных материалов. Подготовка сборника «Из истории борьбы за установление Советской власти в Белоруссии и образовании БССР» заложила прочные творческие связи архивистов и Института истории АН БССР. В сборник, изданный в 1954 г., вошло 22 документа ЦГАОР БССР.

Решения XX съезда КПСС, начавшиеся процессы демократизации советского общества оказали влияние и на развитие архивного дела. В ЦГАОР БССР началось рассекречивание документов. Для этого в марте 1956 г. создана специальная комиссия, в результате работы которой отделом секретных фондов было передано на общее хранение 24 937 дел, в том числе из фондов Центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров БССР, Госплана БССР, наркоматов.

Результатом этого стала активизация публикационной работы. В 1957 г. были опубликованы сборники документов и материалов [*Революционные комитеты БССР…* 1957], куда вошли 183 документа архива. В 1960 г. Институт истории партии при ЦК КПБ издал сборник «Письма трудящихся В.И. Ленину», в котором опубликованы 5 документов ЦГАОР БССР.

В 1960 г. архивная служба передана из ведения МВД в подчинение Совета Министров. Началась перестройка работы по комплектованию государственных архивов и их контролю за ведомственными архивами. Была поставлена задача перейти от бессистемного комплектования к приему на постоянное хранение документов учреждений, играющих ведущую роль в системе государственного аппарата и народного хозяйства и имеющих важное политическое, научное и народно-хозяйственное значение. На 1 января 1961 г. в архиве числилось 786 фондов объемом 264 216 единиц хранения. В связи с этим были увеличены штаты и проведена реорганизация структуры архива. Были организованы отделы комплектования, учета и обеспечения сохранности документов, секретных фондов, научно-справочного аппарата, использования и публикации документальных мате-

риалов. Создана экспертно-поверочная комиссия. В результате осуществленной перестройки системы комплектования уже в 1961–1962 гг. на хранение поступили фонды ведущих республиканских учреждений: Совета Министров за 1942–1950 гг., Госплана (1946–1956), Министерства просвещения (1939–1955), Министерства юстиции (1944–1953) и др.

В 1963 г. архиву передано здание по ул. Бакунина, 4. После проведенной реконструкции ЦГАОР БССР переехал в 1968 г. в новое помещение, что позволило создать оптимальные условия для хранения документов, размещения сотрудников и открыло возможность для приема на госхранение новых фондов. Началось интенсивное комплектование. В 1969–1980 гг. ЦГАОР БССР принял от республиканских учреждений более 100 тыс. дел. В результате к 1981 г. он практически исчерпал свободные архивные площади.

Для выхода из создавшейся ситуации, которая была характерна не только для ЦГАОР, но и для ряда других архивных учреждений, был взят курс на оптимизацию состава документов госархивов. Основными направлениями этой работы были пересмотр источников комплектования, улучшение качественного состава документов, подлежащих передаче на госхранение с учетом дублирования и повторяемости документальной информации, проведение целевой комплексной экспертизы ценности документов, хранящихся в архиве. Но результаты не оправдали надежд архивистов. Не удалось в полном объеме осуществить оптимизацию состава документов на стадии ведомственного хранения. Малоутешительными оказались итоги целевой экспертизы хранящихся фондов — существенно освободить стеллажную площадь для комплектования не удалось.

С 1975 г. ЦГАОР БССР начал комплектование документами личного происхождения. В 1977 г. на хранение поступил первый личный фонд М.А. Зетюкова, участника Гражданской войны.

Перестройка в СССР активизировала работу по обеспечению общества ретроспективной информацией. В 1983 г. нача-

лось рассекречивание фондов архива. Одним из первых были открыты документы НКВД БССР за 1920-е гг. К середине 1988 г. документы 19 министерств и ведомств были сняты с ограниченного доступа. Среди них материалы Совета Министров, министерств сельского хозяйства, строительства, просвещения, легкой промышленности БССР и др. В апреле 1990 г. началась работа по изучению и рассекречиванию документов немецких оккупационных и коллаборационистских организаций, которая завершилась в 1995 г. В начале 1990-х гг. пользователи получили доступ к фондам секретариата Белорусской Народной Республики и его консульства в Риге и Константинополе, личным фондам К. Езовитова, И. Ермаченко. Расширение информационной базы усилило использование архивных документов. Увеличилось число исследователей в читальных залах.

Конец 1980-х гг. ознаменовался активизацией международной деятельности архива. В 1987 г. на международной конференции руководителей столичных архивов социалистических стран в Софии республику представлял директор ЦГАОР БССР В.Д. Селеменев. Он также входил в состав советской делегации на IX Международном конгрессе архивов в Париже в августе 1988 г. В мае 1992 г. В.Д. Селеменев участвовал в судебном процессе над пособником нацистов Полюховичем в г. Аделаида (Австралия), в рамках которого были представлены подлинные документы архива.

Сложные политические процессы, протекавшие в советском обществе в 1980-е гг., переход к рыночным отношениям оказали существенное влияние на деятельность архивных учреждений. Финансирование стало осуществляться по долговременным стабильным нормативам, всесторонне отражающим целевую направленность деятельности архива. Расширились права и самостоятельность трудового коллектива в решении вопросов производственной деятельности и социального развития. Значительно повысилась общественная активность архивистов. Это нашло отражение в создании 26 сентября 1990 г. Белорусского

общества архивистов. Его председателем был избран директор ЦГАОР БССР В.Д. Селеменев.

В 1991 г. архив переезжает во вновь построенное здание по ул. Кропоткина, 55. Впервые в своей истории архив разместился в специализированном помещении, в котором были созданы оптимальные условия для хранения документов, а здание оборудовано системами кондиционирования и газового пожаротушения. Хорошие условия для труда получили сотрудники, число которых выросло до 80 человек. Открылась возможность для возобновления комплектования: за 1992–1994 гг. на государственное хранение было принято 75,4 тыс. дел.

В мае 1993 г. ЦГАОР БССР переименован в Белорусский государственный архив (БГА). Новый этап в истории архива начинается с июня 1995 г. После передачи документов бывшего Центрального партийного архива Компартии Белоруссии он реорганизован в Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).

Для создания оптимальных условий функционирования НАРБ был реализован ряд организационных мероприятий. Была уточнена структура архива. Организованы новые отделы публикации документов и документов Великой Отечественной войны. Это привело к росту численности сотрудников с 80 до 152 человек.

После объединения двух архивных комплексов в НАРБ встал вопрос об организации единого централизованного учета документов. В партийных архивах он осуществлялся по упрощенной схеме и не соответствовал правилам работы госархивов (отсутствовали список фондов, листы фондов, указатели к ним и др.). По результатам проведенного анализа состояния учета документов бывшего Центрального партийного архива были подготовлены предложения по их интеграции в систему государственного учета, рассмотренные и одобренные дирекцией архива в марте 1996 г.

Совместно с архивистами областных архивов НАРБ подготовил и издал краткий справочник [*Фонды бывших архивов…* 1997], в котором впервые была дана информация о фондах, хранившихся в партархивах республики, за исключением фондов учреждений периода Великой Отечественной войны.

Увеличение информационных ресурсов архива, рассекречивание и облегчение доступа к ним, развитие системы научно-справочного аппарата способствовали активизации работы по обеспечению общества ретроспективной информацией. Развивалась выставочная деятельность архива, выросло число пользователей в читальном зале. С 1995 г. НАРБ выступает в роли головной организации по подготовке документальных изданий: в 1995–2006 гг. под грифом архива увидели свет 55 сборников документов, справочников, каталогов и других изданий. За цикл работ по этой проблеме [*Белорусские остарбайтеры…* 1996] председатель Белкомархива В.И. Адамушко и сотрудники архива Н.А. Бондаренко, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев получили Государственную премию Республики Беларусь.

Расширились масштабы международной деятельности НАРБ — с ноября 2003 г. архив стал членом Евроазиатского регионального отделения Международного совета архивов. Плодотворным оказалось сотрудничество с австрийским институтом им. Л. Больцмана по исследованию последствий войн. Значительный интерес вызвал совместный австрийско-белорусский сборник документов и материалов [*«Остарбайтеры». Принудительный труд…* 2003], справочник на немецком языке, [*Документы по истории Великой Отечественной войны…* 1998, 2001].

Расширение масштабов деятельности НАРБ сопровождалось переходом на новые информационные технологии. Их неоспоримые преимущества в сфере автоматизации трудоемких и рутинных процессов, постоянное расширение парка компьютерной техники создают условия для всестороннего использования

ПЭВМ в архиве. В августе 2005 г. в структуре архива создан отдел автоматизированных архивных технологий.

Новый этап в истории архива начался осенью 2007 г., когда в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16.03.2006 № 363 «О размещении государственного учреждения "Национальный архив Республики Беларусь"» он переехал в здание Национальной библиотеки Беларуси и занял 17–21-й этажи высотного здания и два фрагмента в стилобате.

В новом здании было оборудовано 8 архивохранилищ площадью 6771 м^2. Помещения оснащены современным технологичным оборудованием: установлены системы автоматического газового пожаротушения, пожарной сигнализации с выходом на пульт МЧС, оборудована охранная сигнализация и система контроля управления доступом, а также системы оперативного управления, контроля и полного мониторинга температурно-влажностных параметров, пылеудаления. В хранилищах установлены стационарные и мобильные стеллажи. Общая протяженность стеллажных полок составляет 37 930 погонных метров, а вместимость архивохранилищ рассчитана на 1 204 273 единицы хранения.

Большая работа проводится по комплектованию архива документами личного происхождения выдающихся государственных, политических и общественных деятелей, ученых, коллекционеров, участников и свидетелей исторических событий и др. В архиве хранятся фонды П.М. Машерова, Т.Я. Киселева, А.Н. Аксенова, Н.Н. Слюнькова, С.О. Притыцкого, К.Т. Мазурова, Н.Е. Авхимовича, И.Д. Ветрова, Н.Н. Александрова и др.

НАРБ ежегодно реализует десятки самостоятельных и совместных выставочных проектов, посвященных юбилейным датам, знаковым событиям и персонам в белорусской истории. В торжественных мероприятиях по случаю открытия архивных выставок традиционно активное участие принимают историки, архивисты, музейные работники, представители республиканских органов власти, общественности.

Развитие современных информационных технологий предоставляет возможность для активизации деятельности Национального архива по ряду новых направлений, в том числе в глобальной сети Интернет. Благодаря подготовленным и размещенным в открытом доступе электронным выставочным проектам пользователи со всего мира получают возможность удаленно ознакомиться с цифровыми копиями документов по истории партизанского движения на территории Беларуси в годы войны. Большая работа в НАРБ также проводится по размещению в свободном доступе научно-справочного аппарата к документам архива.

НАРБ на регулярной основе выступает в качестве площадки для проведения научных, научно-практических, памятных и торжественных мероприятий, посвященных знаковым событиям и персоналиям белорусской истории.

Работники архива являются авторами сотен научных, научно-популярных, справочно-информационных публикаций по истории, историографии, источниковедению, архивоведению, археографии.

За последние пятнадцать лет под грифом архива выпущено более 65 документальных изданий, в том числе сборники документов и материалов [*Купала і Колас…* 2011–2012; *Тростенец…* 2016; *Лагеря…* 2016; *Возрожденный из руин…* 2017], справочники [*Беларусь в постановлениях…* 2008; *Белорусское общество…* 2008] и др.

Архив активно осваивает новые публикационные формы. В 2019 г. была запущена серия «Партизанский архив». За два годы были выпущены три электронных (мультимедийных) сборника документов, в которых были опубликованы все оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения за 1942–1944 гг. [*Оперативные и разведывательные сводки…* 2019, 2020; *Сводки и спецсообщения…* 2020]

В год празднования 75-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, в преддверии Дня Незави-

симости — 1 июля 2019 года на базе Национального архива Республики Беларусь состоялась официальная презентация и публичный запуск общедоступной базы данных о партизанах и подпольщиках, действовавших на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны, и информационного интернет-портала «Партизаны Беларуси» (адрес электронного ресурса — partizany.by). Данный масштабный проект реализуется НАРБ совместно с учреждением Администрации Президента Республики Беларусь «Издательский дом «Беларусь Сегодня» (в соответствии с Планом подготовки и проведения мероприятий по празднованию 75-й годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и Победы советского народа в Великой Отечественной войне, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь № 408 от 16 октября 2018 года).

НАРБ является постоянным участником всех крупнейших международных форумов в сфере архивного дела и делопроизводства. Ежегодно проводятся общие конференции Евроазиатского регионального отделения Международного совета архивов (ЕВРАЗИКА), совместные заседания коллегий Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь и Федерального архивного агентства России (Росархив), в которых представители НАРБ принимают самое активное участие.

Сегодня НАРБ является крупнейшим архивным учреждением в Республике Беларусь, которое имеет не только богатую историю и традиции, но и обладает современной материально-технической базой и хорошим кадровым потенциалом.

Год своего 95-летия Национальный архив Республики Беларусь отметит рядом важных и знаковых проектов. Будет завершена работа над 6 томным фундаментальным сборником документов из серии «Без срока давности. Беларусь» о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Головным

центром реализации этого фактически общеархивного проекта стал отдел публикаций НАРБ. Уже увидели свет книги по Витебской, Гомельской, Гродненской и Могилевской областям [*Без срока давности. Беларусь…* 2020–2021].

Будут изданы первые мультимедийные издания из серий «Переселенцы из БССР» (об участии белорусов в освоении целинных земель Казахстана) и «НЭП в БССР» (в области сельского хозяйства).

В настоящее время НАРБ выполняет важнейшую функцию, связанную со сбором доказательной базы в рамках уголовного дела о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Благородная и ответственная миссия по сохранению уникальных документальных материалов возложена белорусским обществом и государством на Национальный архив Республики Беларусь. На протяжении десятилетий ряд поколений коллектива работников учреждения выполняет эту почетную задачу с гордостью! И сегодня можно с уверенностью утверждать, что Национальный архив Республики Беларусь своей продуктивной работой по всем ключевым направлениям деятельности продолжает подтверждать престижный и ответственный статус флагмана архивной отрасли Беларуси.

Источники и литература:

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область: сборник арх. док. и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]. Минск: НАРБ; М.: Фонд «Ист. память», 2020. 932 с.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны.

Гомельская область : сборник арх. док. и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]. Минск: НАРБ; М.: Фонд «Ист. память», 2021. — 576 с.

3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гродненская область: сборник арх. док. и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]. Минск: НАРБ; М.: Фонд «Ист. память», 2021. 268 с.
4. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Могилевская область: сборник арх. док. и материалов / сост.: А.Р. Дюков, В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]. Минск: НАРБ; М.: Фонд «Ист. память», 2021. 510 с.
5. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941–1945 гг.: справочник / сост.: В.Д. Селеменев, В.В. Скалабан, В.Н. Шепелев. Минск: НАРБ, 2008. 216 с.
6. Белорусские остарбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): док. и материалы: в 2 кн. Кн. 1, 2/ сост.: Г.Д. Кнатько (рук.) [и др.]. Минск: НАРБ, 1996, 1997. 304 с., 472 с.
7. Белорусское общество в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны, 1916–1918 гг.: межархив. справ. / сост.: Н.Е. Калесник, Н.Ф. Никольцева, В.В. Скалабан, М.Е. Тумаш. Минск: НАРБ, 2008. 90 с.
8. Возрожденный из руин: восстановление и развитие Минска в 1944–1955 гг.: док. и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]. Минск: НАРБ, 2017. 435 с.
9. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь: аннот. справ. /

авт.-сост.: С.В. Жумарь (отв. сост.) [и др.]. Минск: БелНИИДАД, 1998. 254 с.

10. Купала і Колас, вы нас гадавалі: дак. і матэрыялы: у 2 кн. Кн. 1, 2: 1909–2009. / уклад.: В.Дз. Селяменев, В.У. Скалабан. Мінск: Літ. і мастацтва, 2011–2013.
11. Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944: док. и материалы / сост.: Н.А. Денисова, С. Зукан-Флосс, Ю.В. Зверев, Н.Е. Калесник, Е.М. Мох-Докунова, Д. Стратиевский, М.Е. Тумаш. Минск: НАРБ, 2016. 325 с.
12. Наша история: Национальный архив Республики Беларусь, 1927–2007 гг. / сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]. Минск: НАРБ, 2007. 178 с.
13. Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1943 год [Электронный ресурс] / сост.: С. В. Кулинок, М.Н. Скоморощенко, А.А. Суша. Минск: НАРБ, НББ, 2020 г. 1 электр. оптич. диск (DVD).
14. Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1944 год [Электронный ресурс] / сост.: С.В. Кулинок, М. Н. Скоморощенко, А. А. Суша. Минск: НАРБ, НББ, 2019 г. 1 электр. оптич. диск (DVD).
15. «Остарбайтеры». Принудительный труд белорусского населения в Австрии: док. и материалы. = «Ostarbeiter». Weibrussische Zwangsarbeiter in Österreich: Dokumente und Materialien. [сборник] / сост.: Г. Кнатько, Х. Кнолль, П. Руггенталер, Б. Штельцль-Маркс, А. Вониш. Минск: НАРБ; Грац: Ин-т по исслед. последствий войн, 2003. 332 с.
16. Пройденный путь: 90 лет Национальному архиву Республики Беларусь (историко-документальная летопись) / сост.: Н.Е. Калесник, М.Е. Тумаш (хронография), И.А. Вишневский (библиогр.). Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2017. 298 с.
17. Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочнению советской власти и организации социалистического строительства (июль–декабрь 1920): сб. док. и материа-

лов / сост.: В.А. Круталевич, В.А. Ильичева, Н.И. Булдакова, А.М. Карпачев. Минск: Изд-во АН БССР, 1957. 524 с.

18. Сводки и спецсообщения руководящих органов партизанского движения в Беларуси: 1942 год [Электронный ресурс] / сост.: С.В. Кулинок, М.Н. Скоморощенко, А.А. Суша. Минск: НАРБ, НББ, 2020.
19. Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси: док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]. Минск: Беларус. энцыкл., 2016. 520 с.
20. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: крат. справ.: в 2 ч. / сост.: Г. С. Данилова, В. Д. Селеменев. Минск : НАРБ, 1997. 104 с.
21. Хранители документальной памяти / авт. текста: М.Н. Скоморощенко, С.В. Кулинок. Минск: Колорград, 2019. 15 с.
22. Хранители документальной памяти: история партизанского движения / авт. текста: М.Н. Скоморощенко, С.В. Кулинок. 3-е изд., доп. Минск: Колорград, 2021. 107 с.
23. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР: путеводитель. Минск: Полымя, 1967. 244 с.

МНЕНИЕ

Шевченко О.К.

Искалеченное время в техниках власти
национал-радикалов
(Историософские размышления о книге: Польша
в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. /
Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред.
Д. С. Буневич. — М., 2020)

Сто лет истории — это много или мало? Вопрос представляется бессмысленным без определения — истории чего? Так, даже на чистом филологическом уровне проблема времени в количественном или качественном аспекте бессмысленна без обращения к пространственности: географической, политической, социальной, антропной — не столь уж и существенно. 100 лет из истории Польского государства — это много или мало? Вероятно, это мало, если взять общую хронологию существования польской государственности начиная с десятого века. Но, как известно, в исторической линейной хронологии есть отрезки, мало насыщенные событиями, а есть отрезки с удивительно плотной событийностью, когда о линейности истории и говорить-то не приходится. В последних случаях происходит разворачивание одномерной линейки однонаправленной хронологии в сложные конструкты с хаотичным, трудно анализируемым переплетением и перемешиванием событийных пластов, когда существовавшие лишь в поэзии политические амбиции становятся повесткой дня в дипломатических переговорах. Здесь даже малозначительные, маргинальные ранее персоны творят государственные перевороты. Здесь традиции (то, что существовало) становятся целью (то, что может существовать). Такие отрезки времени обычно маркируются как «возрожде-

ние исторической памяти», «защита национальной гордости», «реализация политического завещания» и т.д., и т.п.

В книге, которая послужила основой для нашей статьи [*Польша в борьбе… 2020*] предпринята попытка рассмотреть столетний отрезок истории не просто польского государства или польской государственности (что само по себе в русскоязычной традиции не частый гость, а поэтому всегда событие). Авторы книги попробовали осветить трудноуловимый традиционной «кабинетной» исторической лексикой мгновения динамичного и все усиливающегося процесса: борьбы за овладевание пространством. И не абы каким, а запирающим на крепкий замок транзит между Европой и Азией — речь идет, конечно же, о Восточной Европе. Великолепный в своей дерзости и масштабности проект тотальной гегемонии даже не польского государства как классической формы бюрократической политической власти, а польскости как принципа организации трех типов пространственности: социального, политического и гуманитарного. Проект, который Ю. Пилсудский обозначил как Междуморье (Międzymorze) [*Польша в борьбе… 2020,* с. 61]. Появившиеся в Польше после Первой мировой войны, эти концепция, проект и их конкретные механизмы реализации были подержаны и развиты уже США в ходе холодной войны и активно используются в современном мире.

Идея Междуморья — это распространение польскости на сложные многомерные пространства между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Для решения этой практической задачи, а именно она воспринималась и воспринимается ныне в Польше, на этот проект направлены серьезные ресурсы. Но главным и одним из самых эффективных, как оказалось, явилась игра со временем и смыслом. Как это ни парадоксально, но цель на созидание (единого польского пространства), с точки зрения как бывших, так и нынешних геостратегов Междуморья, может быть решена исключительно через разрушение и хаос. Разрушение «старого мира» для насаждения на него польскости происходит

через политику «прометеизма». Отказавшись от пропагандистски-комплиментарных штампов, можно однозначно заявить, что «прометеизм» есть разжигание этнокультурных и религиозных конфликтов в сопредельных странах. Как следствие, прометеизм направлен на разрушение бытующих там способов организации политического, социального, культурного, экономического и гуманитарного пространства [*Польша в борьбе… 2020,* с. 57–118]. Подобно тому, как Прометей принес людям огонь и посредством его разрушил монополию Богов на гармонизацию мира.

Костяком этой работы служат националисты самого разного порядка, которых объединяет одно: ненависть как к «либералам из Брюсселя» так и к «империалистам из Москвы» [*Польша в борьбе… 2020,* с. 167]. Работа националистов, а по сути — фашиствующих организаций, возможна лишь в ситуации искажения культурной оптики населения. Классической технологией из тех, которые столь блистательно были в свое время вскрыты французскими политическими мыслителями от М. Фуко [*Фуко 2005*] до Ж. Бодрийяра [*Бодрийяр 2016*], является смешивание сюжетов из разных времен и придание актуальности тому фокусу видения реальности, который угоден господствующему элементу в данный конкретный момент. Это может быть акцент на величие нации со времен Болеслава Храброго, а может и ненависть к разрушителям идеального государства во время разделов Польши. Время в этом случае ломается, историческая аналитика замещается нарративом, который вытягивает прошлое (в терминологии Ж.П. Сартра «законченного прошлого») [*Сартр 2017*] в настоящее и создает эффект полного присутствия нас в этом прошлом. История как отстранённый объект изучения, познания, исследования становится повседневной реальностью, стимулирующей наслаждение, страх, ненависть. Такая нарративизированная история продуцирует разнообразные состояния экстаза тела.

Последнее не преувеличение, а вполне себе визуально наблюдаемая очевидность в национал-фашистских мероприятиях: факельных шествиях, публичных коллективных действиях

и т.д., и т.п. Более того, если кажется, что приведенные выше размышления есть плод «пустых» философских теоретизирований, далеких от практики, то читатель ошибается. Проблема времени, а именно метафизики времени как один из сложнейших и углубленно-философских модусов человеческой мысли, прямо и непосредственно находится в поле практического внимания современных нацистских организаций. Огромное внимание уделяется метафизике времени Мартина Хайдеггера с его вниманием к мифо-поэтическим образам смерти [*Хайдеггер 2006*]. По методам, описанным этим фашистским философом, проводятся методические встречи и читаются лекции с довольно звонкими названиями «За стеной времени». Причем это происходит не в холодных академических аудиториях, а на пышущих жаром съездах: «Молодых националистов» (Junge Nationalisten) молодежной организации Национал-демократической партии Германии (NPD)» [*Ларуэль 2019*, с. 49].

Но вернемся к тексту работы, ставшей предметом наших размышлений. Авторы сборника говорят об этом как о фантазиях, причем зачастую фантазиях элиты. Но представляется, что ситуация куда как более сложна. Фантазии, обретающие силу повседневной реальности, превращаются в материальные кошмары, способные на чудовищные преступления. Внедрение праворадикальной пропаганды в массовое сознание происходит под личиной «культуры», «возвращения к забытым истокам» или «примирения». Этот инструмент изменения политической реальности через изменение исторической памяти у современных правых радикалов носит название «метаполитика». Суть его заключается в следующем: «Деятельность интеллектуалов способствует разъеданию сообщества, добавляя к внутренним недостаткам плюралистических режимов деятельность взрывных идеологий. Кроме того, чем больше консенсус рассыпается и сужается, тем больше становится идеологический спрос, на который отвечает деятельность интеллектуалов. Соответственно, власть вынуждена считаться с движителями общественного мне-

ния и, соблазняемая маривами моды и талантами интеллигенции, часто сама открывает путь этому процессу замены ценностей, жертвой которого она в конце концов и становится. Именно так под влиянием культурной власти происходит низложение идеологического большинства», — откровенно заявил о своей методологии лидер французских «новых правых» А. де Бенуа [*Бенуа 2001*]. Примеров тому достаточно в событиях последнего десятилетия в восточноевропейских странах. Праворадикальные движения десятилетиями беспрепятственно вели там пропаганду «культа жертвы» своей страны (или «кровавых земель» между Гитлером и Сталиным) и создавали миф о своих предшественниках (националистах, коллаборировавших с немецко-фашистскими оккупантами) как о «третьей силе», якобы боровшейся и против Гитлера, и против Сталина. После того, как массовое сознание искажено, происходит государственный переворот, устанавливающий откровенно националистический режим при поддержке и в интересах внешних спонсоров.

Авторы рассматриваемого сборника подчеркивают стремительное удаление от реальности представлений о Будущем в пространстве исторической памяти, формируемой в Польше, Европе и даже США. Отчего так происходит? Обратимся в духе деконстурктивизма (который, надо сказать, весьма уважаем не только в «чистой» философии, но и в прикладной юриспруденции и в отдельных частях историографии) к термину «Междуморье». Итак, это некое пространство между чем-то и чем то? На первый взгляд это именно так. Пространство между морями. Но достаточно заменить лишь одну букву, как анализ может получить новый виток смыслов. «Междумо́рье» и «Междуми́рье». По сути, попытка обладания всем пространством в треугольнике трех морей приводит к равноудалению обладателя от существующих миров. Миров в смысле своего нераздельного единства времени и пространства, памяти и социальности, ощутимости своей сродности с занимаемым пространством и укоризненности в своем времени. Это междумирье, просе-

дающее между Европой, Россией и Азией (или более политкорректно — Востоком).

Междумирье — это отсутствие мира, это барахтанье в пустоте, где соседями являются порожденные тобой химеры, расчеловечивающие тебя желания, деструктивные страсти. Все они ввергают насельника междумирья все глубже в пропасть исторической пустоты, безвременья и кошмаров. Таков был итог национал-социализма Германии, фашизма Италии, национал-коммунизма Камбоджи и др. Впрочем, корректные авторы сборника выразились более научно и ценностно нейтрально: «слепо веря в собственные исторические фантазии, лидеры в Варшаве, как и их исторические предшественники, настойчиво ведут свою страну в стратегический тупик» [*Польша в борьбе ... 2020*, с. 172]. С этими словами нельзя не согласиться.

Источники и литература:

1. *Де Бенуа А.* Консервативная «культурная революция» // Русский журнал, 8 ноября 2001 (http://old.russ.ru/politics/20011108-adb-pr.html).
2. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016.
3. *Ларуэль М., Ривера Э.* Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. М., 2019.
4. Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. М., 2020.
5. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2017.
6. *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005.
7. *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабук Александр Вадимович, кандидат филологических наук, доцент Факультета международных отношений Белорусского государственного университета. Сфера научных интересов — теория литературы, компаративистика, когнитивная лингвистика, художественная антропология.

Вашкевич Андрей Фридрихович, заведующий отделом новейшей истории Гродненского государственного историко-археологического музея. Сфера научных интересов: история белорусского национального движения в Польской республике, история Гродненского региона.

Герасимчик Василь Владимирович, магистр исторических наук, выпускающий редактор научного журнала. Сфера научных интересов: восстание 1863–1864 гг., история Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Грибова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Брестского государственного технического университета. Сфера научных интересов: история татарской общины в Республике Беларусь, история Великой Отечественной войны.

Демянюк Андрей Константинович, директор ГУ «Национальный архив Республики Беларусь». Сфера научных интересов: послевоенное восстановление Беларуси, история архивного дела в Беларуси.

Киенко Дмитрий Геннадьевич, научный сотрудник Центра военной истории Беларуси Института истории НАН Беларуси. Сфера научных интересов: история Второй мировой и Великой Отечественной войн, история авиации.

Красильников Игорь Борисович, кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного университета. Сфера научных интересов: история Смоленщины, российско-белорусские связи, история Великой Отечественной войны.

Кулинок Святослав Валентинович, заведующий отделом публикаций Национального архива Республики Беларуси, кандидат исторических наук. Сфера научных интересов: Великая Отечественная война, история архивного дела в Беларуси.

Лисовская Татьяна Витальевна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Брестского государственного технического университета. Сфера научных интересов: межконфессиональные коммуникации в Республике Беларусь, международное право, история Великой Отечественной войны.

Лютик Дмитрий Владимирович, историк. Работает в системе образования. Сфера научных интересов: история фортификации, Первая и Вторая мировые войны.

Малыхина Людмила Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент Брестского государственного технического университета. Сфера научных интересов: Рижский мирный договор, конфессиональная политика Второй Речи Посполитой, история Брестчины.

Почобут Наталья Александровна, кандидат исторических наук, археолог, музеолог, старший научный сотрудник ДНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси». Сфера научных интересов: музеефикация памятников археологии, материальная культура Беларуси периода ВКЛ.

Шевченко Кирилл Владимирович, доктор исторических наук, профессор Минского филиала Российского государственного социального университета. Сфера научных интересов: «русинский вопрос» в XX веке.

Шевченко Олег Константинович, доктор философских наук, доцент Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Сфера научных интересов: философия власти, философия истории, восточная философия, история международных отношений.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Белорусский исторический обзор» учрежден Институтом истории НАН Беларуси, Институтом российской истории РАН и Фондом «Историческая память» с целью способствовать развитию исследований по изучению Беларуси в ее современных границах, включая труды по проблемам международных отношений, этнографии, истории, социологии, культурологии, археологии и другим наукам гуманитарного цикла.

Приоритетное значение в журнале отдается публикации рецензий (рубрика с соответствующим названием) на уже вышедшие труды по белорусистике. Обращаем внимание авторов на то, что рецензия должна отражать место рассматриваемого труда в советской, белорусской, российской и зарубежной историографии данного вопроса. Мы приветствуем оценки новизны проблемы и источниковой базы, достоверности, глубины, содержательных и композиционных достоинств и недостатков, сопоставление позиции автора рассматриваемой книги с суждениями по данным вопросам представителей других школ. Следует избегать поглавного пересказа труда, сосредоточившись на анализе достоинств и недостатков в освещении заявленной проблемы автором книги, показав перспективы, которые открыл для исследователей рассматриваемый труд.

Вместе с тем в нашем журнале есть рубрики для публикации результатов эмпирических исследований (рубрика «Статьи»), суждений по злободневным проблемам белорусоведения (рубрика «Мнение»)

I. Редакционная политика

1. Предоставляемый в редакцию авторский материал не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 авторского листа, рецензии — 0,2 авторского листа.

Представленная в редакцию журнала рукопись должна соответствовать тематическому профилю журнала, отвечать международным стандартам научных публикаций и быть оформленными в соответствии с установленными правилами. Она также должна представлять собой изложение результатов оригинального авторского научного исследования, быть вписанной в контекст отечественных и зарубежных исследований по этой тематике, отражать умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач. Все тексты должны быть написаны литературным языком, отредактированы и соответствовать научному стилю речи. Некорректность подбора и недостоверность приводимых авторами фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений может стать причиной отклонения присланного материала (в том числе — на этапе регистрации).

2. Не принимаются к публикации статьи, содержащие признаки как фальсификации результатов научных исследований, исходных данных и сведений, так и плагиата — представления в качестве собственных чужих идей и достижений, использования чужих текстов без ссылки на источник. Также не принимаются к публикации статьи, содержащие элементы автоплагиата (т.н. «перепечатки» уже опубликованных тем же автором статей).

3. Все таблицы и рисунки в статье должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Если данные заимствованы из другого источника, на него должна быть дана библиографическая ссылка в виде примечания. Весь графический материал принимается только в виде, редактируемом инструментами Word.

4. Список литературы к статье должен содержать только те труды, которые упомянуты в статье. Искусственное расширение списка литературы за счет не упомянутых в основном тексте трудов запрещено.

5. Список литературы должен содержать не менее 1/4 трудов, вышедших по проблеме статьи за последние 10 лет.

6. В списке литературы возможны ссылки на публикации научных трудов в сети Интернет. Количество таких источников не должно превышать 1/4 общего количества трудов в списке литературы. Ссылки на интернет-порталы, на которых отсутствует научное редактирование материалов (например, Википедию), запрещены.

7. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов. Отказ автора от редакционных изменений может стать причиной отклонения статьи.

8. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Зарегистрированные статьи рассматриваются редакцией и при формальном и содержательном соответствии требованиям журнала направляются на анонимное экспертное рецензирование.

II. Правила рецензирования статей

Автор направляет в редакцию статью в соответствии с требованиями к научным статьям, предъявляемым для публикации в журнале.

Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов редакционной коллегии или рецензенту.

При оценке статьи рецензент учитывает: соответствие тематике журнала, научную новизну и значимость представленных результатов, соответствие правилам подготовки статей; обоснованность результатов; правильность использования результатов других авторов; правильность ссылок; качество изложения и оформления.

В заключении рецензии обязательно указывается одна из следующих рекомендаций: возможность публикации в журнале (в представленном виде или после соответствующей доработки согласно замечаниям рецензента) или нецелесообразность публикации.

Сроки рецензирования рукописи статьи должны составлять не более 7 дней с момента ее получения рецензентом.

Окончательное решение о публикации или отклонении статьи, равно как очередность размещения в журнале принимается редакционной коллегией.

В случае, если мнения редколлегии и рецензента не совпадают, то статья направляется на дополнительное рецензирование.

Редколлегия представляет авторам статьи копию рецензии (без указания рецензента).

Статья, направленная авторам на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткий срок с соответствующим письмом, содержащим ответы на все замечания и поясняющим все сделанные в статье изменения.

Статья, задержанная на срок более 3 мес. или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Автор несет полную ответственность за научное содержание статьи и точность данных, приведенных в списке литературы.

После принятия редакцией решения о допуске статьи к публикации редактор информирует об этом автора. Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации. Оригиналы рецензий хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция не вступает в дискуссии с авторами по поводу отклоненных работ.

III. Этика научных публикаций

Редакционная коллегия научного журнала «Белорусский исторический обзор» руководствуется в своей работе международными этическими правилами научных публикаций, включающими правила порядочности, конфиденциальности, надзора за публикациями, учет возможных конфликтов интересов и др. В своей деятельности редакция следует рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), а также опирается на ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

1. Обязанности авторов

Стандарты отчетности. Мы ждем от авторов представления достоверных результатов проделанной работы, а также объективного обсуждения значимости исследования. Положенные в основу исследований данные должны быть четко изложены в письменном виде. Статья должна содержать достаточное количество информации для проверки и повторения экспериментов другими исследователями. Мошеннические или заведомо неправдивые заявления приравниваются к неэтичному поведению и являются неприемлемыми.

Доступ к данным и их хранение. Авторов могут попросить предоставить исходные данные для редакционного обзора. Они должны быть готовы предоставить открытый доступ к таким данным, если это представляется возможным, и в любом случае должны быть готовы сохранять исходные материалы в течение разумного периода времени, прошедшего после их публикации.

Оригинальность и плагиат. Авторы должны предоставлять только оригинальные работы. При использовании текстовой или графической информации, полученной из работ других лиц, необходимы ссылки на соответствующие публикации или письменное разрешение автора. Любого рода плагиат расценивается как неэтичное поведение и является неприемлемым.

Множественные, повторные и конкурирующие публикации. Авторы должны указать, что их работа публикуется впервые. Если элементы рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу и указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование неприемлемы, они могут быть использованы только как основа для новых выводов. Подача статьи в более чем один журнал одновременно расценивается как неэтичное поведение и является неприемлемой.

Подтверждение источников. Авторы обязаны признавать вклад других лиц, оказавших влияние на характер представленного исследования. Обязательно наличие библиографических

ссылок на использованные работы. Информация, полученная в частном порядке, путем разговора, переписки или обсуждения с третьими лицами, не должна использоваться без получения открытого письменного разрешения от их источника.

Авторство работы. Авторство должно быть ограничено теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию заявленного исследования. Все те, кто внес значительный вклад, должны быть перечислены в качестве соавторов. Те, кто принимал участие в некоторых существенных аспектах исследовательского проекта, должны быть отображены в списке участников проекта. Автор должен гарантировать, что имена всех соавторов и участников проекта помещены в списки соавторов и участников и что все соавторы ознакомились с окончательным вариантом научной работы и одобрили ее, а также дали свое согласие на ее публикацию.

Раскрытие информации и конфликт интересов. Все авторы должны раскрывать в своих работах информацию о любых финансовых и других значительных конфликтах интересов, которые могут повлиять на результаты исследования или их интерпретацию. Все источники финансовой поддержки проекта должны быть раскрыты.

Существенные ошибки в опубликованных работах. Если автор обнаруживает существенную ошибку или неточность в своей опубликованной работе, он обязан незамедлительно уведомить об этом редактора или издателя журнала и оказать им помощь в устранении или исправлении ошибки. Если редактор или издатель узнает от третьего лица, что опубликованная работа содержит существенные ошибки, автор обязан незамедлительно убрать или исправить их или же представить редакции доказательства правильности исходной статьи.

2. Обязанности редакции

Решение о публикации статьи. Представление статьи на рассмотрение подразумевает, что она содержит полученные

авторами новые нетривиальные научные результаты, которые ранее нигде не публиковались. Каждая статья рецензируется. Рецензирование проходит по «слепой» схеме, когда рецензенты знают автора, но автор не знает рецензента. Эксперты имеют все возможности свободно высказать мотивированные критические замечания относительно уровня и ясности изложения представленного материала, его соответствия профилю журнала, новизны и достоверности результатов. Рекомендации рецензентов являются основанием для принятия окончательного решения о публикации статьи. Ответственность за решение о публикации полностью лежит на редакции журнала. Редакция принимает решение о публикации, руководствуясь политикой журнала, с учетом действующего законодательства в области авторского права. Редакция оценивает рукописи исключительно по их научному содержанию, безотносительно расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства и политических взглядов авторов. Статья, в случае принятия к опубликованию, размещается в открытом доступе; авторские права сохраняются за авторами.

Конфиденциальность. Редактор и все сотрудники редакции не имеют права раскрывать информацию о предоставленных работах никому, кроме соответствующих авторов, рецензентов, других редакционных консультантов и, при необходимости, издателя. Редактор и сотрудники редакции не имеют права использовать неопубликованные материалы, использованные в предоставленной рукописи, в собственных исследованиях без письменного согласия автора.

Конфликт интересов и разрешение этических конфликтов. В случае конфликта интересов в результате конкурентных отношений, сотрудничества или других отношений и связей с одним из авторов, компаний или учреждений, связанных с представленными рукописями, редактор передает рукопись для рассмотрения другому члену редколлегии.

Редакторы должны запрашивать от всех участников процесса раскрытия существующих конкурирующих интересов.

Если конкуренция интересов была выявлена после публикации статьи, редакция обязана обеспечить публикацию поправок. При подаче этической жалобы относительно предоставленной рукописи или опубликованной статьи редактор должен предпринимать разумные ответные меры во взаимодействии с издателем (или обществом). Каждое сообщение о факте неэтичного поведения будет рассмотрено, даже если оно поступило спустя годы после публикации статьи. Если жалоба поддерживается, следует публикация соответствующих исправлений, опровержений или извинений.

3. Обязанности рецензентов

Вклад в редакционные решения. Экспертная оценка помогает редактору в принятии редакционных решений и посредством сотрудничества редактора и автора может помочь автору в улучшении его работы.

Оперативность. Любой избранный для оценки работы рецензент, который считает, что его квалификации недостаточно для рассмотрения исследования, представленного в научной работе, или знает, что скорость ее рассмотрения будет слишком низкой, должен уведомить об этом редактора и отказаться от процесса рассмотрения.

Конфиденциальность. Любая рукопись, поданная на экспертизу, должна рассматриваться как конфиденциальный документ. Недопустимо показывать ее другим рецензентам или обсуждать с иными экспертами без предварительного разрешения главного редактора.

Стандарты объективности. Отзывы о научных работах должны быть объективными. Личная критика автора неуместна. Рецензенты обязаны выражать свои взгляды четко и аргументированно.

Подтверждение источников. Рецензенты должны выявлять соответствующие опубликованные работы в рецензируемом материале, которые не были процитированы авторами. Любые заявления, выводы или аргументы, которые уже использовались ранее в каких-либо публикациях, должны быть соответствующим образом оформлены как цитаты. Рецензент также обязан обращать внимание редактора на существенное или частичное сходство с какой-либо иной работой, с которой рецензент непосредственно знаком.

Раскрытие информации и конфликт интересов. Неопубликованные материалы, использованные в предоставленной рукописи, не должны использоваться в собственных исследованиях рецензента без письменного согласия автора. Закрытая информация или идеи, полученные во время рецензирования, должны оставаться конфиденциальными и не использоваться для личной выгоды. Рецензенты не должны принимать участие в рассмотрении и оценке рукописей, в которых они лично заинтересованы.

IV. Порядок сдачи материала

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов. Отправляемый в редакцию файл должен быть сохранен в формате Word 97–2003 (расширение .doc) и должен быть назван по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank).

Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Авторы статей, принятых к публикации, фактом отправки в редакцию своей рукописи выражают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе

метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в библиографические базы данных и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании.

Внутреннее рецензирование осуществляется редакцией журнала «Белорусский исторический обзор». Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук по соответствующей специальности. Сканкопия отзыва внешнего рецензента на статью отправляется в редакцию в формате PDF.

В случае несоблюдения каких-либо из представленных здесь требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие материалы.

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (СМИ)
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций номер свидетельства: ПИ № ФС77-77395,
дата регистрации: 17.12.2019

Цена свободная

Подписано в печать: 07.03.2022

Дата выхода в свет: 28.03.2022

Формат: 60×90 1/16

Печать офсетная

Объем: 8 п. л.

Корректор — *Г. Рыженкова*
Художественный редактор — *М. Левыкин*
Верстка — *Р. Фахрутдинов*

Адрес редакции:
119002, Москва, Гагаринский пер., д. 35, оф. 8.
Электронная страница: https://www.facebook.com/belhistobzor

Учредители журнала «Белорусский исторический обзор»:
Институт истории НАН Беларуси
Институт российской истории РАН
Фонд «Историческая память»
Ассоциация историков Союзного Государства

Издатель:
Фонд «Историческая память»
119002, Москва, Гагаринский переулок, д. 35, оф. 8

Отпечатано в типографии «Р-Мастер»
Тираж 200 экз.

ISSN 2658-5170

9 772658 517001 >

12+